

Вырождение двести лет спустя

Гаяз Исхаки

Переводчик Р. М. Кадыров

ВСТУПЛЕНИЕ*

Написать эту книгу меня побудила глубокая неудовлетворенность тем путем развития, который вольно или невольно наша нация избрала для себя и который сулит ей неизбежную гибель. В противовес мнению некоторых моих соплеменников, считающих, что именно этот путь приведет к благополучию и процветанию, в настоящий момент я не вижу ни одного продуманного шага, способного помочь нам всем выбраться из тупика. То, что делается, по большому счету не что иное, как преходящий приступ лихорадочной активности, обозначенный бесплодными словопрениями, не претворяющимися в конкретные действия. Это своего рода мода на энтузиазм, и я не могу определить его другим словосочетанием, нежели "кукольная свадьба". Все вокруг действительно напоминает театр марионеток. Естественно, при таком развитии событий ожидать серьезных результатов не приходится.

Возможно, я ошибаюсь; не исключено, что мои утверждения будут даже осмеяны. Однако я почему-то уверен, что очень близок к истине в оценке положения, а может статься, и подошел к ней вплотную.

В книге мое мнение о нынешней национальной ситуации будет представлено со всей полнотой. Тут же, впрочем, хочу заметить, что если положение коренным образом изменится, на смену моим скептическим мыслям придет надежда.

Книга написана очень жестким языком. Особенно досталось сословию улемов¹, пользующемуся большим уважением в народе. Поначалу я хотел объяснить, откуда у меня такое к ним отношение, то есть, как бы заранее оправдаться. Но мое убеждение в том, что именно улемы являются главным препятствием на пути национального прогресса, оказалось настолько

сильным, что я посчитал за унижение оправдываться перед ними. Однако внести некоторую ясность я все же должен. Пусть у читателя не складывается впечатление, что мои атаки на улемов обусловлены какими-то личными поводами. Нет, просто всякий раз, когда я выстраивал в уме основные причины нашей отсталости, сословие улемов, защищающее невежество с такой яростью и ожесточением, тут же занимало первое место среди них. Ислам, приверженцем которого я являюсь, не позволяет мне скрывать правду, особенно если дело касается будущего нации, а совесть велит называть вещи своими именами, без оглядки на авторитеты.

Я допускаю, что многие встанут на защиту улемов и будут возражать мне, утверждая, будто я отказываюсь видеть и воспринимать все то хорошее, что улемы совершают ежедневно. Но это будет мнением ошибочным. Я — представитель рода мулл и по отцовской, и по материнской линии. С детства я постоянно был окружен людьми этого сословия, да и в дальнейшей жизни очень часто общался с ними. То есть написанное в предлагаемой книге — следствие личных наблюдений и опыта. Этот опыт прямо подсказал мне, что сословие улемов как массивный камень заслоняет дорогу к прогрессу, не давая никому двинуться дальше. Я пришел к пониманию того, что если мы хотим видеть нашу нацию процветающей, ни в чем не проигрывающей на фоне других народов, необходимо пренебречь "добрыми советами" улемов, положить конец их вмешательству в чисто бытовые вопросы, начиная от покупки штанов и починки самовара и заканчивая выдачей девушек замуж. Равным образом, их следует лишить всех привилегий и относиться к ним как к обычным людям, имеющим свои достоинства и недостатки.

По-моему, пришло время освободиться от "идейного" давления улемов и стать, наконец, свободными в действиях и поступках. Только после этого можно рассуждать о дальнейших перспективах.

Хорошо известно, что нынешним бедственным положением некогда процветавшие Испания и Бухара обязаны именно слепому следованию бестолковым и недалеким советам и рекомендациям так называемых "ученых" от религии. Доказано, что в истории каждой нации, каждой религии "ученые мужи" всегда были помехой прогрессивному развитию, и, уж, конечно, наши доморощенные улемы — не исключение из этого правила.

Так давайте же отвергнем их притязания на обладание истиной. Ведь их назначение — хоронить, как подобает, умерших, давать имена новорожденным и тому подобные обязанности. И мы не имеем права наделять их другими полномочиями.

Вторая помеха на пути прогресса — отсутствие настоящих мектебов² и медресе³. В тех, которые худо-бедно функционируют, обучают чему угодно, только не научным дисциплинам. Вообще проблеме образования мы придаем ничтожно малое значение. И, прежде всего, по причине того, что отдали дело просвещения на откуп все тем же улемам, хорошо зная, сколь низкой компетенцией они обладают в этой области. Глупо надеяться, что люди, не могущие даже связно ответить на вопрос, зачем и почему нужны образование и воспитание, справятся со святым делом подготовки детей к взрослой жизни. Да, глупо и в то же время опасно. Когда я думаю над этим, в памяти постоянно всплывают строки одного из крупнейших русских писателей, великолепного психолога Тургенева: "Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно"⁴. И, действительно, размышления над проблемой, вызывают у меня то приступ смеха, то слезы.

Третья и едва ли не самая значительная помеха на нашем пути — это нищета, в которой прозябают люди, пытающиеся, так или иначе, способствовать прогрессу. Такие обычно рождаются в бедных семьях и поэтому, не имея возможности приложить свой энтузиазм на святом поприще национального возрождения, служат лишь как наемная сила, изнывая от произвола невежественных хозяев. Все это очень прискорбно. Среди нынешних писателей и литераторов ни один не может позволить себе статус независимого художника. Они угнетены жизненными обстоятельствами, привязаны к месту, которое дает им какой-никакой, а кусок хлеба, и фактически являются марионетками в руках богатыхсамодуров. Самое скверное, что пока не видно ничего, что могло бы вывести этих потенциальных патриотов из рабского положения. Ситуация крайне тревожная, и для ее исправления нужно очень много сделать, разумеется, сначала все хорошенько обдумав. К несчастью, у нас, у **булгар**,** сложились особые, специфические условия жизни, отличные от других народов. В зарубежных странах поборники активного действия, сторонники прогресса, в особенности мастера художественного слова

выросли в богатых и благородных семьях. У нас же совершенно другая картина: люди, готовые с великой радостью посвятить себя подвижнической деятельности, происходят из неимущего класса. Они живут под постоянной угрозой того, что одно неосторожно сказанное ими слово лишит их источника пропитания на долгие месяцы и даже приведет к полной изоляции от общества.

Есть и четвертое препятствие на пути прогресса — наш отказ от образования в русских школах. Ведь мы до сих пор не осмеливаемся признаться самим себе, что не имеем медресе в подлинном значении этого слова, что мы невежды, которые изучили процедуру ритуального омовения и при этом, едва ли сделали несколько серьезных шагов на пути углубления знаний. Естественно, такое положение приносит нам только вред и в дальнейшем не сулит ничего радостного. До сих пор даже наиболее способные и думающие из нас избегают учиться в государственных образовательных заведениях и отговаривают от этого других. Я крайне огорчен этим обстоятельством и, честно говоря, не усматриваю причин для такого отношения к казенным школам и училищам.

Мы находимся в составе России уже 350 лет и за эти годы не видели от нее ничего, кроме пользы. Странно, что очень многие мои соплеменники даже не знают, подданными какого государства они являются. Другие же (и их не меньше) опасаются русских, подозревают их во враждебном и тенденциозном отношении к мусульманам. Все это крайне неблагоприятно сказывается на положении нашей нации и нашей отчизны. Я полагаю, что в исправлении столь ненормальной ситуации в лучшую сторону должно быть заинтересовано правительство. Но такая возможность откроется лишь при условии, пропаганды русского языка среди **булгар**, широкого распространения произведений русских писателей и одновременной свободе издания **булгарской** литературы. Правительственные чиновники не должны опасаться ее, так как **булгарские** авторы — люди одаренные, сообразительные, прогрессивно мыслящие и, что очень важно, не обвиняющие русских в некоем пристрастном отношении к **булгарам**. Нет никаких сомнений, что наша литература внесет значительный вклад в сближение русских с **булгарами**, и, конечно, чем больше выйдет книг

на болгарском языке, тем больше людей смогут прочесть их и открыть для себя нечто очень важное и необходимое.

Наконец, пятая преграда, затрудняющая поступательное движение, — это отсутствие основательности и солидности при подготовке и осуществлении задуманных дел. Последовательности у нас едва хватает на год, ну а дальше что-то заклинивает, и все планы рушатся. Многие сознают этот недостаток, но пытаются утверждать, что он чуть ли не врожденный. На мой взгляд, причина в том, что у нас не выработана привычка настойчиво и упорно трудиться. Обязательно нужно найти средство, "лекарство", которое смогло бы привить нам этот столь необходимый навык.

Да, верно, в наших селах открываются и работают школы. Но преемственности в этом деле как не было, так и нет! Не успев открыться, школа уже через год прекращает свою деятельность; проучившись один год в мектебе, шакирд⁵ бросает его, чтобы найти какую-то работу.

И еще об одном я хочу сказать. Некоторые из нас с пылом и рвением берутся за ту или иную работу, но хотят результата немедленно, а не получив его, остывают и бросают дело на полпути. Приступают к другому, но терпят такую же неудачу. Их губит нетерпение, неумение видеть перспективу. Мы вообще чураемся кропотливого труда, который единственно и дает возможность создать в итоге что-то прочное и серьезное.

Лишь один год проучившись в русском училище, мы уже требуем права на поступление в университет, ну а те, кто оказался настолько терпеливым, что выдержал два года обучения, устраиваются писарями в каком-нибудь судебном присутствии за 15 рублей месячного жалования и сразу же приобретают страшно деловой вид, словно служат нации на очень важном посту.

Все, о чем я написал выше, по-моему, не что иное, как прямые признаки вырождения, по крайней мере, начала катастрофического процесса. Поэтому я призываю вас немедленно приступить к переустройству жизни. Если у нас есть желание идти вперед по цивилизованному пути, мы обязаны взяться за решение самых насущных проблем национального бытия и всячески помогать тем, кто уже занимается этим святым делом. Двинемся навстречу прогрессу плечом к плечу, ведь помыслы и желания наши едины.

Будем старательны и терпеливы в этом движении, не пожалеем ничего ради достижения цели. Только так нация получит право называться действительно нацией.

Ну а если мы по-прежнему будем заниматься ни к чему не обязывающими разговорами о будущем за чашкой чая с вареньем, следует забыть о счастливом конце. Ведь известно: чтобы получить плоды, дерево выращивают и бережно ухаживают за ним несколько лет. Так давайте поступать таким же образом. Не собираемся же мы ставить себя в положение людей, которые сегодня посадили яблоню, а на завтра вышли с лукошком собирать яблоки, и, удостоверившись, что никаких плодов нет, стали рубить безвинное деревце!

Все написанное в этой книге, каким бы горьким или, наоборот, приторным оно ни показалось, исходит из моего сердца, поверьте. То, что может быть воспринято вами как ироничное, насмешливое отношение к серьезным вещам, на самом деле результат долгих мучительных раздумий, когда уже кажется, что просто невозможно найти нужные слова, способные передать душевную боль, когда хочется плакать, а слез уже нет. Вот почему горькие строки в этой книге, исторгнутые из почти иссохшей души, для меня гораздо важнее и дороже тех, что содержат положительные оценки того или иного явления. Я надеюсь, что, в свою очередь, и их воздействие на читателя будет гораздо сильнее и существеннее.

* * *

*Формально вводная часть книги не выделена отдельным заголовком. И все же по сути это - вступление ("мукаддама", как пишет сам автор), и мы сочли возможным поименовать его именно так.

¹Улемы — *араб.*, богословы, теологи; в книге под этим словом подразумеваются прежде всего консервативно настроенные муллы.

²Мектеб — *араб.*, обычно деревенская школа при мечети.

³Медресе — *араб.*, религиозное учебное заведение с 10—12-летним сроком обучения, программа которого включала главным образом чисто теологические и религиозно-обрядовые дисциплины; после реформы начала XX века программа была дополнена рядом гуманитарных и естественнонаучных предметов.

⁴Здесь явная описка. Г. Исхаки цитирует строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «К А. О. Смирновой-Россет». (прим. ред.)

^{**}Мусульмане, населяющие центральные области России, по происхождению являются булгарами. Татары лишь вошли в их состав и ассимилировались. Поэтому в данной книге я называю свой народ болгарским (примечание Г. Исхаки).

⁵Шакирд — перс., учащийся, ученик медресе.

Если пожелает Всемилостивый Бог

Шахмухаммед Ишмукаев¹ почтет за высокую честь пригласить вас на церемонию бракосочетания (никах), которая, если будет угодно Всевышнему, состоится 12 сентября 1800 года в 2 часа дня, т. е. в среду сразу же после полуденного намаза².

Такое приглашение было разослано многим distinguished и авторитетным в округе людям. И вот к назначенному времени к дому Шахмухаммед-бая³ стали подъезжать на тарантасах участники торжества: Альмухаммед-хазрат⁴, Ахматша-хазрат, Валиулла-хазрат, Заки-хазрат, муэдзин⁵ Джамал, кари⁶ Хаким, Мардан-суфи... "Поздравляем, поздравляем! Да будет благословен этот день!" - громко приветствовали хозяина гости. Впрочем, тарантасы и двуколки продолжали прибывать, заполнив вскоре уличное пространство перед домом. Там же толпилось множество зевак.

В доме все было готово к началу церемонии, ждали только Шахимардана и Гали-бая. Наконец появились и они и, поздравив хозяина с радостным событием, степенно проследовали во внутренние покои. Замыкал шествие сам Ишмукаев.

Почти в каждой комнате трехэтажного каменного особняка стояли празднично накрытые столы. Шахмухаммед с гордостью оглядел большой зал, где два длинных стола были предназначены для хазратов, а другие два — для сватов. Он проверил и все остальные помещения — гостиную, нижнюю часть дома, чердак. По-видимому, нужные люди уже собрались, и

церемонию можно было начинать. "Ну что ж, досточтимые хазраты, все готово, пожалуйста", — сказал Шахмухаммед. Приходской мулла Ахметшах прочистил горло и для верности осведомился у свата Фахри, можно ли приступать к чтению положенной молитвы. "Конечно, хазрат, начинайте. Сегодня узами никаха сочетаются дочь уважаемого Шахмухаммеда Айсылу и мой сын Бикбау". При этих словах все присутствующие слегка улыбнулись. "В приданое даю десять тысяч!" — добавил Шахмухаммед. И тут Ахметшах-хазрат, даже не спрашивая, есть ли свидетели, и позабыв о том, что должен еще услышать слова согласия от невесты и жениха, бросил искоса взгляд на ишана⁷ Шахимардана и потупил голову. "Нет уж, мулла Ахметшах, читайте молитву сами", — громко сказал ишан. Ахметшах-хазрат снова прокашлялся и, наконец, начал: "Альхамду лиллях⁸...". Все прошло гладко, если не считать, что он забыл произнести часть аята⁹, а именно: "А если вы боитесь, что не будете справедливы..."; но зато другую часть: "женитесь на двух, и трех, и четырех" — прочитал с большим чувством, тщательно растягивая гласные.

Сват Фахри и Шахмухаммед, шелестя банкнотами, обошли столы, за которыми сидели хазраты. За такие подаяния краснеть не приходилось: хазратам досталось по пятьдесят (!), муэдзинам и кари — по двадцать пять рублей.

Мелодичный перезвон тарелок и ложек заполнил весь дом. Стали разносить блюда — одно за другим, в определенной очередности. При появлении на столах каждого последующего кушанья ишан Шахимардан и хазраты нахваливали хлебосольного хозяина. Шахмухаммеду и свату Фахри было очень приятно слышать одобрительные слова. Ведь их произносили не кто-нибудь, а хазраты, которые, конечно же, знают все на свете и все могут оценить по достоинству!

Праздничный обед удался на славу. Столы ломились как от яств домашнего приготовления, так и от кушаний, специально для "свадьбы" закупленных в кондитерских лавках. Одно блюдо сменяло другое, а в конце гостям подали шербет. Гости, улыбочиво переглядываясь, полезли в карманы. Зазвенели монеты, зашуршали ассигнации. Деньги складывались на тарелки, которые затем унесли в женскую половину дома. Была прочитана

Вообще не стоит удивляться, если порой то, что совершалось столетие назад, нынче подвергается осмеянию. Так было и в девятнадцатом веке по отношению к восемнадцатому, так будет и в веке двадцать первом, и наши потомки посмеются над тем, что происходит сегодня. Лично я в этом не сомневаюсь.

...Как бы то ни было, но кукольная свадьба стала достоянием прошлого, а вскоре, так и не сумев найти достойное применение своим деньгам, умерли сначала Шахмухаммед-бай, а затем и "сват" Фахри. И опять вопрос: неужели они были до такой степени невежественны, что не могли дать отчета в своих действиях? Неужто они не задумывались над смыслом и последствиями своих поступков? Я мог бы сказать так: для **булгар** вообще свойственно не очень-то ломать голову в поисках ответа на вопросы "почему?" и "зачем?". Это — "старая добрая" традиция. Если бы не она, возможно, сейчас перед нами не стояло бы так много трудноразрешимых проблем. И все же давайте вспомним старую поговорку: "кто прошлое помянет..." — и примемся, наконец, за настоящее дело. В XIX веке на кукольные свадьбы тратили по сорок тысяч, а расходы на настоящие, говорят, доходили и до восьмидесяти тысяч рублей. А сейчас таких денег нет даже для открытия новых школ. Между тем просвещение является в наше время самой важной областью, самой надежной опорой нации.

...Год шел за годом, менялись люди, уменьшились в размерах байские шапки с бобровой оторочкой, а белые калфаки¹⁰ их жен стали заметно короче. Однако, несмотря на это расходы не увеличивались, а за капризами моды просто невозможно было угнаться. Читатель спросит: "А что же делали в то время наши ученые мужи-улемы? Разве не говорили они в своих проповедях о никчемности и вреде того, что творилось? Разве не предупреждали они о будущей катастрофе, если не пресечь безобразия на корню?" Я уже говорил, что и Фахри, и Шахмухаммеду, и многим подобным им пели дифирамбы. Но это — дело прошлое. Как говорится, прошло — былшем поросло. Вскоре улемов увлекло другое занятие. Они начали рьяно рассуждать на тему: "обязательно ли чтение ночной молитвы на территории **Булгарского Юрта**¹¹?" Достаточен ли временной промежуток между ночным и утренним намазом? Все **булгарские** улемы подключились к

обсуждению сего "спорного" вопроса. Практически ни один званый обед, как и ни одно другое собрание не обходились без рассмотрения этой проблемы. Размах дискуссии приобрел немислимые масштабы. Сторонники разных взглядов озадачивали соперников все новыми и новыми аргументами.

В конце концов, все это стало напоминать сельские сходы, а разногласия и страстность спорящих доводила многих до полного одурения. Было и так, что какой-нибудь мулла сегодня придерживался одного мнения, а на следующий день уже отстаивал совершенно противоположную точку зрения. Впрочем, это явление имело под собой известное основание: нанюхавшись табаку, диспутант оказывался в лагере противников ночного намаза, а на следующий день, одурманенный опиумом, неожиданно для себя вставал на его защиту. Да, Шахмухаммеда и Фахри уже не было, однако оставались люди, практически ничем от них не отличавшиеся. К примеру, они ощущали особый прилив веселого настроения по поводу очередной кукольной свадьбы. Расходы, конечно же, не те, но все равно ужасно интересно и забавно. Эти любители "жареного" просто соревновались между собой в организации званых обедов, во время которых испытывали такое же удовольствие от вида отчаянно спорящих мулл, как если бы они лицезрели танцующих рабынь при дворе средневекового падишаха. Все это приобрело огромный размах, а расходы, возможно, даже превысили те суммы, что пошли на устройство кукольных свадеб. Среди улемов возник настоящий раскол, глубокий конфликт. Враждующие стороны издавали брошюры, в которых не только указывали на ошибочность суждений идейного конкурента, но даже доходили до прямых обвинений в вероотступничестве. Излишне спрашивать, какую пользу принесли все эти словопрения обществу. Я уже писал, что в такого рода конфликтах у нас не принято думать об общественном и национальном благе, да и вообще о какой бы то ни было пользе. Главное — спор, остальное неважно!

Тогда же стали строиться мечети, открываться медресе, начался процесс приобщения детей к грамоте. Однако зададимся вопросом: для чего открылись мектебы и медресе, оправдывали ли они свое предназначение? Содержательной части образования внимание не уделялось, большую часть

времени шакирды проводили за изучением предметов, которые никак негодились бы им в будущем. Равным образом, в медресе не придавалось значения воспитанию высокой нравственности, обучению этикету и хорошим манерам, то есть качествам, совершенно необходимым для благополучия нации. И совершенно естественно, что выпускники подобных заведений негодились не только на роль вождей, они вообще никуда негодились. Впрочем, они и не сознавали этих недостатков, а потому без всяких колебаний сами становились преподавателями и, конечно же, не могли дать новому поколению образцов, достаточных для подражания. Именно из-за таких горе-учителей множество наших соотечественников оказались лишены нормального человеческого воспитания. Отравленная ядом таких, с позволения сказать, наставников, немалая часть представителей нашей нации в результате имела обо всем ложное представление. Их обуревали самые причудливые мысли относительно этого мира и мира потустороннего, не покидавшие бедняг до самой смерти.

Во все времена важнее всего было и остается говорить правду, какой бы горькой она ни была. Этот принцип, конечно, применим и к нашим муллам. Ведь 95 из ста относились именно к таким, о которых я говорил выше. Несомненно, была и небольшая доля тех, чьи представления о жизни вполне отвечали духу времени. Однако они не сумели широко распространить свои идеи, видимо, в силу малочисленности, а возможно, просто боялись высказать их вслух.

Между тем ремесла в этот период развивались довольно неплохо, несмотря на противодействие улемов, постоянно твердивших, что «...лишь Бог дает пропитание, что нужно постоянно давать подаяние, и что все разговоры о заработке на хлеб насущный означают неверие». При этом они ссылались на Коран, не понимая его сущности, то есть снова морочили людям головы. Однако традиции торговли, коммерции, столь укоренившиеся в народе, не могли исчезнуть так просто. Вот почему **булгарские** купцы вели оживленную торговлю по всей Азии. Признаем все же, что торговля эта велась хаотично и практическая польза ее вряд ли сознавалась. Скорее всего, успехи в торговле достигались за

счет того, что торговать с азиатами больше было некому, но и в этом случае из-за давления русских чиновников, лишь некоторые могли по-настоящему, полноценно заниматься коммерцией.

Степень развития промышленности также можно было считать весьма высокой. **Булгары** построили немало заводов и фабрик. И функционировали они не хуже русских предприятий. Равным образом земледелие и животноводство вполне соответствовали требованиям времени. Скажем так: хотя в этих областях и не было особо крупных достижений, от русских мы не отставали.

Тем временем в российской жизни произошли значительные перемены. У русских открылись школы, учебный процесс в которых базировался на новых принципах. Вскоре появились и школы для всех сословий и классов. Это дало русской нации новый духовный импульс, столь сильный, что принадлежность к ней сама по себе стала поводом для гордости. В результате во всех областях русской жизни стали активно проявлять себя личности с новаторским складом ума, а так как они знали толк и в торговле, и в других отраслях, **булгары** уже не могли конкурировать с ними на равных и понесли значительный ущерб. Почему? Да потому, что мусульмане так и не сумели по-настоящему оценить предназначение, истинный смысл того, что делают. Медресе же оставались теми же, что и раньше. То же касалось и идейной эволюции. Мы вовсе не торопились менять свои представления о мире, в котором живем.

¹ Так в книге зовут вымышленного персонажа (*прим. ред.*).

² Намаз — *перс.*, молитва.

³ Бай — *булг.*, богатый человек, богач.

⁴ Хазрат — *араб.*, светлейший господин. У булгар это слово обычно использовалось при обращении к муллам, либо при упоминании о них в третьем лице.

⁵ Муэдзин — *араб.*, служитель мечети, призывающий мусульман к свершению молитвы.

⁶ Кари — *араб.*, чтец Корана.

⁷ Ишан — *араб.*, наставник суфийского братства, крупный религиозный авторитет, известный своим благочестием. Некоторые ишаны злоупотребляли своим положением, и критический запал Г. Исхаки в последующем направлен против них.

⁸ Альхамду лиллях — *араб.*, Слава Богу!

⁹ Аят — *араб.*, логически завершенная часть главы (суры) Корана; *букв.* — чудо, знамение. Здесь цитируется сура «Ниса» («Женщины»).

¹⁰ Калфак — *булг.*, традиционный женский головной убор, по внешнему виду которого судили о социальном статусе и богатстве владелицы.

¹¹ Булгарский Юрт — *булг.*, одно из исторических названий Булгарского государства; здесь — собирательное название мест традиционного проживания болгар.

Мы не последовали за русскими в том действительно хорошем, чего они добились. Напротив, стремясь сохранить обычаи предков, мы все более отставали. Улемы, увидев, как некоторые из нас, подражая русским, овладевают нужными нам науками, заголосили о том, что "...это явно говорит о близости конца света". При этом они апеллировали к религии, а потому и большинство народа решило, что образование в школах, учрежденных государством, является богопротивным делом.

Но вот стали появляться и школы для **булгар**, обучение в которых велось на русском языке. Снова началось брожение умов. Нововведение стало дежурной темой для дискуссий и жарких споров. И на этот раз, как всегда, не обошлось без религии. Перед улемами возник вопрос: как рассматривать обучение на русском языке с теологической точки зрения? Является ли оно запретным, достойным порицания или все же допустимым? И вновь все это напомнило кукольные свадьбы прошлого. Не обременяя себя знанием того, чему учат в новых школах, некоторые однозначно заклеямили их словом "харам" (запретный); доходило даже до обвинения учащихся этих школ в безбожии (впрочем, среди улемов были и такие, кто одобрял обучение на русском, более того, утверждал, что оно обязательно). Естественно, в народной среде царил полная сумятица. Распространялись ложные слухи. Самые незначительные из них, переходя от одного населенного пункта к другому, приобретали зловещий смысл: "Всех обяжут учить русский язык, медресе закроют, двери мечетей заколотят, детей силой возьмут у родителей и будут обучать по-русски!!! А вы слышали, в городе N сын мусульманина учится в русской школе! [...] А к одному мулле пришел некий русский и стал говорить, что нет никакой разницы между вашей религией и нашей! Боже, какой ужас! Тут еще одна соседка побывала в гостях и там услышала, что

всех детей поголовно увезли невесть куда! Вот и Галяви-ишан говорит, что это добром не закончится...". Горесть и печаль завладели душами людей... По городам народ переставал торговать и вообще заниматься делом. В то же время сельские жители были в ожидании новостей из города. А новости-то день ото дня страшнее! Вот солдат вернулся со службы, а местный помещик показал ему книгу, в которой написано, что рано или поздно все народы будут одной веры! Конец света на пороге!

В городах мечети стали местом многочисленных собраний, а в деревнях устраивались сходы. Все требовали одного: направить послания самому царю, а в них прописать, что мы никогда не откажемся от нашей религии, хоть режьте! Слова "приговор"¹², "депутат", "Петербург" стали наиболее популярными. А тут посыпались и сами прошения, адресованные в разные инстанции — от волостного суда до Сената. Рефреном в них звучало: "Убивайте, режьте, а от веры нашей не отречемся!". Правительство пребывало в полном недоумении. Тут же во все места отправлены были представители власти с целью разъяснить народу, что не может быть и речи о каком-либо посягательстве на права мусульман. Однако это никого не успокоило. Последовало новое требование — не допускать обучения на русском языке. Центр завалили прошениями, депутатов слезноумоляли помочь... Правительство поспешило заверить, что на русском будут учиться лишь желающие и никакого принуждения оно не допустит. Ну а русский язык нужен для пользы самих мусульман, так как они живут в тесном соседстве с русскими. У людей немного отлегло от сердца. Впрочем, вскоре распространились другие слухи, да какие жуткие!

Оказывается, жители одной из деревень составили приговор о строительстве церкви! В другом селе появился русский учитель, а еще в одном уже построено здание училища! По деревням пошел плач: стенания и вздохи раздавались отовсюду. Слухи дошли даже до стариков и старух, мирно дремавших на печках, и повергли их в ужасное волнение. Уезжать, немедленно все бросить и уезжать из страны! Жить здесь дальше невозможно. Убейте, но мы не отступимся от веры нашей! И снова приговоры, и снова прошения... Началась настоящая паника. Люди,

совершенно потеряв голову, стали продавать вещи и готовиться к отъезду. Тут же нашлись советчики, поучающие, как это лучше сделать. Появились планы, маршруты. Некий аноним от имени какого-то Габдуллы из Медины¹³ распространял письма, где убеждал, что отъезд из России в данных обстоятельствах просто обязателен. Еще один доброхот пустил слух о легкой жизни в Стамбуле, будто бы по распоряжению султана эмигрантам будут раздавать едва ли не все, что они пожелают. Дальше — больше. Какой-то умалишенный увидел вещий сон. А вот еще, оказывается, старушка перед смертью слабеющей рукой указала сыну направление на юго-запад, т. е. на кыблу¹⁴!

Все эти слухи расценивались не иначе как прямые доказательства того, что остался лишь один путь — покинуть родную землю. Слова некоторых улемов о том, что учащимся в русских школах ничто не грозит и вообще религии не будет нанесено никакого урона, трактовались как явное затмение разума.

В конце концов, исход начался. Многие, продав скотину и раздав домашнюю утварь, двинулись в далекий путь. В аулах там и сям можно было стать свидетелем душераздирающих сцен прощания с пока остающимися на месте родственниками. Одни уезжали, покидая родителей, другие, наоборот, разлучались с детьми. Ежедневные картины прощания, сопровождавшиеся плачем и воплями, полное печали пение, громогласный такбир¹⁵ в мечетях — все это воспринималось чуть ли не как светопреставление. Читатель спросит: "Во имя чего люди, презрев все трудности и лишения, покинули родные места?". Так вот, многие из переселенцев были даже рады переносить все тяготы долгого путешествия. Их согревала мысль о том, что они пренебрегают собственным благополучием ради веры.

Правительство не препятствовало. Где это было возможно, его посланники пытались вести контр агитацию. Но волнение лишь нарастало, распространялись самые неправдоподобные слухи, число отъезжающих росло с каждым днем. К переселению стали готовиться даже люди, допоследнего не решавшиеся на отъезд. Они с нетерпением ждали

вестей от тех, кто покинул край отцов. Все надеялись, что эти вести будут хорошими, радостными. Ведь иначе и быть не могло! Из тех святых мест, куда направились переселенцы, и известия должны были приходить только добрые...

Однако на деле все оказалось далеко не таким безоблачным. Во-первых, некоторые переселенцы задержались в дороге — кто в Дербенте, кто в Батуми, кто в Севастополе и Одессе, многие в Баку. Безденежье не позволило им двигаться дальше. Они оказались в отчаянном положении: ведь и на обратный путь денег не было. Смятение овладело душами этих людей: что делать, куда идти? Если даже попробовать каким-нибудь образом вернуться, в родных местах все равно уже нет ни кола, ни двора. Скот и все имущество продано или роздано.

В такую ситуацию попали те, кто вынужден был остановиться на полдороги... А как обстояли дела у переселенцев, достигших вожделенной Турции? В Стамбуле их для начала поместили в карантин. Всеобщее возмущение было велико. По какому праву страдальцев за веру подвергают такому испытанию? Посыпались требования: долой карантин! Предоставьте нам участки земли и тягловых животных! Говорят, что некоторые даже просили дать им в пользование фруктовые сады.

Через месяц время карантина истекло. Но теперь у мухаджиров¹⁶ и денег не осталось. Где же обещанная земля, скот, сады? Ведь в бумаге ясно было написано: "Тем, кто захочет стать чиновником и с этой целью поступит учиться, будет выдаваться жалование". Выходит, все это ложь? А тут еще и турки пристали с вопросом: мол, зачем вы сюда приехали? А получив ответ: "Во имя сохранения веры, потому что нас стали обучать русскому языку и другим, совершенно ненужным нам вещам!" — только посмеивались. Да еще и приговаривали: "Вы сюда не ради религии, а по своему невежеству приехали...". Некоторые же прямо советовали: "Если хотите нам помочь, то работайте! Землю мы вам дадим в вилаетеКютахья.¹⁷ Садов для вас специально не разбивали, уж извините. А самое лучшее — возвращайтесь-ка на родину, в Россию, зарабатывайте своим трудом, и никто не будет задевать ваши религиозные интересы. Какой вред вы видите в изучении русского

языка? Если бы вы жаловались на отсутствие обучения, мы бы вас пожалели, посочувствовали. Ведь на самом деле, избегая учения, вы отказываетесь от выполнения обязательного в Исламе требования. А еще объявляете себя переселенцами во имя Бога. То, что вы делаете — большая глупость!"

Возможно, если бы такие советы были даны мухаджирам еще в России, они возымели бы действие. Впрочем, там были люди, уговаривавшие паникеров не уезжать, однако таковых обвиняли в ренегатстве. А на самом деле ренегатами, вероотступниками были как раз те, кто подвигнул массу людей к исходу! В конце концов, все поняли, что нужно было жить в родном краю, а не отправляться неведь куда, да, к сожалению, поняли поздно. Те, кто побогаче, все же сумели вернуться. А вот бедняки так и остались там, на чужбине, прозябая в нищете, с тоской по родине и близким.

Особенно несладко пришлось тем, кто при подготовке к отъезду распродал все имущество. Начинать жизнь сначала — вот чем им пришлось заняться. Счастье, что они не успели уехать в Турцию, а поэтому, в конце концов, выдержали все тяготы, да и годы тогда выдались урожайными. Однако у каждого из них в душе осталась рана, кровоточившая еще долгие годы.

Жизнь продолжалась, дни шли бесконечной чередой. Ни изменений, ни нововведений не наблюдалось. Хотя в Казани работали типографии, в которых можно было печатать самые разнообразные книги на любом языке, помимо религиозных трактатов издавались лишь совершенно бесполезные книжки, такие как "Сайф-аль-мулюк"¹⁸ или "Кыйсса-и-Юсуф"¹⁹. А вот совершенно необходимые для нормального развития научные труды, художественные произведения, театральные пьесы практически не появлялись. Обыватели, впрочем, были довольны: "Слава Всевышнему, спокойно живем". Но долго так продолжаться не могло. Как молния разнеслась весть о новом методе обучения. Люди даже не поняли, о чем речь, то ли "усул-и-изит", то ли, "усул-и-язид"²⁰! Пошли разговоры, что старые учебные трактаты выводят из практики и вместо них обучают поновым, написанным современными авторами. Но ведь это скандал! Спаси нас, Всевышний, от новаторских бед! К тому же эти новоявленные авторы вышли из нашей же среды. Форменное безобразие, позор! Они во

всеуслышание дискредитируют старый надежный метод обучения, отказались от "абджада"²¹ и не учат детей по слогам. А какой же это порядок, если в мектебах и медресе не будет слышно милого воркования малых ребяташек — "тый, сын, тэ, тый, сын, тэ..."²². Неужели конец света так близок? Ведь каждый день появляется какая-то новая ересь! Кто бы мог подумать? Самое время призвать на помощь шейхов и ишанов...

Само собой, и улемы начали конфликтовать между собой. Консерваторы в пух и прах раскритиковали новый метод. Ведь если вести обучение согласно ему, то все научатся читать, а это суцая катастрофа! Все начнут читать, а значит, будут самостоятельно узнавать все, что необходимо. Не останется нужды в визитах к мулле. Ведь до сих пор на межлисах²³, если кто-то пытался высказать свое мнение, его тут же одергивал мулла: "Эй ты, невежда! Слушай, что написано в книгах, и не носи всякую чепуху!". Все тут же умолкали. А теперь...что будет теперь? Никакого уважения к улемам не останется, ведь все будут читать, овладевать знаниями, которые считались исключительной монополией улемов. А что это, как не знамение конца света?

Вообще, новый метод обучения произвел на общество действие, которое оказалось гораздо сильнее всего, что было раньше. А все дело в том, что новаторы появились среди наших соплеменников. Поэтому и число их сторонников было не меньшим, чем количество противников. Вскоре в городах стали открываться джадидские школы. Улемы горячо обсуждали это явление. В языке обывателей тема нового метода заняла место обычных разговоров о цене на рожь и шкуры. Четвертая "кукольная свадьба" по своему масштабу не уступала прежним. Инфантильные баи приняли в ней живейшее участие. Появилось много новых суждений, каждый пытался высказаться оригинальнее других. К несчастью, и газеты не остались равнодушными к предмету. Обыватели немедленно заинтересовались периодической печатью: "Ну и что пишут в газетах? Небось, хвалят сторонников джадидистов?" В результате все больше углублялся конфликт между улемами. Повсеместно слышалось: "Ах, проклятый гяур! Джадидский метод — это запретный метод! Не верьте газетчикам, что они могут знать! Недавно некий ишан говорил с таким новометодником на

пароходе, так знаете, что тот сказал? Вы не поверите: он утверждал, что земля круглая!".

¹² Приговор — решение сельского схода в дореволюционной России.

¹³ Медина — один из двух священных для мусульман городов на Аравийском полуострове, в котором похоронен пророк Мухаммед (ок. 570 — 632).

¹⁴ Кыбла — *араб.*, направление на священную для мусульман мечеть Каабу (т. е. Куб) в Мекке. В этом городе Мухаммед родился и впоследствии начал проповедовать Слово Божье. Паломничество в Мекку — хадж — считается одним из пяти столпов веры в исламе, наряду со свидетельством единобожия, пятикратным в день намазом, соблюдением поста в месяц рамазан и раздачей милостыни — закятануждающимся.

¹⁵ Такбир — *араб.*, произнесение слов "Аллах Акбар" ("Бог Превелик!").

¹⁶ Мухаджир — *араб.*, эмигрант, переселенец.

¹⁷ Кютахья - один из крупных городов восточной части Анатолии (центральной части Османской империи), главный населенный пункт одноименного вилаята (провинции).

¹⁸ "Сайф-аль-мулюк" (араб., Меч королей) - произведение Маджлиси (конец XV-начало XVI вв.), очень популярное у болгар.

¹⁹ "Кыйсса-и-Юсуф" (араб.-перс., "Сказание о Йосифе") - поэма великого болгарского поэта XIII столетия Кул Гали. Строки Исхаки о бесполезности таких книг как "Кыйсса-и-Юсуф" и некоторых других, свидетельствуют о юношеском нигилизме автора. Как известно, таких же взглядов на творчество средневековых болгарских и вообще, мусульманских авторов придерживался Габдулла Тукай и некоторые другие молодые болгарские писатели и поэты начала XX века. Эти взгляды были отражением переломного момента в развитии болгарской литературы, стремления молодого поколения отринуть старые литературные образцы и противопоставить им новые приемы и методы творчества.

²⁰ Усул-и-язид (араб.-перс., буквально - "метод йезидов", т. е. сектантского учения, распространенного, в основном, среди курдов. Имеется ввиду "Усул-и-джадид" (араб.-перс., буквально - "новый метод"). Первоначально этот термин означал лишь прогрессивный метод звукового обучения грамоте в противовес старому буквослагательному. В дальнейшем это сочетание стало восприниматься как обозначение реформаторского направления (главным образом, в деле образования и просвещения).

²¹ Абджад (абджад хисабы) - араб.-булг., система счета, в рамках которой каждой букве арабского алфавита присваивается определенная цифра, а сами буквы сгруппированы в семь сочетаний.

²² Тый, сын, тэ — названия букв арабского алфавита.

²³ Меджлис — *араб.*, «собрание» в широком смысле слова.

Не успевала выйти одна книга, как тут же печаталась другая, опровергавшая предшествующую. Множество авторов, не имея понятия ни о новом методе, ни о религии, выпустили массу брошюр, рассматривавших тему с религиозной точки зрения. В природе существует закон: если возникает что-то новое, его рост и распространение неизбежны. Может быть, в силу именно этого закона новый метод прогрессировал день ото дня. Наблюдая за этим, можно было надеяться, что со временем новая система обучения распространится повсеместно, и **булгарская** нация, по

крайней мере, в этой сфере станет достойной новой эпохи. Однако, к нашему несчастью, в среде новаторов выростала бацилла конфликта. Личные амбиции стали превалировать над национальными интересами. Возникло несколько течений. Их представители, каждый по своему разумению или, лучше сказать, неразумению, стали выпускать учебники, по которым преподавали в одних или нескольких мектебах. Так как большинство этих учебников не соответствовало принципам научного подхода к образованию, дискредитация нового метода была неизбежной. Джадидские школы открылись в Казани, Оренбурге, Троицке, Уфе, Чистополе, Каргалах, Семипалатинске и Астрахани, во многих аулах. Несмотря на то, что принципы обучения не были унифицированы и во многом не отвечали требованиям научности, сомнений в пользе и нужности нового метода по сравнению со старым, применявшимся чуть ли не со времен Ноевых, не возникало. Стала ощущаться острая потребность в учителях. Слова "образование", "просвещение" были у всех на устах. Наиболее дальновидные заговорили о насущной необходимости открытия учительских институтов и окончательного упразднения "старометодных" медресе.

Такие слова, как "человечность", "энтузиазм", "патриотизм", стали более употребительны в разговорах. В каждом номере газеты "Тарджеман"²⁴ печатались статьи, в которых содержался призыв к поиску способов и методов для подъема просвещения и ускорения национального прогресса. Авторы статей подчеркивали, что нация, лишенная просвещения, подобна человеку без души. В связи с острой нуждой в преподавателях немало людей решило посвятить свою жизнь педагогическому поприщу, хотя большинство едва ли понимало сущность нового метода. Естественно, что и богатые мусульмане приняли живое участие в процессе. Впрочем, очень многие из них действовали по образцу кукольных свадеб и при удобном случае старались известить окружающих о собственных заслугах. К примеру, один из таких скромно заверял других: "Не хочу хвалиться, но я послал в аул Ирсай учителя. Потом заехал в аул Бурнай и пожурил местного муллу. Я прямо сказал ему, что он учит по-старому, и поэтому дети ничего не знают. И он ничего не смог возразить!". После таких "авторитетных" заявлений

утверждения о том, что самое главное — это обучить детей тадживиду²⁵ или же привить им глубокое почтение к сильным мирам сего, воспринимались как верх банальности.

Отдельные люди, не лишённые сообразительности, проповедовали мысль об учебе во что бы то ни стало, о необходимости образования вообще, неважно, на каком языке. "Своих порядочных школ у нас нет, так давайте отдадим детей в русские школы. Не надо их избегать! — говорили они. — Если хотим спасти нацию от исчезновения, обучение на русском языке нужно сделать обязательным. Мы не должны погрязнуть в собственных интересах, поскольку речь идет о том, что нация безнадежно отстает от других народов. Так давайте бросим все силы и догоним эти народы, будем равными среди равных! Ведь ни речи Ихсан-бая, ни слова муллы Гали не двинут нацию вперед. Слова — это лишь слова, а нужно заниматься конкретным делом. Вроде бы все понимают, что национальный прогресс нужен нам как воздух, что нельзя прожить без культуры и образования. Все разговоры только об этом. Но не стали ли эти разговоры просто очередной модой? По крайней мере, для некоторых это действительно лишь модное поветрие. Мы обращаемся к людям, понимающим суть проблемы, с призывом начать, наконец, работать во имя нации. Трудитесь сколько можете, по мере сил! Какая польза от пустых бесед за чаем с вареньем? Если мы всерьез обеспокоены отсталостью, давайте засучим рукава и за работу! Ну а если не понимаем всей трагичности положения и намерены жить как прежде, гибель нации неизбежна...

...Для укрепления национального духа нужны школы, училища, театры, книги о нашей жизни, написанные на родном языке. Но ведь у нас ничего этого нет! Разве у нации может быть блестящее будущее без всего этого? Итак, или беремся за работу или пропадаем! Люди дальновидные, умные, к вам наш призыв! Сначала встанем на путь самоусовершенствования, затем определим проблемы, мешающие национальному развитию, и с полной отдачей сил и энергии подвигнем себя на службу народу! И пусть не будет в этом тщеславия, а лишь стремление к благу нации. Не дадим себе погрязнуть в ворохе бесполезных рутинных дел,

возьмемся за решение самых основных задач, стоящих перед нацией. Мы не раз говорили: давайте учиться и учить. И снова повторяем: сейчас нам уже не хватает знаний, полученных в мектебах и медресе. Так давайте же учиться и преподавать также и в русских школах. Не надо поддаваться ложным мыслям, пустым сомнениям, разорвем, наконец, порочный круг невежества, которым мы окружили наших детей! Вы говорите, что обучение в русских школах испоганит чистую душу молодых людей. Полноте, и не стыдно вам? И не приводите в пример мурз²⁶, которые учились только на русском языке. Они не думали о нации, их умы не были отягощены национальным самосознанием. Разве освобождение разума от ложных мыслей, искаженных представлений, может быть названо пачкотней души? Напротив, это очищение!"

К сожалению, мало кто прислушивался к таким призывам.

В медресе среди мударрисов²⁷ оживленно обсуждались вопросы поведения, учебной дисциплины и расписания уроков. Многие понимали, сколь это важно, чтобы уроки велись по строгому расписанию, и вроде готовы были перейти к такой системе. Однако, чуть поразмыслив, поняли, что она не несет им никакой выгоды. Ведь в таком случае каждый мударрис должен будет преподавать только свой предмет. И прежние времена, когда преподаватель с большой чалмой на голове, держа в руках толстый фолиант, с важным видом шествовал на урок, канут в Лету. Поэтому они, не отрицая необходимости реформы вообще, вовсе не торопились применять ее к себе. "Послушайте, мулла Салих, — говорили они друг другу, — по-моему, такой порядок неприемлем, как вы думаете? А вы, Шамсетдин-ага²⁸? Что ж, если вы считаете это нужным, согласен, но не приведет ли это шакирдов к непослушанию?". Они, считавшие себя достойными самого глубокого почитания, не могли примириться с мыслью о том, чтобы добровольно превратиться в обычных учителей. Много разглагольствуя о служении народу, в глубине души они желали лишь сохранения личного авторитета.

Время шло, и в привычной жизни медресе все же наметились достаточно серьезные изменения. Несмотря на то, что сама система обучения и воспитания сохраняла в себе некоторые недостатки, по крайней мере, положение шакирдов улучшалось. Содержание учебного заведения в чистоте стало восприниматься как "нововведение, достойное одобрения". Хотя не все еще могли серьезно поверить в существование воздуха как физического понятия и, тем более, в то, что он может быть душным, никто уже не отрицал необходимости "свежего воздуха" для шакирдов на занятиях. В некоторых медресе был реформирован порядок ведения уроков: старая система уступила место новой. Однако возникло непредвиденное затруднение: если старый метод не отвечал одному принципу научного подхода, то оказалось, что новый не соответствовал другому. Вообще, называть такие заведения медресе или мектебами было бы явным преувеличением, скорее им подходило название "дом отчаяния и беспомощности". Почему? Да потому что шакирды, учащиеся таких заведений, в народе считаются несчастными жертвами. Однако как бы то ни было, именно в среде шакирдов стали возникать новые течения мысли, свежие идеи. Например, для многих стало совершенно ясно, что знание русского языка нужно не только для того, чтобы перебраться парой фраз с русскими девушками на палубе парохода, идущего по Волге.

Чтение газет, новых книг, исторических трудов и романов на турецком языке давно перестало быть редкостью для учащихся медресе. Шакирды осознали себя личностями, обладающими волей и решимостью, которые позволяли им смело действовать на любом поприще. С другой стороны, все еще не потерявшие своего значения такие средневековые понятия, как благословение и проклятие, железными цепями держали их в стенах медресе, не давая вырваться на волю, на свежий воздух свободы.

Тем не менее, изучение русского языка как общественное явление, принимало все более широкие масштабы. Для многих шакирдов вошло в обыкновение совершать поездки в русские села или города специально для того, чтобы учить русский язык и совершенствоваться в нем. Шакирды,

достигшие такого уровня, который позволял им читать русские газеты, очень гордились этим обстоятельством.

В эти годы неожиданно нагрянула еще одна "беда" — всеобщая перепись населения. Народ заволновался. Но в силу того, что число образованных и умных людей к этому времени возросло, событие это не вызвало таких серьезных последствий, как случалось раньше.

На книжном рынке появлялись новые издания. Стало модным читать "Тарджеман", русские и турецкие газеты. Новые произведения, проникнутые неведомым доселе духом смелых идей и мыслей, производили действие на читателей. Сильно возрос интерес к научно-популярным книгам, поучительным рассказам из национальной жизни, произведениям, возрождавшим уже погасшие было надежды. В России повсеместно открывались благотворительные заведения. Хотя призрение бедных, помощь неимущим были важным делом со времен появления исламской религии, по-настоящему значение этих понятий мы поняли лишь к концу XIX века, да и то чисто теоретически. До конкретных дел руки так и не доходили.

Если прогресс в области образования ощущался вполне, то такая важная сфера, как торговля, наоборот, сильно деградировала. Многие фирмы обанкротились [...]. Конечно, торговые традиции не исчезли, но дело в том, что большинство из тех, кто занимался коммерцией, были мелкими торговцами. Они продавали лимоны, апельсины, яблоки, арбузы, старье... Настоящих крупных купцов, торговавших, например, мануфактурой или галантерейными изделиями, явно не хватало. По причине частых банкротств доверие к нашим **булгарским** купцам было подорвано. К тому же те немногие, что занимались торговлей по-крупному, просто не признавали по-настоящему, для чего и во имя чего они, в конце концов, торгуют. Таким образом, их участь была предрешена.

Однако самым печальным было даже не это. Падение нравственности — вот что угнетало сильнее всего. Казанцы, так те вообще перешли всякие границы: днем торговали всякой мелочью, а вечерами устремлялись в гостиницы, пивные и публичные дома. Масштабы пьянства потрясали! Это просто не поддавалось описанию. Разврат, прелюбодеяние

расцвели махровым цветом. Там и сям можно было встретить мусульманских девушек и женщин с непокрытой головой. Главными причинами этого позорного явления, несомненно, являлись пьянство и алкоголизм. Мужчины не приносили заработанное в дом, а предпочитали тратить его на шлюх или спиртное. Естественно, что в таких условиях жены ради куска хлеба вынуждены были продавать себя.

Непременным элементом городской жизни было содержание служанок (горничных), и едва ли единицы из них избегали принуждения к сожительству со стороны баев и их испорченных сыновей. Было немало и таких случаев, когда богатые, пользуясь бедственным положением неимущих, просто покупали их дочерей, которые далее обречены были на жизнь распутную, лишённую радостей супружества и счастья материнства. Они теряли все признаки человеческого достоинства, а местом их последнего успокоения чаще всего были места самые отвратительные и мерзкие.

Вообще, степень упадка нравственности была чрезвычайно велика. Например, даже более или менее порядочные люди, попадавшие в атмосферу Сенного базара в Казани, редко вырывались оттуда без значительного ущерба для своей добродетели. Те, что считались "хорошими", явно были влюблены в себя, в то время как прославившие "негодьями" лишь приумножали свою злость и коварство, полагая, что должны соответствовать образу. Пытаться объяснить тем и другим что-либо рациональное было делом бессмысленно, поскольку, не зная даже обыкновенной грамоты, они искренне мнили о себе как об ученых, писателях и уж, конечно, философах. Они полагали, что знаний и ума у них предостаточно, чтобы вмешиваться в любые общественно значимые дела, и при этом говорили про себя: "Вы еще меня не знаете!". Станным образом они верили, что любой мерзкий поступок можно исправить чтением намаза. Конечно же, знание русского рассматривалось ими как самое "богомерзкое дело". Подобных себе, они по-свойски называли "брат мой", и эти слова как бы сами собой уже служили индульгенцией от всех грехов.

²⁴ "Тарджеман" ("Переводчик") — первая общемусульманская российская газета (1883 – 1918), издававшаяся в Крыму. Редактором ее до своей смерти в 1914 году был Исмаил-бей (бек) Гаспринский.

²⁵ Таджвид — *араб.*, комплекс фонетических норм для правильного чтения Корана.

²⁶ Мурза (мирза) — *перс-тюрк.*, наследственный феодальный аристократ.

²⁷ Мударрис — *араб.*, преподаватель медресе, как правило, обучавший наукам религиозного цикла.

²⁸ Ага — *булг.*, уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

Признаем, что в этом веке наша нация сильно деградировала. И это при том, что отношения с Европой, особенно с русскими, стали теснее. Однако у соседей перенимались лишь самые негативные черты — безнравственность, легкомысленное отношение к деньгам, бессовестность. Дело в том, что общение происходило на уровне деклассированных слоев общества. Были, конечно, и такие, кто, так сказать, вращались в более порядочной среде, например, мурзы. Большинство из них обучалось в русских школах и было знакомо с произведениями выдающихся русских авторов. Однако уж не знаю, по какой причине, они забыли, что являются **булгарами**, да и вообще впали в полное забвение относительно самих себя. В этом веке они не принесли никакой пользы — один вред. Их единственным вкладом в общественную жизнь было то, что, думая о себе как о представителях некоего другого народа, они взяли да обозвали соплеменников "татарами". Каждый раз, когда речь заходила о нации, они лишь отмахивались с пренебрежением, произнося фразы вроде такой: "разве наши татары на что-нибудь способны?". Можно было подумать, что отсталость нации досталась ей в наследство от каких-то других **булгар**... Однако, если уж говорить по правде, то главной причиной отсутствия национального прогресса были не **булгары**, которых мурзы называли татарами, а именно "татары", присвоившие себе это имя и таким образом оторвавшиеся от нации. Они, получившие образование в русских школах, очень хорошо знали ее "болезни" и проблемы, но не предприняли ничего для того, чтобы изменить положение к лучшему. Многие из них считали **булгар** неспособными к прогрессу. В сущности, они воспринимали русское образование, знание современных наук и литературы всего лишь как преходящую моду. То есть применение этих знаний для самосовершенствования или уж тем более для национального блага не предполагалось.

Впрочем, если мы обратимся к вкладу в прогресс улемов, то и здесь положительных примеров не найдем. Возникли новые тарикаты²⁹, новые ложные представления и убеждения, новые способы обмана народа, достойные самого дьявола, ну а материальную пользу от всего этого извлекли только ишаны и [...] махдумы³⁰. Конечно, нельзя отрицать и того, что часть улемов и мурз все же трудилась в интересах нации, но таковых было даже не один на сто, а один на тысячу.

Признаем также, что в этом столетии появилась определенная толика людей, не только глубоко образованных религиозно, но и обладающих широкими познаниями в области русской или тюрко-арабской литературы. Благодаря именно им конец века ознаменовался открытием школ и изданием новых книг современного содержания. Если бы **булгарский** народ не дал таких дальновидных и ярких личностей, мыслящих "по-новому", то мы и по сей день топтались бы на месте. Спасибо им! Они напомнили нам, что есть в мире такой народ — **булгары**. Они точно определили наши болевые точки и указали нам на них, стали искать пути национального возрождения. Они не щадили себя, сгорая на поприще прогресса, терпели унижения и оскорбления от недостойных соплеменников, стойко переносили град ложных обвинений и клеветнических измышлений. Они трудились на износ и не просили благодарности. Они постоянно пытались втолковать нам, что нынешнее положение вещей катастрофично и что продолжение в том же духе приведет к плачевным результатам, а раз так, то следует делать все, чтобы не допустить распада и исчезновения нации. Со слезами на глазах говорили они об этом, но не суждено им было пробить стену самодовольства и безразличия.

Вот так и прошел XIX век, наступил двадцатый. Что принесет он нам? Что ждет **булгар** в этом столетии? Такими вопросами задавались наиболее толковые и образованные из нас. Они молились о том, чтобы новое столетие стало эпохой прогресса. И действительно, признаки движения вперед были налицо. Начавшееся в конце девятнадцатого века издание книг день ото дня приобретало все более широкие масштабы. Увеличилось число литературных произведений, рисующих картины национальной жизни. Открыто заговорили о создании национального театра. Многие богачи, наконец, дошли до

понимания того, что нужно специально готовить кадры, которые будут работать во имя национальных интересов. На тех, кто учился в русских школах, перестали смотреть косым взглядом, равно как постепенно исчезало безграничное почтение к "бухарцам"³¹ с головами, затуманенными опиумом. Более того, в разговорах постоянно возникала тема вредности бухарцев. Утверждали, что именно они тащили нацию назад. Отовсюду приходили вести об активизации всего прогрессивного и передового. Мусульмане Оренбурга, Троицка, Уфы, даже Казани прониклись пониманием того, что построить хотя бы и небольшую по размерам школу гораздо полезнее, чем устраивать доходящие до драки диспуты сельских мулл и воздвигать мечеть только лишь для того, чтобы дать возможность дочери какого-нибудь Ахмеджана-ага стать устазбике³².

Вновь вспыхнули споры о путях реформирования медресе. Благодарение Всевышнему, наконец-то, "опиумные головы" стали постепенно отходить в мир иной (пусть Господь Всевышний предоставит им место в раю). Газета "Тарджеман" из номера в номер давала статьи на важные и злободневные темы. С материалами о мусульманах теперь можно было ознакомиться и на страницах русскоязычной прессы. Все это способствовало сближению российских мусульман с русскими. Тем более, что и число **булгар**, учившихся в русских школах, множилось. Даже казанские и оренбургские мусульмане говорили, что получить образование в русской школе, если, конечно, хазрат даст благословение, не так уж и вредно.

С другой стороны, дорога в школы коммерции и другие учебные заведения, где обучали конкретным профессиям, по-прежнему была как будто заказана для детей мусульман. Несколько иначе обстояло дело с обучением девочек. Уже в конце XIX века их стали учить чтению и письму, ну а в начале следующего на тему женского образования и, в частности, подготовки учительниц заговорили всерьез. Как и прежде, идея грамоты среди женщин вначале натолкнулось на жесткое сопротивление мулл, но

продолжалось оно недолго. Сами муллы поняли бесполезность такого противоборства. Простой

народ также увидел, что весь этот шум о недопустимости образования девочек был не более чем средством запугивания, оказавшимся к тому жесовершенно недейственным. Стали открываться школы для девочек. Раньше девочек школьного возраста учили, в основном, старые женщины, рано овдовевшие и много лет трудившиеся на [...] работе. Им просто не оставалось другого занятия, как идти в учительницы. Теперь же их время прошло. Даже к тому, что девочек начали учить преподаватели-мужчины, уже не относились как к чему-то из ряда вон выходящему.

Некоторые девочки-мусульманки получали образование даже в русских школах. Авторы брошюр писали о том, что первым условием национального прогресса является подготовка девочек к миссии материнства. Очень редко, но приходили сообщения о конкретных примерах, когда девочку целенаправленно готовили к должному выполнению материнского долга. И опять пошли бесконечные пересуды о том, что если девушки обучатся грамоте, они будут писать письма молодым парням.

В обществе явственно обозначилась разница между образованными и неучами, росло понимание того, что женщины — это такие же люди, имеющие полное право пользоваться всеми благами сущего мира, что они рождены не для того, чтобы лишь удовлетворять плотскую страсть мужчин, считающих их несчастными, проклятыми созданиями, у которых "волосы длинные, да ум короткий". Однако немало оставалось таких, кто мнил себя чуть ли не средневековыми падишахами, и они, эксплуатируя прежний статус женщин, не желали никаких изменений. Например, некоторые улемы пытались приводить доводы против раскрепощения женщины, говоря: "Согласно святому шариату³³, обучать женщин грамоте есть извращение". Но их авторитет в народе неуклонно падал, да к тому же и сами времена изменились, так что женское образование стало обычным явлением. Ведь хорошо известно, что половину каждой нации составляют женщины, и именно они суть хранительницы национального духа, родного языка, его

диалектов и правильного произношения. Женщины производят на свет как мальчиков — будущих отцов, так и девочек, становящихся впоследствии матерями. Уже этого совершенно достаточно, чтобы дать однозначно положительный ответ на вопрос, стоит ли обучать девочек и женщин грамоте.

Раньше шли горячие споры на тему: будут ли грамотные девушки переписываться с парнями? Противники женского образования, истошно крича о том, что этого не миновать, встречали логичные возражения, что и не обученная письму девушка, если уж захочет, непременно попросит сделать это кого-нибудь другого, и, таким образом, все равно ее целомудренность понесет ущерб, а душевные тайны станут общим достоянием. Теперь же надобность в подобных словопрениях отпала. У хорошей матери и дочь будет порядочной, а у плохой — скорее всего, наоборот. Я думаю, в этом пропадут всякие сомнения, стоит лишь внимательно оглядеться вокруг. Хорошо воспитанная и образованная мать, думающая о будущем своего ребенка, ничего общего не имеет с недалекой женщиной, которая заботится только о том, чтобы тот был сыт, а в случае обиды на мужа может взять да и бросить в сердцах дитя на сундук. Нет, она постарается сделать все, чтобы воспитать ребенка благонравным, здоровым, эрудированным. Естественно, такие матери, как с точки зрения нации и религии, так и с общечеловеческих позиций, представляются просто драгоценностью. Они принесут нации, религии и человечеству громадную пользу. И наоборот, от неграмотных, невоспитанных, полагающих, что муж нужен жене лишь для того, чтобы исполнить функцию быка по отношению к течной корове, а детей называющих не иначе, как "засранцы", — разве можно ожидать от них чего-либо достойного и хорошего? Как вы думаете? Безусловно, такие матери способны своим "воспитанием" лишь испортить безвинное дитя. Вырастая, их дети становятся полноправными членами национального сообщества и приносят всяческий вред и этому сообществу, и религии, к которой они принадлежат по рождению. Соответственно и человечество в целом никогда не получит от них пользы. И я вас спрашиваю: разве можно признать подобных матерей, равно как и улемов, всячески способствовавших их

косности и невежеству, полезными членами общества? Лично я убежден, что они являются исключительно носителями вреда. Нет сомнения, что в день Страшного Суда они получают страшное наказание, пусть даже при жизни ежедневно тысячекратно повторяют тахлил³⁴, а утром и вечером читают аяты из Корана. Это не спасет их от ответственности.

Как бы то ни было, исходя из пословицы "хорошее начало — половина дела" можно было бы надеяться, что рано или поздно женщины обретут свое достойное место в обществе. Но, увы, и этим надеждам не суждено сбыться. Так уж получилось, что в школах для девочек первым учебным предметом оказался пересчет юбок, вторым — обсуждение достоинств невесток, третьим — исследование головы на вшивость, чему предшествовал тщательный подсчет страниц книги из учебной программы, которые еще предстояло изучить.

Таким образом, девочки приобретали хорошие знания именно в вышеперечисленных "науках", а вот о таком предмете, как воспитание, не имели ни малейшего представления.

Однако не подумайте, что это время было окрашено исключительно в серые тона. Ведь мы знали, что на дворе двадцатый век. И если в Европе изобрели беспроводной телеграф и телефон, то и у нас было чем похвастаться. Чем именно? Ишанизмом. Данное явление было таким "драгоценным", что если кто-то становился обладателем титула "ишан", то по сравнению с этим весь мировой прогресс не стоил и ломаного гроша! Потому что ишанство давало богатство, почет, благословение, а если приспичит, то и женщин, одну красивее другой! Короче — все, что душе угодно!.. До сих пор я не верил утверждениям европейских ученых, что восточные народы обладают хитростью и практической сметкой, но сейчас вижу, что ошибался. Судите сами: если телеграф лишь позволяет людям разговаривать друг с другом, то в нашем случае весь народ можно сделать своим рабом. Это ли не высшее мастерство?

В то же время, при всех отрицательных явлениях в литературной области наметилась весьма отрадная тенденция. Наконец-то и

среди **булгар** появились те, кто достоин был называться писателем. Соответственно, стали выходить поучительные рассказы, написанные добротным литературным языком, и романы, при чтении которых чувствовалось, что писали их люди искренние, хотя язык этих романов был несовершенен. Многие хорошо понимали, что издание и распространение книг очень полезны для развития общества. Нередко даже бывшие продавцы мяса открывали книжные лавки. Появились и настоящие солидные книготорговцы. Обнаружилось, что продажа произведений типа "Фазаиль-аш-шухур"³⁵, равно как и различных талисманов, оберегов, сонников, "целебных" трав и масел, коры корицы, молитвенных четок, серы и тому подобного не имеет ничего общего с книжной коммерцией. Очень тяжело, со скрипом, но все-таки издавались произведения, проникнутые новым духом, свежими, оригинальными идеями. Но если выходила в свет книга из жизни служителей культа или богачей, тут же из уст представителей этих слоев слышались истошные вопли: "Запретить! Изъять из продажи!". Доброхоты предлагали обратиться прямо к городскому голове с требованием навести порядок. Ведь у нас в народе считают, что самый высший орган управления — городская дума, а главный правитель — градоначальник. К примеру, когда началась китайско-японская война, люди были искренне удивлены тем обстоятельством, что дума своим указом не остановила ее.

²⁹ Тарикат - араб., суфийское братство.

³⁰ Махдум — *араб.*, сын муллы или другого представителя мусульманского духовенства.

³¹ Бухарцы — муллы, получавшие образование в медресе г.Бухары. Некоторые из них приобрели там привычку курить опий

³² Устазбике — *араб.,-булг.* наставница; обычно, жена муллы, бравшая на себя обязанность воспитывать и обучать мусульманской грамоте девочек при мечети.

³³ Шариат — *араб.*, правовой кодекс мусульман.

³⁴ Тахлил — *араб.*, произнесение формулы "нет иного божества, кроме Бога [Единого]!".

³⁵ "Фазаиль-аш-шухур" - араб. "Достоинства месяцев", сборник религиозно-дидактических рассказов, составленный в XIX веке Джамалетдином Бикташи.

Истерика вокруг новой книги о быте "солидных людей" обычно продолжалась до издания следующей в таком же духе. То есть жизнь шла своим чередом: писатели писали, а недовольные все грозились

пожаловаться властям. Между тем нравственные устои казанцев все более размывались. Несмотря на то, что многие для улучшения положения в этой сфере вступали в различные тарикаты, дело никак не шло на поправку. И главной причиной всему была укоренившаяся в народе убежденность в том, что "...все прегрешения можно замолить, а ишаны поведут нас напрямиком в рай". А следовательно, считая, что блаженство под райскими кущами им обеспечено, люди творили что хотели. Богачи изнывали от праздности безделья и "с тоски" пускались во все тяжкие. Что же касается бедняков, то они, попав в их окружение, оказывались в весьма уязвимом положении. Женщины и девушки, выполняя заказы для воротил Сенного базара¹, вышивали тюбетейки, калфаки, другую мелочь и очень часто, сами того не замечая, вдруг обнаруживали себя безнадежно запутавшимися в тенетах разврата и порока. А так как тюбетейщицы составляли четверть городских женщин, то и степень распутства достигла значительного уровня. Сто лет назад ни один мужчина не пил спиртного, теперь же пьяницы появились и среди женщин. Пивные заводы Казани пополняли свою казну главным образом за счет местных мусульман.

На селе вроде бы не происходило ничего особенного, но и там признаки вырождения вырисовывались все отчетливее. Земельные наделы уменьшались, а мужчины, не имевшие понятия о правильном ведении сельского хозяйства, подавались в город, где были согласны выполнять самую грязную работу. Селянки же шли в услужение городским богатеям, а это был прямой путь в проститутки. Положение мусульман Оренбурга, Троицка, Орска, Касимова в двадцатом столетии было чуть лучше. Объяснялось это тем, что жители первых трех городов вели торговые дела в основном с казахами, и это не требовало больших знаний и опыта в коммерции, а касимовцы, напротив, были немало осведомлены в искусстве торговых сделок, так как находились в контакте с русскими купцами. Отсутствие трудностей вело к распространению лени и праздности в среде оренбургских, троицких и орских мусульман. Хотя и были они простоватыми по сравнению с казанцами, но уроки казанского разврата усвоили очень даже хорошо.

Торговля заметно хирела. Ведь мы торговали в основном тем, что имело хождение у соплеменников: те, кто побогаче, стремились не отставать

от европейской моды, а бедные слои населения приобретали одежду на толкучке у русских. Наши товары почти не находили внешнего спроса, расходы росли, доходы уменьшались, бедность быстро прогрессировала.

К середине XX века возросло количество банкротств, и хотя дома, в которых проживали мусульмане, и не были распроданы, на них сплошь и рядом красовались женские фамилии: Ахметзянова, Мухамметзянова, Абдуллина... Один европейский востоковед в своих путевых заметках, посвященных казанским мусульманам, посвятил этому феномену несколько строк. "Здесь совершенно другое отношение к женщинам-мусульманкам, нежели у других восточных народов. Они держат первенство во всех делах, включая хозяйственные и торговые. В Казани, в мусульманской ее части, все дома на несколько кварталов принадлежат мусульманкам. Они занимаются строительством, будучи в этом независимыми от мужей, а также торговлей" — писал он.

В эти годы те, кто получил образование на русском языке или за границей, совершили немало полезных дел. Был издан целый ряд научных, литературных, исторических трудов. Наиболее активные молодые люди со всем пылом юности включились в деятельность по спасению нации. Они отправлялись в аулы учить народ грамоте, в городах открывали приюты и другие заведения для бедных. В помощь нуждающимся устраивались благотворительные литературные вечера, игрались театральные пьесы. Вскоре даже сформировалась гастролирующая труппа актеров, выступавших в Казани, Оренбурге, Троицке, Самаре, Астрахани и других мусульманских городах. Причем ставились пьесы, сюжеты которых в поучительной форме рассказывали о разных сторонах национального бытия. Все это принесло определенные денежные средства, но главной цели — улучшения морали и нравственности — добиться не удалось. Вначале в театр еще ходили мусульмане среднего и старшего возраста, но постепенно залы стали заполняться русской публикой, рассматривавшей мусульманский театр как некую восточную экзотику. А что же сами мусульмане? Те из них, кто хорошо знал русский язык, посещали именно русский театр, ну а остальные довольствовались цирковыми балаганами.

Начало двадцатого столетия ознаменовалось очень важной тенденцией. Все — и понимавшие суть происходящего, и те, кто лишь считал, что понимали ее, — говорили о необходимости издания национальных газет. Как-то раз тема была поднята на званом обеде, и несколько его участников решили, не откладывая дела в долгий ящик, обратиться напрямую к градоначальнику, но их стремление по традиции так и осталось втуне. Уже и в русских газетах активно дискутировался вопрос о целесообразности появления местной национальной прессы. Наконец, настало время подачи прошений. Для начала с просьбой к властям разрешить издавать газету обратился некто Габд-аш-Шамс-хальфа². Но хотя он и обладал знаниями, позволявшими ему вполне бегло расписываться на почтовых квитанциях о получении денег и был достаточно хорошо известен как преподаватель со стажем, закончивший в свое время одно из казанских медресе, на его прошение пришел отказ с формулировкой: "Человеку, не получившему настоящего образования, нельзя довериться в таком щепетильном деле".

Прошение о выпуске газеты неожиданно подал и некий Шахвали, приехавший в Казань из аула в Алатской³ округе и занимавшийся продажей ичигов. Не знаю, право, почему, но и ему было отказано. По этому поводу группа "солидных" граждан решила обратиться к городскому голове, но у одного члена делегации вдруг скрутило живот, и мероприятие провалилось. Бедняга решил, что это "святые" не позволили ему пойти на богопротивное дело, и спешно послал петуха в Касимов, к тамошнему шейху. И представьте себе: боль в животе как рукой сняло.

Мало-помалу прошения стали приходиться от людей образованных и культурных. И их усилия, в конце концов, оправдались. Один мусульманин, недавно закончивший университет и совсем не богатый, а скорее бедный, получил столь вожеленное разрешение. Так в Казани появилась первая еженедельная газета "Кабан"⁴, на страницах которой освещались литературные, научные и просто житейские проблемы. У обывателей постепенно складывалась новая привычка — читать газеты. Вскоре на страницах "Кабана" стали печататься очень острые заметки одного шакирда о нравах так называемых "солидных людей", в которых он очень ярко высмеивал их. "Солидные" возмутились: "По какому праву он выносит сор из мусульманского дома?" Но такие же сатирические статьи были напечатаны

вскоре в другой газете, и волнения улеглись сами собой. Прошло немного времени, и для читателей попроще стала издаваться газета под названием «Игенче вэ һонэр» ("Земледелец и ремесла"). Статьи ее отличались непритязательным языком, понятным всем. Неизвестно почему, но ее приобретали неохотно. Образованный сын богатого купца даже организовал бесплатную раздачу номеров газеты, исходя из того, что деньги, отнятые его отцом у народа, должны быть возвращены подлинным хозяевам.

В эти годы можно было утверждать, что мусульманское население Казани составляло отдельную нацию. У нации были печатные издания, театры, дома, зарегистрированные на женские имена. Не хватало лишь мектебов и медресе, впрочем, как всегда.

Газеты, о которых идет речь, по направлению были тождественны продолжавшему выходить в Крыму "Тарджеману". Они активно вели обсуждение насущных национальных проблем и задач, печатавшиеся в них большие и содержательные статьи о мерах по сохранению нации и лучших традиций, несомненно, оказывали вдохновляющее влияние на народное сознание. Одно время практически все газеты давали на своих страницах дискуссионные материалы по языковым проблемам. В то время как одни авторы призывали максимально приблизить литературный язык к казанскому просторечному, другие пытались склонить чашу весов в пользу "крымского" диалекта. Языковые дискуссии перекочевали и в русские издания, а затем, соответственно, в европейские и американские. Многообразие мнений и течений было очень велико⁵.

Когда закончилось обсуждение темы литературного языка, приступили к спору относительно орфографии. Некоторые предлагали писать слова так, как они слышатся, то есть отказаться от старого правописания. Другие, напротив, говорили, что при таких коренных изменениях мы можем лишиться всей литературы, создававшейся веками, и призывали оставить все как есть. Ареной спора стали газетные полосы, в серьезных статьях содержалась критика творчества писателей, регулярно печатались театральные обзоры. Широкая публика подхватила газетные темы, в частных беседах выявлялись разные взгляды на проблемы.

Естественно, что и состояние торговли не ускользало от внимания журналистов. В частности, писали о необходимости повсеместного открытия коммерческих училищ. Обилие новых идей и мыслей у **булгар** в это время поражало воображение, но постепенно главный предмет разногласий стал ускользать из поля зрения. В газетных статьях, брошюрах, устных беседах выражались любовь к нации, страстное желание устранить все, что мешает ее прогрессу, и одновременно страх за ее будущее. Число тех, кто разделял эту тревогу, росло день ото дня, но настоящих подвижников, людей дела, практически не было. Наиболее серьезные и проницательные понимали, что из многоцветия мнений, горячих споров и газетных заметок ничего путного не выйдет, а все сведется лишь к новому варианту "кукольной свадьбы", причем к последнему, прощальному, и это особенно удручало их, ибо не оставляло места надежде.

Слова, мысли, идеи приобретали совсем уж нездоровый оттенок. В этом ощущалось какое-то болезненное стремление находить все новые и новые недуги у нации, которая и так яственно ощущала на себе могильный холод. Люди бессмысленно схватывались в спорах об этих недугах и болячках, совершенно забывая об их первопричине и необходимости срочно найти необходимые лекарства. И всю нацию можно было сравнить **сбулгарским** стариком на смертном одре, у постели которого шла бестолковая возня. Бедняга все пытался уговорить "сердобольных", но они не в состоянии были воспринять сколько-нибудь разумные советы. Вот с какими словами старик обращался к горе-советчикам: "Умоляю вас, оставьте меня в покое хотя бы в последние часы жизни. Вы говорите, что всегда жалели меня? Спасибо. А я-то, дурак, надеялся на действенность вашей жалости, говорил себе: я непременно поправлюсь, встану на ноги. Вы меня жестоко обманули! Ведь если б не вы, я мог обратиться за советом к другому доктору, ну а не обратился б, так помер бы от старости, понятия не имея о своих болезнях. Вот вы все говорите: он уже давно болен, давайте найдем радикальное средство от болезни. Но вместо лекарства вы даете мне яд, да при этом еще приговариваете: это лекарство хорошее, а вот то — еще лучше! Но это сплошной обман! Все, что вы мне прописали, вконец сгубило мой

организм, все, что вы считали полезным, принесло только вред. Но вы загубили не только тело мое! Вы присвоили себе право лечить и душу. Якобы с целью исправления нравственности напустили на меня Бог знает каких пиявок и червей! Эти твари уже сожрали мое тело и подбираются к сердцу... Неужели вы не видите этого? Повторяете одно и то же: держись, крепись, вот только мораль твою исправим, нравственность улучшим! Да неужто я, дойдя до последней черты, буду вас слушать? Нет уж, увольте! Вы говорите, что раньше этим "червям" не давали свободы, а вы их освободили? Мы и без них хорошо жили. Были ли мы людьми с высокой моралью или нет, неважно. Важно то, что мы не пили лекарств по вашим рецептам. Ведь это — рецепты разврата, прелюбодеяния и ишанизма! Эти поганые черви уже наелись моего мяса, и я решил передавить их: может быть, мясо на кости еще и нарастет...".

Старик хотя бы перед смертью решил расквитаться за обман, которым "кормили" его столько времени. И хотел он двинуть рукой или ногой, чтобы разогнать присосавшуюся мразь, да сил совершенно не осталось. Все пожрали проклятые! При малейшем движении червяки лишь проникали все дальше и глубже, и уже они добрались почти до самого нутра старого человека. Да только искренние излияния деда одни восприняли как старческий маразм, другие — как обычное "недержание речи", которое часто бывает у больных. Никто не прислушался к его словам, и спор о способах и методах лечения не прекращался. Но повторим снова: не было решимости, конкретного дела, серьезного поступка!

¹ Сенной базар — до 20-х годов XX в. крупный рынок в Казани в районе современных улиц Кирова и Парижской Коммуны.

² Хальфа — *араб.-перс.*, преподаватель, учитель. Имя Габд-аш-Шамс переводится как «раб солнца» и у мусульман оно не возможно по определению. В данном случае Гаяз Исхаки вводит его для характеристики крайнего невежества конкретного просителя, с одной стороны, и живучести языческих пережитков среди определенной части мусульман Волго-Уралья, с другой.

³ Алат — большое село в Заказанье.

⁴ «Кабан» — название несуществовавшей газеты. Так называется несколько связанных между собой озер в Казани.

⁵ Здесь и далее курсивом выделены несколько фрагментов книги, вымаранные пером цензора, и обнаруженные казанским академиком Миркасимом Усмановым в архивах. Части текста, так и оставшиеся найденными, отмечены квадратными скобками и отточием — *ред.*

Вы скажете: хорошо, состояние нашей литературы было известно, в других областях также дела шли ни шатко ни валко... А как насчет музыки, которая в молодые годы "булгарского деда" служила ему для "нравственного очищения"? А может, вы являетесь сторонниками той точки зрения, что "...звуки музыки по природе своей порочны, а наслаждаться их красотой — признак неверия"? Впрочем, можете утверждать что угодно, но одно бесспорно: старик очень любил музыку. Она помогала ему жить как в юности, так и в пожилом возрасте. Часто вспоминал он о том, как, напевая протяжные народные песни, путешествовал по торговым делам на пространствах от Волги до Тигра и Евфрата, как на берегах Дуная вызывал восторг у случайных слушателей игрой на кубызе⁶. Вспоминал, и его аж передергивало — неужели это был он, молодой, полный сил и энергии булгар? В те годы он повергал всех в изумление крепостью организма, умением со вкусом одеваться, солидностью и прочностью родного жилища... И во что он превратился ныне? На нем одежда, более подходящая сирым и убогим, румянец на лице сменился болезненной желтизной, глубоко запали глаза, когда-то искрившиеся внутренним светом, а теперь выражающие отчаяние, дом — тихая гавань, куда он возвращался после долгих и утомительных коммерческих поездок, — стал развалюхой, кишачей клопами. И тяжело думал он о том, что молодые годы прошли, старость и бедность подкралась незаметно, а вместе с ними и болезни. Он сравнивал годы благополучия со своим нынешним положением и горестно вздыхал...

Булгарская музыка действительно содержала в себе уроки высокой нравственности и немало способствовала моральному совершенствованию. Однако постепенно взгляды народа на этот предмет изменились, и вместо того, чтобы использовать их в благих целях, музыке и песне предоставили, как раз наоборот, роль низкую, роль безвольного наставника, который потакает самым грязным, низменным вкусам своих учеников. Конечно же, высоконравственные люди дружно отвернулись от такого музыкального

"искусства" и фактически отдали его на откуп циничным, бесчестным дельцам.

Так и стала музыка средством, лишь углубляющим процесс падения нравов. Этим воспользовались некоторые русские, которые немало усилий приложили к тому, чтобы, например, евреям представить нашу музыку как неперемнную спутницу алкоголя и порока.

В простом народе очень скоро укоренилась привычка именно музыкой маскировать мерзость пьянства и распутства. Естественно, что при таком развитии событий музыка неизбежно стала ассоциироваться со всем низменным, что есть в душе человека. Другими словами, она превратилась в прислужницу порока. Сама интонационная основа **булгар**ской музыки претерпела такие искажения, что ее уже вообще не хотелось слушать. Именно по этой причине она не стала объектом такого же бурного обсуждения, как литература и театр. Те, кто был заинтересован в развитии этих жанров, почему-то не придавали музыке того бесспорного значения, которое она имела для национального прогресса и сохранения лучших народных традиций. Несмотря на всеобщую любовь **булгар** к музыке и песне, пренебрежительное отношение к ней даже радетелей всего национального не могло не привести к тому, что музыкальное искусство было отодвинуто в общественной жизни далеко на задний план. Общеизвестно, что женщины особенно любят петь, но в таких условиях и они не могли повлиять на положение дел. Однако все меняется в этом мире, и в конце XIX века в музыкальной области был отмечен небольшой, но все-таки прогресс. Хотя никто не смел еще утверждать, что музыка — не преступление, ситуация менялась к лучшему. В Казани человек по имени Гариф Минкин стал первым, кто переложил **булгар**скую музыку на ноты, профессионально обработал старинные и современные мелодии. Возможно, такие люди и не по душе некоторым улемам, однако я смею утверждать, что заслуги его перед нацией столь велики, что никогда не будут забыты. "Слава Гарифу Минкину, слава нации, взрастившей его!" Надеюсь, эти лозунги, столь актуальные в конце XIX века, будут передаваться из поколения в поколение, пока **булгары**

будут жить на этой земле. Да и в Европе имя Минкина, оставившего такие прекрасные музыкальные образцы, еще долго не забудут.

...Появились первые музыкальные ящики-фонографы. В литературных салонах **булгар** звучали такие популярные мелодии, как "Сакмар", "Тафкилев", "Эллюки"⁷, "Песня о взятии Казани" и т. д. Родители старались передать своим детям всю глубину чувств и мыслей, которые достались им в наследство в виде великолепных музыкальных произведений от предков, создававших их на протяжении столетий. Однако это касалось только людей богатых. В подавляющей массе народ был лишен возможности воспитывать детей на богатых традициях **булгарской** музыкальной культуры. Деревенские девушки тайком, прячась по деревенским баням, играли на кубызе и под эту музыку плясали. Но лишь немногие из народа могли использовать музыку как инструмент воспитания или способ выражения сокровенных чувств. Да и на них тут же навесили ярлык "порочных" или, в лучшем случае, глупцов.

Литература достойна называться "отцом", а музыка — "матерью" нации. История дает нам множество примеров, подтверждающих эту истину. Но люди, ее признававшие на словах, на деле не предпринимали ничего, чтобы в одинаковой мере поддерживать литературный и музыкальный уровень нации на должном уровне. Но ведь если при наличии отца отсутствует мать, то ребенок не родится, а если рождается от матери, не состоящей в браке, то будет незаконнорожденным. В начале XX века музыкальное искусство в Казани развивалось полуподпольно, так и не став общественным явлением. **Булгарских** музыкальных вечеров и концертов просто не было. Любители музыки или просто люди, для которых она была некоей отдушиной в их серой обыденной жизни, были вынуждены, за отсутствием концертных залов, компенсировать это разными способами. Кто-то слушал национальную музыку других народов, ну а некоторые шли напрямиком в публичные заведения с сомнительной репутацией.

Тем не менее, отдельные энтузиасты не оставляли надежду, что при общественной поддержке можно заняться устройством хотя бы литературно-

музыкальных собраний. Наконец, один музыкант добился этого сначала в Казани, а затем и в других городах. Но так как в народе отношение к музыке не менялось, а улемы по-прежнему усердствовали в противостоянии всем инициативам в этой области, такие вечера не получили дальнейшего развития. У энтузиаста кончились деньги, и без финансовой подпитки все прекратилось.

Прошло совсем немного времени, и о музыкальных вечерах остались лишь воспоминания. Новых подвижников так и не нашлось. Музыка неизбежным образом вновь стала ассоциироваться с миром порока и самыми низкопробными чувствами. Прежняя удивительная гармония ее исчезла. Верно, что в некоторых газетах продолжали появляться статьи о музыке, но авторами их были не профессионалы, а люди, обладавшие очень поверхностными знаниями в данной сфере. Естественно, такие статьи не могли оказать на публику заметного влияния.

В народе, конечно, были и гармонисты, и скрипачи, но мелодиям, которые они обычно исполняли, не хватало природной чистоты и берущей за душу искренности. Музыкальное искусство безостановочно деградировало, теряя национальный облик и силу эмоционального воздействия.

Что касается живописи, то можно сказать, что этого вида искусства, с одной стороны, у нас просто не существовало, но с другой стороны, какие-то его элементы присутствовали постоянно. То ли в силу того, что изображение людей и животных было запрещено религией, а, возможно, потому, что мы были лишены самой способности воспринимать живопись осмысленно, художников у нас не было. На рисунках, имевшихся, впрочем, практически в каждой семье, изображены были здания мечетей, виды Медины и Мекки, но их скорее можно считать фотографическими снимками, сделанными к тому же турками или арабами.

Книжные магазины предлагали на выбор различные шамаили⁸, среди которых были, например, такие, как "Сердце мусульманина", вызывавшее слезное умиление у особенно чувствительных обывателей. Но все эти изображения религиозного характера не развивали художественного вкуса, а,

скорее, огрубляли его еще более, наполняли голову ассоциациями, неприменимыми к практической жизни.

С началом XX века к жизни и быту **булгар** стали проявлять интерес русские художники, и их картины, посвященные **булгарскому** народу, имели большой успех не только в России, но и в Европе благодаря оригинальности сюжетов, очень удачно осмысленных с художественной точки зрения. Особой искренностью отношения к живописуемым объектам, почти фотографической точностью и правдоподобностью выделялись картины, которые изображали, скажем, **булгарскую** старушку, угощающую гостей, благообразного пожилого старика-**булгарина**, читающего молитву перед отъездом по торговым делам, и собравшего вокруг себя всю семью, **булгарского** шакирда, при тусклом свете лампы изучающего программную книгу "Казый"⁹, дочку муллы, которая вместе с подругами втайне от отца учится писать.

Такие работы русских художников были полезны не только тем, что демонстрировали нам сторонний взгляд на нашу жизнь, казалось бы, и без того нам хорошо известную. Они вдохновляли наших людей, обладавших художественным талантом. Именно поэтому к середине XX века мы стали свидетелями появления первых **булгарских** художников, первых картин и рисунков. Наибольшим успехом пользовались сюжеты с изображением сельской жизни: **булгарские** девушки за отбеливанием льняного полотна, юноши, музицирующие на вершине холма во время весеннего половодья, мальчики в ночном, пекущие картошку в золе... **Булгарские** художники не обходили вниманием и отрицательные стороны общественной жизни. Наряду с изображением сюжетов, из которых зрители могли почерпнуть уроки нравственности, живописцы посредством своих полотен бичевали такие проявления общественного зла, как аморальное поведение и распущенность. Простые люди украшали такими полотнами интерьер своих жилищ и подробно объясняли детям смысл изображенного. Но тут опять всполошились одиозные улемы, наперебой заголосившие, что изображение живых существ и тем более их развешивание по стенам запрещено, что живопись лишь затемняет разум и "поганит" душу, отпугивает ангелов... Улемы говорили об этом и во время проповедей в мечетях, писали в специальных брошюрах. Но тут оказалось, что не все религиозные авторитеты согласны с такой точкой зрения, ну и, конечно, разгорелась новая

дискуссия, возникла новая тема для распрей. Созывались собрания специально для рассмотрения религиозного аспекта дискутируемой темы, одним словом, открылось поле деятельности для любителей устроить очередную "кукольную свадьбу". Писали, читали, говорили, часто срываясь на крик, но к общему выводу снова не пришли. Можно было бы сказать, что все осталось по старому, если бы не моральный вред, причиненный художникам. Их картины стали плохо продаваться, авторитет мастеров кисти упал, родители, родные и близкие молодых людей, хотевших посвятить жизнь живописному творчеству, всячески отговаривали их от этого. Те, кто не поддавался на увещевания и продолжал заниматься рисованием, были обречены на непонимание и даже осуждение окружающих. Время безостановочно шло вперед. Многие художники ушли из жизни, другие ради заработка на хлеб насущный вынуждены были отставить мольберты и кисти в сторону. В общем, мы лишились и художников, как прежде мектебов и медресе.

Читатель вправе спросить: а что же было с наукой? Издавались ли книги научного содержания? Отвечу: издавались. Научная литература появилась еще в начале XIX века. Хотя особого восторга по этому поводу не наблюдалось, все же исследовательская деятельность медленно, но верно совершенствовалась. По каждой научной дисциплине печатались книги, во всех областях науки были свои авторитеты, выдвигались новые гипотезы. Для пропаганды знаний издавались популярные книжки.

⁶ Кубыз — болгарский музыкальный инструмент в виде подковы с металлическим язычком.

⁷ Названия популярных народных песен.

⁸ Шамаиль — *возможно, искаженное араб.*, джамаиль, изображение религиозно значимых объектов (преимущественно зданий в Мекке, Медине, Стамбуле и др.) в комбинации с каллиграфически выполненными сурами или аятами из Корана.

⁹ Казый — *араб.*, судья; здесь название распространенного среди болгар учебника по мусульманскому праву.

Научная тематика нередко становилась предметом обсуждения, но в программе учебных заведений отсутствовала. Если научную литературу и

читали, то как роман, поверхностно и бегло. Ученые же при хорошей теоретической подготовке не были способны к практическому применению своих знаний. Получалось так, что развитие науки способствовало лишь расширению кругозора, обогащению эрудиции, не принося нации практической выгоды. Впрочем, учитывая общие условия, даже такая ситуация была, по крайней мере, вполне приемлемой. Как всегда, находились исключительно преданные науке люди, которые прилагали массу усилий, чтобы прогресс науки стал более очевиден, и она служила интересам нации. Но и тут консервативные улемы оказались в роли ретроградов, видевших в светских науках лишь опасность для религии. Сначала их наскокам подверглась астрономия, ну а затем они добрались и до геологии, истории, географии, физики. Все эти дисциплины обвинялись в несоответствии религиозным догмам и шариату. Для "идеологического" подкрепления своих нападок улемы цитировали коранические аяты и хадисы¹⁰, намеренно искажая их смысл.

И снова ситуация напомнила уже известные нам "кукольные свадьбы". Околонаучные споры велись на страницах газет, журналов, календарей и, в конце концов, была поставлена жирная точка: наука есть не что иное, как безверие. Не оставалось сомнений в том, что, несмотря на весь энтузиазм отдельных ученых, они, в силу недостаточной компетентности не могли создать научную школу, без которой защищать профессиональные интересы было заведомо безнадежным делом. И именно поэтому, хотя количество издаваемых научных трудов росло, число их читателей неуклонно сокращалось.

О развитии же исламских наук, теологии говорить и вовсе не приходилось. В этой области царил полный застой. Конечно, у нас было немало опытных и авторитетных мударрисов, знаменитых ученых, но они так и не постигли глубинную сущность, дух ислама и остались в неведении относительно религиозной философии. Наши теологи очень любили обсудить вдоль и поперек какой-нибудь отдельный аспект религиозной тематики, причем разногласия была приличная. Обычно они не выходили за рамки ритуально-обрядовых аспектов, придавая им чрезмерное значение. Однако, углубляясь, скажем, в проблемы омовения или ограничений,

налагаемых на женщин во время исполнения тех или иных обязательных религиозных предписаний, многие так называемые "улемы" не могли вспомнить место рождения нашего пророка (да приветствует его Бог!) Вот почему при появлении чего-то нового и очевидно полезного они тут же брали в руки "Китап-аль-истинджа" ("Книга о ритуальном очищении") и, не находя там удовлетворительного объяснения, просто объявляли это новое и полезное запретным с точки зрения Ислама.

Если мы обратимся к извечной проблеме медресе, то и для нее не нашлось рационального решения. Старые здания, в которых размещались эти учебные заведения, пришли в негодность и, скорее, напоминали развалины. Люди, на чьи деньги медресе когда-то были построены, давно умерли, забыв учредить вакфы¹¹ (фонды) для нужд образования. Естественно, что здания ветшали и становились просто непригодными для проживания и ведения учебной деятельности. По этой причине некоторые медресе были закрыты, в других, более или менее сохранившихся, ученики с трудом продолжали учиться. Еще одна беда состояла в том, что система обучения так и не была реформирована, образовательные методы безнадежно устарели и выпускники таких заведений мало на что годились. Что же было удивительного в ежегодном уменьшении числа желающих поступать в медресе. Правда, в некоторых из них в начале XX века были в моде разговоры о реформе. "Мы не против нового метода обучения, только вот улемов критиковать не стоит", — говорили такие "сторонники реформ". Однако, как всегда, большинство не делало даже попыток вникнуть в суть реформирования системы, и постепенно вся досужая болтовня закончилась. "Новые" богачи, различные общества не могли найти денег на ремонт и обустройство медресе. С другой стороны, улемы с их гнилым консерватизмом уже не в состоянии были усвоить что-то новое. Они оказались удивительно невосприимчивыми к нему. Им было гораздо интереснее с толстым томом под мышкой величественно входить в аудиторию и искренне гордиться тем, что они "преподали молодым урок". Все это было похоже на наваждение, напоминало сюжеты из средневековья. "Новые" интеллигенты поначалу пытались спорить с такими "преподавателями", утверждая, что кроме

проблемы конца света существует и вполне земная тема просвещения и образования, но самодовольные мударрисы даже не хотели их слушать. Таким образом, все остались при своем мнении, причем одни были "награждены" ярлыком безбожников, а других заклеили как губителей истинной веры.

Во времена, когда новый метод обучения еще только пытался отвоевать себе место под солнцем, открылось немало новых медресе. Но поскольку настоящей солидной базы для их существования заложено не было, они закрывались по таким простым причинам, как смерть учредителя, уход учителя, а иногда и потому, что у хазрата выдавался очень удачный год в смысле увеличения поголовья ягнят и его жена, ничтоже сумняшеся, использовала здание медресе под хлев.

Девочки продолжали ходить учиться грамоте к абыстай¹², но вот настоящие женские школы так и не открылись. Во всей России не осталось мусульманских учебных заведений, кроме двух-трех медресе и еще нескольких школ, находившихся под опекой различных общественных учреждений. Очень мало было тех, кто получал образование в государственных школах. Некоторые родители ну никак не могли сбросить с себя путы воистину средневекового фанатизма, у других просто не было денег для оплаты обучения своих детей. Поэтому возможность получить образование в русских школах имели лишь отпрыски интеллигентных семей, да и их-то можно было пересчитать по пальцам.

...Наступила середина XX века. **Булгары** продолжали двигаться по гибельному пути, не отдавая себе в этом отчета.

Еще оставалась какая-то надежда на деревенские мектебы, но множество сельчан из-за отсутствия земельных наделов уходило куда глаза глядят в поисках призрачного счастья. Те же, кто обладал землей в достаточном количестве, переезжали в города, считая, что жить там гораздо интереснее, чем в родных аулах. Попадая сразу в разряд чернорабочих, они, однако, верили, что это временное занятие и, скопив денег, они непременно станут миллионерами. На деле же получалось, что, надрываясь на заводах за восемь рублей в месяц, сумму, которой хватало

только на хлеб и воду, бывшие деревенские жители в непривычных для них бытовых условиях, ежедневно вдыхая фабричную копоть, очень скоро приобретали различные болезни и, в конечном итоге, становились инвалидами, не способными прокормить даже самих себя. Огромное скопление в городах будущих "миллионеров", вынужденных жить в перенаселенных квартирах и бараках, способствовало лишь пышному расцвету проституции. Распутство стало главной причиной, порождавшей другие мерзости и приводившей к настоящим трагедиям. Непременный спутник проституции сифилис быстро распространялся в народе. "Новые городские", возвращаясь на побывку в родные аулы, оставляли эту страшную болезнь "в подарок" землякам, и, в конце концов, сифилис и другие заразные болезни обернулись настоящей бедой для всей нации. Возможно, при своевременном обращении к врачам эпидемия не приобрела бы таких масштабов, но... Во-первых, у нас не было собственных докторов, во-вторых, отсутствовали необходимые лекарства, в-третьих, царило безденежье, и, в-четвертых, не было веры в саму медицину. Люди успокаивали себя фразами наподобие: "Если Всевышний охранит, ничего страшного не будет". Между тем семена будущего вырождения были посеяны. Быстро росла смертность за счет распространения новых болезней — чахотки, катара и других, и главной причиной этого было то, что бывшие сельчане, привыкшие жить на привольном воздухе и потреблять достаточно свежего мяса, в нищенских условиях фабричных бараков страдали постоянным недоеданием.

Наметилась и другая опасная тенденция. Так как для обеспечения семейной жизни заработанных денег катастрофически не хватало, а найти женщину для удовлетворения похоти не представляло большого труда, заметно сократилось количество браков. В такое развитие событий вносило свой вклад и то, что проблемам брака и развода уделялось все меньше внимания, они воспринимались как некая игра, забава. Бракосочетание в представлении многих было сожителем без взаимных обязательств, своего рода возвращением к язычеству. И как-то препятствовать этому явлению, постепенно прочно укоренившемуся в обществе, казалось уже невозможным. Хотя этот негативный процесс начался лишь в XIX веке, улемы того времени не придали ему большого значения, и, как следствие,

"микроб" внебрачного сожителства поразил почти всю нацию, став неотъемлемой частью ее организма. Число новорожденных сильно сократилось, потому что женщины просто не хотели взваливать на себя бремя вынашивания, рождения и воспитания ребенка. Чтобы избежать беременности, многие употребляли сильнодействующие препараты, часто весьма ядовитые, и в результате возросла смертность среди женщин, те же, кому удавалось выжить, становились инвалидами. Молодые девушки, по неопытности слишком поздно узнававшие о том, что они уже носят в чреве будущего ребенка, также использовали подобные лекарства, но дети у них все же рождались и большей частью оказывались больными и слабыми. Не имевшие материальной возможности для воспитания больных детей, матери избирали наиболее простой способ избавления от них: они топили младенцев в воде или отдавали в русские детские приюты (у нас учреждение таких приютов считалось почему-то запретным).

Самыми очевидными показателями вырождения нации были цифры умерших и родившихся, причем умерших было гораздо больше. Конечно, многие чувствовали приближение катастрофы и по мере своих способностей пытались предотвратить ее. Они, например, издавали книги и очерки, в которых прямо говорили, что нации грозит гибель. Но разве можно воздействовать литературой на неграмотных людей? Образованная же часть общества к этому времени уже до такой степени усвоила аморальный образ жизни, что просто не читала таких книг. Ну а если бы читали и, допустим, даже прониклись тревогой за будущее, что они могли бы предпринять? Бросить все и уйти? Но куда? На другой завод или в дворники. А может быть, наняться батраками и пастухами к хозяевам в русские села? Что изменится? Снизится смертность, уменьшится число больных? Увы, увы! Тех, кто указывал народу на истинное положение дел и апеллировал к сознанию сограждан, улемы пригвоздили к позорному столбу, назвав "гяурами, не верящими в предопределение". Так называемые "солидные" граждане, то есть богачи, следуя указаниям улемов, образно выражаясь, опрокинули всю нацию в пропасть, на краю которой она судорожно пыталась удержаться. Летевшие вниз поняли, что пропасть бездонна и что правы были

те, кто давно уже предупреждал об этом. Посмотрев вверх, они увидели их плачущими на одном краю пропасти. Но на другом краю стояли господа в чалмах, которые потешались над людьми, кубарем катившимися вниз. И падавшие в пропасть, проклинали этих людей. Но это было единственное, что сделали бедняги. Летя вверх тормашками в тартарары, они, в конце концов, потеряли всякое представление о направлении своего движения, а уж о том, чем все это закончится, тем более не могли знать. Их разум как бы помутился, и бессмысленный, безумный смех разобрал падающих с бешеной скоростью людей. Некоторые из них все же сохраняли остатки ума, достаточные для того, чтобы понять: это падение закончится кромешной тьмой и забвением, где все уже будет безразлично. Но они не могли вернуться, и даже если бы им представилась такая возможность, им не суждено было вернуть остальных. Так что свободное падение продолжалось...

XX век, на протяжении которого мы лишились очень многого, был на исходе. Исчезли газеты, почти вывелись писатели за исключением небольшой их горстки, как правило бесталанных и безразличных к духовным идеалам.

*Газеты исчезли, и прежде всего — выходивший в течение пятидесяти лет "Тарджеман". После смерти главного редактора этот печатный орган попал в руки людей случайных, вовсе не горевших желанием к издательской деятельности. Редакция закрылась. Представители передовой части нации горько сожалели о случившемся. Прекращение издания газеты, редактор которой так много сделал на поприще служения народу и фактически пробудил нацию от глубокого сна, было равносильно такому событию в истории **булгар**, как потеря независимости. Закрытие "Тарджемана" имело самые печальные последствия. Нация снова впала в спячку. Титаническая деятельность редактора, достойная самой высшей похвалы, все же не смогла окончательно встряхнуть инертных и безвольных соотечественников.*

¹⁰ Хадис — *араб.*, изречение пророка Мухаммеда.

¹¹ Вакфы, вакуфы — *араб.*, имущество (движимое или недвижимое), изъятое из гражданского оборота и используемое на религиозные или благотворительные цели.

¹² Абыстай (абызтай) — *булг.*, супруга служителя мусульманского духовенства, как правило, образованная. У болгар абыстай занималась обучением девочек в мектебах при мечетях или у себя дома.

*Казанские газеты держали траур по "Тарджеману". Особенно сильный шок испытала молодежь. Но... проходили дни, недели, месяцы, год прошел. Жизнь потекла по прежнему руслу. Книги, рисунки, биографические очерки, посвященные газете и ее редактору Исмаил-беку еще несколько лет сохраняли популярность в **булгарской** среде.*

*Через десять-пятнадцать лет в Казани началось издание газеты "Кабан", затем в Астрахани вышел в свет первый номер газеты "Хазар". Но они просуществовали недолго. Новых редакторов не нашлось, а подписка шла со скрипом. Это событие несколько всколыхнуло общественность. Молодежь объявила о сборе пожертвований. Деньги в необходимом количестве обеспечили возобновление, по крайней мере, одного издания: стал выходить "Кабан". Энтузиазма хватило на короткое время. Кончились деньги, и газета повторно закрылась. Остановилось издание многих журналов и альманахов. Оставалась только газета "Игенче" ("Земледелец"), но и она вскоре приказала долго жить. Конец XX века практически означал также конец национальной периодической печати. Лишь русские издавали исторический журнал "**Булгар**", да каким-то образом держалась на плаву газета "Сату" ("Торговля") за счет публикации объявлений и анонсов.*

Наступил XXI век. По этому поводу в России, как и во всей Европе, были устроены пышные празднества. В многочисленных газетах, журналах, специально изданных по этому случаю книгах подводился итог прошедшему столетию.

У других народов наблюдались бесспорные признаки прогресса во всех областях. Поэтому они и предавались праздничному веселью. А что мы делали в это время? По какому поводу праздновали? Наверное, потому,

что не было никаких забот, царил полный покой. Нация продолжала мирно посапывать во сне. Между тем дела обстояли из рук вон плохо. Продолжалось отставание, углублялась пропасть, отделявшая нас от других народов. Начало нового века не принесло ничего нового, никаких заметных перемен к лучшему. Деграция и распад господствовали. Народ из деревень валом валил в города, поступал работать на фабрики, а городское население фактически занималось мелкой торговлей или использовалось в качестве чернорабочих. А тут опять нагрянуло несчастье, откуда не ждали. Появилась новая страшная болезнь, источником которой стала мусульманская столовая в Казани. Ее первый носитель, некий шакирд, заразил однокашников по медресе. Дальше в лес — больше дров. Болезнь добралась до сельской местности, а затем через бывших сельчан, а ныне фабричных рабочих поразила многих мусульман, трудившихся на этих предприятиях.

Проклятая хворь была очень опасной, заболевшие быстро умирали и что самое удивительное: она возникла и распространялась исключительно в мусульманской среде. Только в одной Казани болезнь ежедневно косила сотни людей. Зараза перекечевала в Оренбург, Уфу, Астрахань и стала убивать тамошних мусульман. Из разных мест поступали одинаково страшные и скорбные вести.

Правительство приняло экстренные меры к ликвидации эпидемии, была подготовлена масса врачей, открыты новые больницы. Не помогло. Дело в том, что возбудитель болезни так и не смогли выявить, а потому и действенных средств лечения не было. Множество медицинских учреждений и лабораторий бились над решением проблемы... И напрасно. Мусульмане продолжали умирать.

Наконец, один болгарский врач сделал долгожданное открытие. Оказалось, что болезнь, до тех пор неизвестная медицинской науке, вызывалась микробами, для размножения которых наиболее благоприятными были именно наша среда и наш образ жизни. Скоро он создал лекарство, и распространение эпидемии пошло на убыль. Но от ее начала прошло уже много времени, и громадное число болгар умерло, так и не дождавшись

панацеи. Появившаяся весной и приобретшая наибольший масштаб летом, зараза уничтожила практически половину **булгарского** населения. Тридцать процентов оставшихся в живых составляли круглые сироты, а около пятидесяти процентов — старики и старухи. Трудно было передать словами трагедию **булгарского** народа. Обезлюдели целые аулы, опустели фабричные бараки, беспощадная смерть почти полностью выкосила мусульман, работавших дворниками, извозчиками, швейцарами. На рынках исчезли мусульмане, промышлявшие мелочной торговлей, и старьевщики. В каждой **булгарской** семье были жертвы болезни. Горе и скорбь торжествовали.

На улицах городов, населенных **булгарами**, — Казани, Оренбурга, Уфы, Астрахани, Семипалатинска, Орска, Троицка и других — царила гробовая тишина. То же было и во многих аулах. Исчезли целые мечетские приходы, медресе осиротели без мударрисов и шакирдов. В некоторых мечетях Казани, Оренбурга прекратились ежедневные намазы. Более не оставалось сомнений, что такие мечети ждет печальная судьба.

Воздействие болезни и ее ужасающих последствий на народ было настолько шокирующим, что многие просто впали в апатичное состояние. Потеря жен, мужей, детей, родителей означала крах семейного счастья и надежд на будущее. Вкус к жизни был потерян. В глазах оставшихся жить **булгар** надолго поселились смертная тоска и уныние.

Еще одним результатом эпидемии был непомерный рост проблем наследования имущества. Начались бесконечные тяжбы между родителями и детьми, мужьями и женами. Чем меньше было наследство, тем больший размах приобретало судебное разбирательство. Тяжбы происходили по поводу самых ничтожных предметов, например, самовара, шубы или козы. Судебные присутствия не в силах были переварить несметное количество исков. Правительство в этих условиях прибегло к назначению специальных судей, особых судов, но это не помогало. В силу общего падения нравов развелось очень много лжесвидетелей, которых использовали обе судившиеся стороны. Истец доказывал лживость показаний свидетелей, представленных ответчиками. Противная сторона, в свою очередь, обвиняла в обмане свидетелей со стороны истца, обвиняла свидетелей в продажности,

причем предъявляла для этого свидетелей подкупа и т. д. Клубок разбирательств тянулся бесконечно долго, и все усилия правительственных чиновников выяснить истину тратились понапрасну. Даже по прошествии трех лет, в течение которых дела по наследству рассматривались в судебных инстанциях, они так и оставались "замороженными" на начальной стадии. Отчаявшись, правительство решило передать все иски такого рода на рассмотрение мусульманского Духовного Собрани¹³ и выпустило по этому поводу особый циркуляр. В Духовном Собрании избрали очень простой способ разрешения дел, обязывавший спорщиков держать дополнительный одно-, двух-, трехнедельный или, в особых случаях, шестинедельный пост. Исполнителями предписания на местах были назначены муллы и ахунды¹⁴, выжившие в последней эпидемии. Но вопреки ожиданиям воцарилась полная неразбериха, снова приведшая к конфликтам. Люди были недовольны тем, что одних провинившихся муллы заставляли поститься, а других нет. Теперь Духовное Собрание для наведения порядка стало применять пост как карательную меру уже по отношению к муллам и ахундам. Рассмотрение дел по делу наследства вроде бы приняло более или менее упорядоченный характер, однако в критический момент у Духовного Собрании закончился карательный ресурс из 80 тысяч недель поста¹⁵, и там крепко задумались, да так надолго, что наследственные споры так и остались неразрешенными.

Но существовала еще одна болезненная проблема, требовавшая безотлагательных действий: сироты и беспризорные дети. Это действительно было очень серьезной бедой. Огромная масса беспризорных нуждалась в регулярном питании и одежде. Однако решение этой проблемы на практике оказалось делом совершенно безнадежным, ибо требовало больших денег, энтузиазма, усердия и, наконец, мест для содержания детей, оставшихся на улице. У нас же не было ничего. Правительство попыталось помочь, создав специальные комиссии и общества, но **булгары** не доверяли им. Поэтому за дело помощи сиротам принялись кто как умел: пером, словом, конкретными поступками. Выиграло таки национальное самолюбие. Возобновилось издание газет, журналов и книг, устраивались благотворительные театральные постановки и музыкальные вечера. Было основано несколько обществ в пользу бедных. Минуло некоторое время, и в Оренбурге,

Казани, других городах открылись приюты и детские дома. Была получена масса заявлений о приеме... И чем же все закончилось? Поораторствовали, попили-поели и... в результате приняли решение о приеме в приют в этом году четырех (!!!) беспризорных. В число избранных попали сын дворника благотворительного общества, сын дальнего родственника секретаря этого же общества и еще двое со стороны. Выяснили, что помощь требовалась тысячам, да нет, сотням тысяч, на собрании разгорелась жаркая дискуссия, но решение о предоставлении места четырем ребятам так и осталось единственным, что сделали члены общества. Что же это, Бог Всевышний? Почему мы оказались такими, а не иными, в чем причина? Я задаюсь этим вопросом и никак не могу найти ответа.

...Волей-неволей тысячи беспризорников стали искать убежища у русских, а тысячи других вырастали в попрошайек и жуликов. Гордые **булгарские** девушки, презрев запреты целомудрия, вынуждены были продавать свое тело ради куска хлеба. Конечно, все это стало еще одним объектом полемики на газетно-журнальных страницах и причиной открытия все новых обществ, вооруженных самыми благими намерениями. И опять все напрасно. Эти общества все вместе могли призреть самое большее несколько человек. В конце концов от темы беспризорных, нищих и падших просто устали! Газетчики занялись другим. Да и в народе постепенно привыкли, беспризорничество и проституция перестали считаться чем-то зазорным и неприличным. Дурной пример заразителен: многие порядочные юноши и девушки поддались влиянию сверстников и встали на путь порока. И получилось, что часть народа попала в силки безнравственности и распутного образа жизни, а другая страдала от различных заразных болезней.

Начало второй четверти XXI века неожиданно ознаменовалось новым всплеском общественной активности, который сопровождался открытием большого количества школ, училищ, изданием газет и т. д. Заговорили о необходимости воздвигнуть памятники великим деятелям XIX и XX столетий. Дело дошло до сбора пожертвований.

Первого памятника, по единодушному мнению, заслуживал редактор "Тарджемана" Исмаил-бек, второго — наиболее выдающийся

представитель *булгарской* литературы. Третьим в списке стоял реформатор и подвижник *булгарской* музыки, внесший наибольший вклад ее развитие. Далее предлагалось увековечить в изваяниях историков, ученых в других областях, знаменитых мастеров изобразительных искусств.

Памятник Исмаил-беку сначала намеревались поставить в Крыму, но в силу некоторых обстоятельств (часть крымчан эмигрировала в Турцию, немалое их число умерло от той самой таинственной болезни) было решено воздвигнуть его в Казани. Вообще в городе были даже подготовлены места для памятников на площадях. Проект скульптурного изображения Исмаил-бека предполагал, что в одной руке он будет держать книгу, а в другой — перо. Таким образом, идея памятника заключалась в том, чтобы показать какое значение имела эта личность в истории народа: был задуман образ "яркой вспышки света в царстве тьмы...". Памятники другим деятелям также соответствовали бы их особой роли в прошлом *булгарской* нации.

Между тем, численность нации неуклонно сокращалась, в то время как масштабы всевозможных обещаний росли. Всплеск горячечной активности продолжался недолго, подобно приступу лихорадки. Газеты перестали писать, а народ — говорить о памятниках. До пятидесятых годов по инерции слова "нация" и "национальный интерес" еще были в хождении, но использовались лишь формально. И вновь закрылись школы и медресе, прекратилась издательская деятельность. Глубокая апатия, скука и уныние определяли теперь настрой общества. Это было заметно даже по появившимся в тот период *булгарским* мелодиям и песням, полным невыразимой печали и грусти. Нация походила на больного, лежащего на смертном одре и с беспокойной тоской бросающего красноречивый взгляд то в одну, то в другую сторону. Большинство писателей и поэтов к этому времени уже покинуло нашу брэнную землю, оставшиеся же напоминали живых мертвецов.

Живший в те годы историк по имени Джагфар был единственный, кто сохранял присутствие духа и способность к целенаправленной деятельности. Он писал краткие исторические очерки и большие монографии. Но сравнивая в своих произведениях славное и благополучное прошлое народа с его

жалким настоящим, Джагфар лишь усугублял всеобщее понимание безнадежности положения. Искренность и пыл, скоторыми он пытался возродить дух единения нации, атмосферу, позволяющую защищать национальные интересы, были хотя и достойны восхищения, но напрасны. Школ для обучения детей не осталось, да и рождалось их ничтожно мало, к тому же катастрофически не хватало запаса общественной энергии, чтобы вырастить их достойными нации.

Народ погибал, и, прежде всего, из-за повсеместного распространения инфекционных болезней. Дети в материнской утробе уже были заражены. Те же, кому выпадало счастье родиться здоровым, в близком контакте со старшими родственниками инфицировались очень быстро. Не возымели действие и принятые было правительством меры. В специальных лечебницах доживали свой век пораженные различными заболеваниями старики, старухи, люди молодого возраста и дети. Публичные дома естественным образом освобождались от **булгарских** девушек, а тюрьмы — от **булгарских** юношей.

¹³ Духовное Собрание — Духовное Управление мусульман России было учреждено по указу императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 года; находилось попеременно в Оренбурге и Уфе. Выступало как государтсвенный орган контроля за деятельностью российских приверженцев ислама.

¹⁴ Ахунд — *перс.*, (в просторечии — ахун), духовный сан у мусульман, стоявший выше муллы; нередко использовался как посредник между духовенством и гражданской властью.

¹⁵ Так у автора.

И вот, наконец, подошел к концу XXI век. Несмотря на все старания Джагфара сохранить в чистоте национальные обычаи и обряды, вырождение приняло необратимый характер. При подведении итогов переписи 2097 года выяснилось, что в России проживает 3800 **булгар**.

*Джагфар был просто потрясен этими сведениями. Ведь еще в конце XIX века согласно переписным данным в стране насчитывалось 15 миллионов **булгар**. Сравнение двух цифр окончательно убедило Джагфара, что шансов на выживание нет. Народу, который не смог сохранить себя, и*

вместо того, чтобы предпринять для этого необходимые меры, проводил время в бесполезных мечтаниях и прожектерстве, судьба, конечно же, не хотела благоволить, дать хотя бы призрачную надежду.

С этого времени Джагфар почти перестал писать книги — ведь они были совершенно бесполезны. И все же он нашел в себе душевные силы, чтобы предпринять другую попытку: собрать как можно больше материалов по **булгарской** науке, литературе и музыке.

Это было просто необходимо. Пускай народ и погибнет, но его история останется в веках! И Джагфар, с его энергией, преуспел в своих стараниях. Он собрал большую коллекцию предметов старины, научных и литературных произведений. В результате он смог написать целый ряд книг о жизни **булгар** в прошлом, их обычаях и нравах. Книги были очень ценны в познавательном отношении, и, естественно, ими не могли не заинтересоваться русские, согражданами, а в определенных областях и учителями которых на протяжении стольких веков были **булгары**. Неудивительно, что каждый труд Джагфара переводился на русский язык и расходился тысячными тиражами. Эти книги читали представители всех слоев русского общества. Их обсуждение нередко заканчивалось словами искреннего сожаления по поводу судьбы **булгар**. Делались также переводы из трудов других **булгарских** авторов, ученых, философов, с обязательным добавлением их биографий.

Особой популярностью у русских повсеместно стала пользоваться **булгарская** музыка, которую слушали и высокопоставленные чиновники, и простые рабочие. Они находили в ней особенную сердечную глубину и задушевность, способную взволновать даже человека с каменным сердцем, то есть те качества, которые отсутствовали в их музыке. Да, в **булгарской** музыке было много неизбывной тоски, меланхолии, но вместе с тем любой непредубежденный человек мог расслышать в ней какое-то особенное стремление к возвышенному и необычайную одухотворенность. Короче, она обладала теми достоинствами, которые привлекали всех. Русские люди не могли взять в толк, почему же их отцы и деды не расслышали в свое время все мелизматическое¹ великолепие этой музыки. Они даже жалели предков за то, что те были лишены возможности

наслаждаться **булгарской** музыкой, и допускали, что именно отсюда происходят некоторые недостатки их народа.

Повсюду, где устраивались спектакли или музыкальные вечера, на афишах непременно присутствовало и словосочетание "**булгарская** музыка", и считалось, что это привлечет гораздо больше зрителей и слушателей. Тема **булгарского** музыкального творчества обсуждалась в музыкальных магазинах, журналах, школах.

Более того, и **булгарские** пьесы прочно заняли первое место на подмостках русских театров. Русские восхищались и преклонялись также перед творчеством **булгарских** писателей. Представители многих русских родов утверждали, что они **булгарского** происхождения, и искренне верили в это. Вообще среди определенных слоев русского общества откровенно царил "**булгарская** лихорадка". Не знаю, можно ли было принимать так легко на веру все восторженные слова, произнесенные русскими... Ведь говорят же: "О мертвых либо хорошо, либо ничего". Как бы то ни было, и русские литераторы, и простолюдины — все были заняты разговорами о **булгарах**, само слово "**булгар**" как-то по-особому волновало их. Случайно встретив **булгара**, русские тут же познакомились с ним, вступали в дружеские отношения, просили подробно рассказать о житье-бытье. Каждый грамотный русский человек глубоко почитал имена **булгарских** писателей, в салонных беседах зачастую обменивались мнениями по поводу различных эпизодов из их биографий.

В то же время русских людей занимала еще одна важная тема. Они жили в предвкушении нового, XXII века. Они готовились к его наступлению как к большому празднику. И им было что праздновать и чем гордиться: ведь русские подошли к рубежу двух столетий с огромным багажом проделанной работы и крупных достижений во многих сферах деятельности. А что может сравниться с чувством удовлетворения от сделанного тобой, и сделанного хорошо? Поэтому русские с нетерпением ожидали начала первого года нового столетия. По всей стране усиленно готовились к будущим празднествам. Газеты и журналы печатали статьи о вкладе русского народа в прогресс человечества вообще и в развитие нации в частности. Содержание этих статей настолько контрастировало с тем,

что предоставляло из себя в это время **булгарское** общество, что русские невольно сравнивали положение двух народов-соседей и с облегчением говорили про себя: хорошо, что эта беда случилась не с нами.

Тем временем начало XXII столетия стремительно приближалось. Вот до него остался год, вот месяц, а вот и считанные дни. Наконец наступил канун нового века. Все мероприятия этого дня были посвящены предстоящему празднику. Среди них значились опубликование Петербургским историческим обществом свода исторических сведений о **Булгари** и открытие **булгарского** музея. Широкая публика теперь могла узнать много интересных фактов из истории литературы, музыки и быта **булгар**. В качестве представителя **булгарского** народа был приглашен Джагфар. Он не сообщил устроителям торжеств ничего о своем положении и обещал приехать вместе с супругой.

Пока русские были заняты подготовкой к празднику, наш герой Джагфар предпринял путешествие в Астрахань.

В этом городе еще сохранялись полуразрушенные мечети, находившиеся под опекой местного исторического общества. Благодаря стараниям его членов на стенах храмов были установлены мемориальные доски с указанием даты постройки и имени человека, на средства которого возведена мечеть. Из текстов можно было узнать и о том, сколько веков мечеть действовала и когда была заброшена за отсутствием прихожан.

Что касается медресе, то теперь они использовались в качестве приютов для сирот, домов призрения и ночлежек. Крупные мусульманские кладбища также находились под присмотром краеведческого общества. Их охраняли сторожа. Специальными надписями были отмечены захоронения выдающихся личностей. Они содержали краткие биографические данные об усопших.

Джагфар подробно осмотрел все памятные места. Странно, но он как будто слышал страдальческие и одновременно гневные голоса мечетей, вопрошавших: "Почему же вы так обошлись с нами? Лучше бы вообще не строили! Мы хорошо знаем, что вы воздвигали нас с корыстными целями: кто-то для того, чтобы обеспечить жизнь сыну-неудачнику, а кто-то — чтобы пристроить физически неполноценных, не имеющих шансов выйти замуж

дочерей в качестве устазбике, супруги муллы. Вы делали вид, что входили под наши своды, чтобы совершить молитву, но молились не от чистого сердца, а желая покрасоваться перед какими-нибудь Ахмеджаном или Мухаммеджаном и получить либо их дочь в жены, либо их деньги. Именно вы превратили нас в места совершения корыстных сделок, а мы сносили эти унижения. Ваши улемы под видом проповедей обманывали прихожан, их единственной целью было тем или иным образом выудить деньги. Разве не так? И снова мы терпели. В конце концов, вы просто бросили нас на произвол судьбы!".

Джагфар принимал эти упреки в свой адрес и не находил слов для оправдания. Он лишь низко опускал голову, признавая правоту обвинений.

И развалины медресе "говорили" о своей так скверно сложившейся судьбе, перебивая друг друга. В ушах Джагфара стоял сплошной гул их голосов, упрекавших, обличавших, осуждавших. "Зачем вы назвали нас медресе? — восклицали камни. — Заполнили нас безгрешными, чистыми душой детьми и в наших стенах заразили их скверной... Детей, рожденных для высоких идеалов, пришедших сюда с единственным желанием — учиться... И что стало с ними? Они покинули нас, разочарованные и в этой бренной жизни, и в загробном мире! Вы сделали все, чтобы они выросли не способными к полезному делу неучами. Вы видели в них только рабов и вменили им в обязанность служить вашим невежественным и подлым приспешникам. Но вам и этого показалось мало, вы использовали шакирдов, чтобы в дальнейшем они отравляли души других людей ядом лжи и корысти! Вместо обучения детей нужным и полезным наукам их заставляли рассуждать о схоластической ерунде. И где это теперь? Все исчезло, как дым... Вы открыли нас как медресе и превратили в средоточие безнравственности. С толстой книгой в руках, завернутой в красную материю, вы важно шествовали на так называемый урок и постепенно лишали нацию ее будущего! Чудовищный вред — вот все ваше наследие. Самый злейший враг не мог бы превзойти вас в этом. Мы были немymi свидетелями этой непрерывной трагедии, но все же терпели, надеясь на лучшее. Назвав нас "медресе", вы соорудили тем самым хорошее прикрытие для своих неблагоприятных дел. Вы и не думали раскаиваться, и поделом вам!

Вы исчезли, растворились! Очень хорошо. Теперь нам хотя бы нет нужды притворяться учебными заведениями...".

Джагфар, "выслушав" крики отчаяния, слившиеся в один монолог, пришел к выводу, что все это чистейшая правда. "Лучше бы не строили этих медресе вовсе. Тогда, по крайней мере, народ знал бы, чего ему не хватает, и сам бы создал правильную систему образования. А не смог бы, так учился б в школах, устроенных другими народами. Почему все у нас получалось так нелепо?" — подумал он.

¹ Мелизматический — от слова «мелизм», *греч.*, мелодическое украшение, устойчивое по форме. Чрезвычайно характерно для болгарской народной музыки.

На кладбище, среди могил **булгар**, в том числе и тех, кто жил двести лет назад, он представил, будто они спрашивают его, зачем он пришел: "Кто тебя приглашал, эй, ты? Ты считаешь, что таким образом отдаешь нам дань памяти? Глупец! Этим ты только оскорбляешь нас. Какая польза от твоего коленопреклонения? О, если бы вы все слушали и верили нашим словам, то тогда мы даже и не думали бы о том, что кто-то должен посещать нас! Но вы ведь приходили сюда, для того, чтобы за наш счет выторговать снисхождение за бесчестные поступки, совершенные вами. И в то же время планировали следующие мерзости и, давая милостыню убогим, сидящим у наших могил, пытались завоевать наше расположение и даже получить благословение! Не так ли?"

Вы руководствовались в своих деяниях не духом, а буквой наших слов и слов нашего пророка. Слова, слова — вот все, на что вы были горазды! На словах вы радели за религию и нацию. А на деле? После пустопорожней болтовни набивали брюхо и расходились! Позор вам, позор!". Джагфар, явно смущенный воображаемыми упреками, и в этот раз вынужден был признать их справедливость. Краска стыда залила его лицо. Ни слова, ни полслова не мог он произнести в оправдание.

Все увиденное в Астрахани чрезвычайно впечатлило Джагфара. Он не в состоянии был думать ни о чем другом, кроме как о полуразрушенных, брошенных мусульманских селах в окрестностях города, руинах мечетей,

надгробных камнях, экспонатах, находившихся в музее исторического общества. В один из дней он повстречал на улице русского шарманщика, извлекавшего из своего инструмента звуки **булгарских** мелодий, и попросил его сыграть еще. Слушая родную музыку, Джагфар не смог удержаться: слезы потекли по его щекам. Плачущий, он был похож на мальчика, у которого отобрали любимую игрушку. Музыка заставила его вспомнить былое могущество и процветание **булгар**. **Булгарская** мелодия, исполняемая человеком другой национальности, говорила сама за себя. Мысль о том, что не осталось более ни одного **булгарского** музыканта, ужаснула его. А ведь через пару лет уже не будет и слушателей, способных прослезиться при этих звуках, подумал он с горечью. Он даже не пытался сдерживать слезы, душившие его. Невысказанные тоска и отчаяние юношей, упрямый фанатизм стариков, ядовитая горечь древа невежества и мракобесия, посаженного и тщательно обихоженного улемами в XIX–XX веках, воистину похожего на адское дерево "заккум"² — музыка перенесла Джагфара в мир этих образов и заставила жестоко страдать...

Настало время отъезда. Джагфар в последний раз бродил по развалинам **булгарских** мечетей, прижимаясь лицом к их холодным камням, в музее целовал старинные книги, а на кладбище долго стоял у надгробия знаменитого астраханского поэта. Расставание с городом было печальным, но едва ли не более грустные переживания поджидали его на пароходе, шедшем в Казань. Внимание Джагфара привлекли знаки, похожие на арабский шрифт, по обе стороны от выведенного огромными буквами названия парохода — "Гром". Разглядеть их более внимательно он сумел только на следующей пристани, сойдя на берег. Справа от слова "Гром" можно было прочесть сочетание "габд", а слева — "сыри". Неожиданная догадка озарила его: пароход, на котором он плыл в Казань, когда-то назывался именем одного из первых **булгарских** писателей — Габд-аль-Каюма аль-Насыри³ и принадлежал основанному мусульманами товариществу "Йиль" ("Ветер"). И об этом теперь напоминали лишь случайно уцелевшие остатки букв! Джагфар пришел в еще большее смятение, тоска завладела его сердцем окончательно. Он даже отказался от намерения посетить развалины Сарая⁴, попросту испугавшись сойти с ума. Впрочем, его испугала не столько сама эта вероятность — Джагфар не хотел,

чтобы русские в своих книгах потом написали о нем что-то вроде "последний из **булгар** повредился разумом и скончался". Он не сделал остановки даже в Шахри-**Булгаре**⁵.

... В Казани Джагфар нанял извозчика и велел ему ехать в верхнюю часть города. Путь пролегал через Сенной базар. Теперь здесь уже невозможно было встретить **булгар**, живо обсуждавших недостатки и достоинства прохожих и выдававших им, в зависимости от походки и одежды ярлык вероотступника или правоверного. Их место заняли русские и евреи, говорившие по-русски, но с изрядным акцентом. На душе Джагфара стало еще тяжелее, так как по книгам он хорошо знал, кому принадлежали когда-то все эти магазины и лавки и чем в них торговали. И вновь перед его глазами встала трагическая картина постепенного вымирания бывших владельцев торговых заведений, его соплеменников, и их крики в агонии словно отозвались эхом в его душе. Но настоящее потрясение Джагфар пережил чуть далее, когда он увидел, как над входом в Сеннобазарскую мечеть какие-то люди укрепляли вывеску с надписью золотыми буквами: "Болгарский музей". За этим наблюдало множество горожан. Целая гора цветов была навалена у входной двери, гирлянды лампочек для вечернего освещения украшали фасад здания. Джагфар вспомнил: сегодня было 2 октября, годовщина взятия Казани русскими, праздничный день. Очевидно, открытие музея специально приурочили к празднику. Выяснилось, что этому событию будет предшествовать краткое вступительное слово русского историка, посвященное истории **булгар**. У Джагфара возникло желание быстрее покинуть площадь перед мечетью, но извозчику пришлось долго протискиваться через толпу зевак. "Бывшая мечеть, бывшая мечеть" — эти слова, то и дело слышавшиеся вокруг, неприятно кольнули Джагфара. Наконец, пролетка, выбравшись из толчеи, покатила вдоль озера Кабан. И снова неожиданность, заставившая его горестно вздохнуть: над входом в Апанаевское медресе теперь красовалась надпись: "Приют". Выезжая на Екатерининскую улицу⁶, Джагфар услышал звон колокола. Он исходил со стороны Апанаевской мечети, служившей теперь пожарной частью, причем колокол был установлен прямо на минарете. Джагфар, буквально сраженный этим невероятным превращением, попросил извозчика ехать резвее. Теперь они двигались мимо другой мечети, Бурнаевской. Какой ужас! Ее минарет оказался переоборудованным в павильон, в котором стояли или

прохаживались официанты в белых передниках и барышни с цветами в волосах. Смятение охватило Джагфара, он закрыл глаза, и тут же воображение нарисовало перед ним картину: в мечети мулла читает проповедь, в то время как в павильоне на крыше здания царит веселье...

Он хотел было направиться в сторону Азимовской мечети, но испугался, что и там его подстерегает очередная неприятность. Он сказал извозчику, чтобы тот с Мещанской⁷ повернул в сторону Сенного базара. Однако неизбежное словно гналось за ним: Голубой мечети не было на месте! Впрочем, память быстро подсказала ему, что о падении ее минарета писали в газетах. Ныне здание мечети использовалось как больница. Вывеска на фасаде находившегося рядом медресе информировала прохожих, что здесь располагаются акушерские курсы. Дальше — больше: мечеть Субаева была переоборудована в библиотеку, а Галиевское медресе, в котором некогда одновременно учились сотни шакирдов, стала "Приютом для неизлечимо больных".

Извозчик, явно раздраженный постоянными изменениями маршрута, обернулся к пассажиру: "Ну а теперь куда?". Эти слова заставили Джагфара отвлечься от своих мыслей. Он велел ехать к ближайшим номерам. Однако и на этом, последнем отрезке не избежал очередной безрадостной картины: на вершине башни одного из зданий развивался флаг, а из него выходили люди с цветами в руках. Приглядевшись, он узнал Усмановскую мечеть⁸, превращенную, таким образом, в цветочный магазин. Страшно утомленный всем увиденным за день, Джагфар жаждал успокоения и быстро направился к входу в гостиницу. Но что за наваждение: и она была переоборудована из бывшего медресе. Об этом красноречиво свидетельствовала надпись, сохранившаяся на воротах: "Вакуф-медресе Усмановской мечети". Впрочем, у нашего путешественника уже не было сил ни удивляться, ни расстраиваться. Он быстро разделся и лег на кровать в отведенном ему номере. Сон почти мгновенно навалился на него. Горячечные сновидения вновь вернули его к астраханским впечатлениям, мечетям "Хазар" и Сеннобазарской... На казанских улицах шумела толпа, причем все эти люди были без обуви и головных уборов и с явным удовольствием грелись под лучами осеннего солнца. Потом сюжет сна неожиданно изменился: Джагфар оказался свидетелем **булгарского** праздника с песнями и цветами. **Булгарские** писатели, редакторы газет, ученые собрались на площади, которая

именовалась **Булгарской**. Выступая перед публикой, они говорили: "Нашей нации грозила опасность исчезновения, но благодаря этим подвижникам, их самоотверженной деятельности, мы дождались сегодняшнего праздника. Мы разобрали старое, сгнившее основание и построили новый, прочный фундамент национальной жизни. Мы изгнали из нашей действительности замшелые принципы средневековья. Те, кто называл себя улемами двести лет назад, в самый критический период нашей истории нанесли нации огромный ущерб, и закономерно, что они послужили лишь удобрением для улучшения почвы. Она стала более плодородной, и именно на этой почве и выросли вы, достойные дети своего народа. Вы реформировали систему образования, школы и медресе. Вместо схоластики и формальной логики в учебных программах появились математика, философия. Шакирды вместо четок получили учебники по философии и серьезно занялись изучением этой науки. Сегодня мы празднуем торжество настоящей науки и просвещения, которые помогли нам достигнуть высокого уровня во всех областях науки". Площадь заполнили приветственные возгласы. "Пусть здравствует наш народ сотни и тысячи лет!" — кричали собравшиеся. Оглушительные аплодисменты слились с торжественными звуками **булгарской** музыки. "Да здравствуют писатели! Да здравствуют **булгары!**" — слышалось со всех сторон. Джагфар увидел, что и сам оказался в группе литераторов и ученых, которых восторженно приветствовали толпы народа. Коллеги жали ему руки, восхищаясь его вкладом в национальную культуру. "Да здравствует профессор Джагфар!" — кричали люди в восторге. И он, понимая, что все это — лишь сон, все же радовался как ребенок... Тут снова раздалась **булгарская** мелодия... Джагфар, наконец, очнулся ото сна и обнаружил себя в гостиничном номере с его унылыми стенами. Чудесное видение все еще не отпускало его. И тут Джагфар подумал: а ведь действительно, если бы в XIX-XX веках было предпринято то, о чем говорили ораторы, все могло сложиться иначе. Осознание того, что ничего не было сделано, вызвало приступ досады и отчаяния и заставило его разрыдаться. Он все еще переживал свой сон, который дал ни с чем не сравнимую возможность присутствовать на **булгарском** празднике, где собрались тысячи шакирдов из медресе и нарядившиеся в калфаки девушки из женских школ, видеть окруженные цветами и флагами скульптурные

памятники выдающимся **булгарам**. И над всем этим дивно звучала **булгарская музыка**...

² Заккум — *араб.*, в Коране дерево в аду, ядовитые плоды которого предназначены грешникам.

³ Габд-аль-Каюм аль-Насыри (1825 — 1902) — выдающийся булгарский просветитель.

⁴ Сарай — центр монгольской Орды (сер. XIII — конец XV вв.)

⁵ Шахри-Булгар — *булг.* город Булгар, одна из бывших столиц Булгарского государства. Лишь здесь сохранились отдельные образцы булгарской архитектуры конца XIII — первой четверти XIV века: мавзолей (тюрбе), основание соборной мечети (джами), так называемая «Черная Палата» (предположительно, здание суда), остатки фундаментов общественных бань с подпольным отоплением, Малый и недавно восстановленный Большой минареты. На территории Булгарского музея-заповедника также сосредоточены несколько десятков надгробных камней конца XIII — первой половины XIV столетий.

⁶ В настоящее время — часть улицы Татарстан.

⁷ Мецанская улица — ныне улица Нариманова.

⁸ Сеннобазарская, Апанаевская, Бурнаевская, Азимовская, Голубая, Усмановская мечети, Галиевское медресе — Сеннобазарская мечеть построена в 1845г. Реконструирована с восстановлением минарета (разрушен в первые десятилетия Советской власти) в 1989г. Сейчас носит название «Нуруллах» (ул. Кирова, 74); Апанаевская мечеть возведена в 1768 г. (ул. Каюма Насыри, 27); Бурнаевская мечеть построена на деньги Садыка Бурнаева в 1872 г. (ул. Ахтямова, 5); Азимовскую мечеть, одну из самых красивых в Казани, возвели на средства купцов Азимовых в 1887г. (ул. Вахитова, 1); Голубая («Зэнгэр») мечеть была построена в 1812г. (ул. Нариманова, 28/19); Усмановская мечеть возведена в 1906г. (ул. Гафури, 67). Галиевское медресе называлось так по имени построившего его на свои деньги Мухаммеджана Галиева; более известно под названием медресе «Мухаммадия». Исключительную роль в развитии этого учебного заведения и превращении его в своеобразный мусульманский университет сыграл сын М. Галиева - выдающийся булгарский педагог, богослов и общественный деятель Галимджан Баруди, ставший после февральской революции 1917 года первым свободно избранным муфтием мусульман Внутренней России. Медресе было закрыто в 1918 году и возобновило свою деятельность в начале 1990-х годов.

Джагфар вдруг понял, что сновидение было не случайным. Он должен был еще раз уяснить себе, что могло быть с нацией, если бы она пошла по иному пути, прислушалась к голосу лучших людей, патриотов и отбросила в сторону, как ненужный хлам, "умные" советы улемов.

Интересно, а что сказали бы эти "ученые мужи" XIX–XX столетий, увидев такой сон? Наверное, они сочли бы его дьявольским наваждением. Что же касается других, не знаю. Может быть, осознав, что, слепо идя за улемами, совершали ошибку за ошибкой, они покаяться бы. Может быть...

Джагфар встал с постели, умылся, подумал о том, что предпринять дальше. Самым правильным было бы поехать к Сююмбике — супруге, пожить немного у нее, успокоить нервы, а потом уже направиться в Петербург, в тамошнее Историческое общество.

Он заказал чай. Вместе с чаем официант принес и свежий номер газеты "Казань". Джагфара сразу же привлек один заголовок — "Последний болгарин". Его словно пронзил электрический ток. Читая статью, он

испытывал что-то похожее на эпилептический припадок. Заметка была из Оренбурга и рассказывала о старике-мусульманине, который находился сейчас в больнице в тяжелом состоянии и в бреду то звал умерших родственников, то просил привести человека, умеющего читать Коран, то вдруг пытался петь **булгарские** песни, плакал, выкрикивал имена жены, детей и близких. Автор с большим участием писал о судьбе старика, последнего оренбургского **булгара**, которому в последние часы жизни даже не было отпущено скромной радости поговорить с соплеменником на родном языке.

Едва дочитав статью, Джагфар в сердцах отшвырнул ее в сторону. "Вот до чего мы дожили! Пусть Бог проклянет тех кто повинен в этом!" — воскликнул он и, быстро одевшись и даже не закрыв двери, вышел на улицу. Доехав до пристани, он сел на пароход, следовавший в Самару, с твердым намерением добраться до оренбургской больницы и застать старика в живых. Джагфар хотел во что бы то ни стало облегчить предсмертные страдания больного, утешить его, в может быть и поговорить о судьбе нации, напеть **булгарские** мелодии... Он очень надеялся прочитать у изголовья старика последнюю молитву.

На пароходе он читал газету, купленную в киоске возле пристани. Его заинтересовал материал из Семипалатинска, в котором речь шла о состоянии бывших медресе, превращенных в приюты для бедных, и о бывших мечетях, находившихся теперь под опекой, о недавней смерти **булгарской** девушки родом из того же города с подробным изложением течения ее болезни и обстоятельств кончины. В статье особо подчеркивалась "профессия" девушки, которая прославилась как "барышня" не только в Семипалатинске, но даже в Москве и Петербурге, и ставился вопрос, не нанесла ли национальному развитию вред определенная распространенность среди **булгарских** женщин злосчастного статуса "барышни известного поведения". Мысли Джагфара окончательно спутались, он не мог уже дать точной оценки прочитанному. Бесцельно шагал он по палубе взад и вперед в состоянии крайней растерянности. Вскоре голод дал о себе знать, и Джагфар заказал обед в ресторане. В ожидании заказа он опять принялся мерить шагами палубу, и тут до его ушей донеслась мелодия. Она покоряла своеобразием, нежностью, печалью и в то же время обладала

поразительной внутренней силой. Джагфар вошел в зал и увидел русскую женщину, игравшую на рояле. Он приблизился вплотную к инструменту и долго стоял как зачарованный. Пианистка исполняла не что иное, как известную с девятнадцатого века песню "Тафкилев", которая пользовалась громадной популярностью и сейчас... Завороженный волшебными звуками, Джагфар опомнился только когда русская пианистка закончила играть и захлопнула крышку рояля. И тут же почти выбежал из зала. Он боялся, что пассажиры догадаются, что он **булгар**, и замучат его вопросами.

Заказ все еще не был готов, и Джагфар, взяв лежащий на столе журнал, стал просматривать его. Увидел заголовок "Ишанизм и его последствия" и углубился в чтение. Эта обширная статья рассматривала тему во всех ее аспектах. Автор, должно быть, глубоко изучил предмет: он писал о том, как ишанизм проник в мусульманскую среду из языческой Индии. Особо указывалось время, когда началось распространение ишанизма в **Булгари**и, подчеркивалось то разрушительное действие, которое он оказал на мусульманский мир вообще и на **булгар** в частности. Согласно утверждениям автора, основной причиной **булгарского** вырождения был именно ишанизм, потому что, несомненно, не без влияния ишанов утратили **булгары** такие качества, как энергичность, деловитость, необычайная работоспособность. Бесконечные призывы ишанов отринуть бренный мир и заниматься лишь молитвами привели к тому, что **булгары** стали ленивым и не способным ни к чему народом [...].

Статья заканчивалась следующими словами: "Невозможно рационально объяснить, как же эти **булгарские** ишаны и улемы, в религиозных воззрениях и практике которых не было и признаков настоящей духовности, смогли так оболванить целый народ. Или они были необыкновенно хитры? Кто знает, может, ишаны обладали некой гипнотической силой*? Как бы то ни было, никакая другая прослойка общества не оказала на **булгар** такого губительного влияния".

"Боже, Боже — подумал Джагфар, — почему же именно я должен быть свидетелем этого позора, а не улемы девятнадцатого столетия? О если бы случилось чудо, и хотя бы один из них увидел, к чему привела деятельность его и ему подобных!". И тут же представил себе: человек в зеленом чапане и

несуразно большой чалме, на ногах — ичиги⁹ с приспущенными голенищами, верхние пуговицы рубахи расстегнуты, без конца повторяет: "Шариат, шариат...". Джагфар идет за ним, его пальцы сжаты в кулаки, он кричит: "Убью, гадина! Это ты все погубил, ты!". Однако хазрат, продолжая твердить одно и то же, не обращает на него внимания. От этого сна наяву Джагфара пробудил только громкий голос официанта, объявившего, что обед готов. За столом Джагфар старался не думать ни о чем и твердо решил, пока не доберется до Оренбурга, отказаться от чтения любых газет и журналов. Он также всячески избегал общения с людьми, ибо в ходе беседы с кем бы то ни было его национальная принадлежность непременно открылась бы. Ну а далее, без сомнения, разговор зашел бы о печальной судьбе **булгарского** народа. Джагфар не хотел больше беречь саднящую в душе рану. До самой Самары он не покидал своей каюты. И, тем не менее, как он ни пытался заставить себя не размышлять о том, что волновало больше всего, как ни старался занять ум праздными мелочами, это не получалось. Подобно больному, которому кажется, что все вокруг напоминает о недуге — сам пароход, его гудки, посуда и чай в ресторане, рояль, имя парохода, в конце концов, даже кровать, на которой он лежал, пытаясь забыться, — окружавшее буквально кричало на разные голоса о злосчастном роке, постигшем **булгарскую** нацию.

В Самаре Джагфар испытал некоторое облегчение хотя бы потому, что гостиница, куда он направился с пристани, не была зданием бывшего медресе или чем-нибудь в этом роде. И на улицах он не заметил переоборудованных под другие цели мечетей. Устроившись в номере и перекусив, Джагфар решил пройтись по городу. Над большим парадным входом в один из домов виднелась вывеска с надписью: "Промышленное училище". Из открытых окон доносились звуки работающих механизмов, сильно пахло машинным маслом. Джагфар подошел поближе и через окно увидел на внутренней стене помещения что-то напоминающее **булгарские** буквы¹⁰. Он быстро направился к воротам и, ни с кем не заговаривая и не отвечая на вопросы, прошел внутрь. Лавируя между станками, подошел к заинтересовавшей надписи. Очистил рамку от слоя пыли, начал читать. Оказалось, что это расписание уроков. Дальше шел перечень каких-то

названий. Джагфар смог разобрать некоторые из них: "Кафия", "Шарх-и-мулла", "Исагуджи", "Шамсия", "Тахзиб", "Суллам-аль-улюм", "Хикмат-аль-айн", "Мухтасар"¹¹. Вначале он решил, что это и есть программа обучения. Кроме того, он понял, что слова были либо арабского, либо джагатайского¹² происхождения. Будучи собирателем болгарских артефактов, он обычно, не вдаваясь в юридические тонкости, просто пополнял ими свою коллекцию, потому что считал себя вправе обладать этими предметами как последний представитель болгарской интеллигенции.

Не обращая внимания на недоуменные вопросы подошедших к нему рабочих, он снял рамку со стены и пошел к выходу. Они не препятствовали, может быть, решив, что он "крупная шишка", а, скорее всего, просто потому, что никогда не придавали особого значения старой надписи на незнакомом языке.

... Вернувшись в гостиницу, Джагфар уединился в номере и стал внимательно изучать надпись. Он обратился к словарям, чтобы найти значение слова "исагуджи", но так и не добился результата. Смысл слов "шарх" и "мулла" по отдельности он понимал, но что они могли означать с научной точки зрения? То же касалось и слова "кафия"... Джагфар никогда не слышал о науке под таким названием. А что это за учебный предмет "шамсия"? Вспомнив, что турки называют так обычный зонтик, он предположил, что, вероятно, это какая-то инструкция по производству зонтов. Но почему же в таком случае она попала в список изучаемых предметов? Странно, но, может быть, это действительно было объектом изучения, кто знает? Во всяком случае, сейчас уже никто не сможет объяснить данный феномен. Джагфар когда-то читал книгу о жизни самарских мусульман, их занятиях и промыслах. Он даже вспомнил некоторые строки из нее: "Здесьние болгары занимались конным извозом. Иногда, когда им казалось, что выполнить повеление хозяина и отправиться с грузом в какой-нибудь отдаленный населенный пункт слишком тяжело, они, не долго думая, просто заезжали во двор своего дома".

Названия "Суллам" и "Тахзиб" также заставили призадуматься. Джагфар знал, что с арабского слово "суллам" переводится как "лестница". "Уж не о пожарных ли принадлежностях эта книга?" — подумал он. Слово

"тахзиб" он раскусил очень быстро, потому что немало был начитан о том, как в XIX–XX веках под видом "улучшения нравственности" ("тахзиб-и-ахлак") были опустошены карманы многих бедолаг. Однако это все-таки не объясняло практического предназначения книг с такими названиями. Джагфар рискнул предположить, что все это имена людей, живших в одном месте и в одно время. Но причем здесь названия дней недели? Джагфар понял, что ему не под силу разгадать непривычные слова и сочетания. Тут он вспомнил о том, что в девятнадцатом–двадцатом столетиях был распространен обычай носить на груди под одеждой различного рода амулеты, талисманы с молитвами. Часто это были даже не молитвы, а набор нечитаемых слов типа "максалмина", "чуприма", "тупрата" или "ямлиха", якобы защищавших от злых духов-джиннов. Но заглавие "программа занятий" заставила его отбросить и это предположение. Наконец, он просто устал и решил прогуляться и как-то развеяться. И снова ему пришлось пройти мимо промышленного училища. Случайно взглянув наверх, он увидел надпись, из которой следовало, что нижнюю часть здания когда-то занимало медресе, а верхняя была мечетью, но прошло уже 25 лет с того времени, когда здесь видели последнего прихожанина, и здание теперь служило для других функций. Неожиданным образом это обстоятельство не сильно расстроило Джагфара. Наоборот, он с некоторым облегчением подумал, что наконец-то, после стольких лет вредоносного влияния на судьбы молодых людей, здание "опомнилось и раскаялось". Услужливая память тут же подсказала: ведь в прежних медресе **булгар** не обучали определенным наукам, а заставляли лишь зубрить названия книг и читать предисловия к ним. Теперь до него окончательно дошел смысл слов на обрамленной доске, унесенной им из училища. Джагфар счел за благо поскорее добраться до вокзала и отправиться в Оренбург.

...Размеренный стук вагонных колес, казалось, немного успокоил его нервы, но когда показалась река Сакмара, снова душевная боль стала терзать путника. Ведь именно Сакмара в течение веков снабжала водой добрую половину **булгарского** народа, а ее берега и заливные луга являли собой одно из живописнейших мест **булгарской** земли, и именно этой реке была посвящена удивительная по мелодичности и задушевности песня с

одноименным названием... Поезд шел ходко, но безрадостные мысли сменяли одна другую еще быстрее. Сердце защемила тоска, на глаза навернулись слезы. Чуть-чуть подзабытая было "булгарская тема" раскрылась во всей своей широте и обнаженности.

Но вот показался и оренбургский вокзал [...] Джагфар нанял извозчика и велел тому отвезти его в больницу, ту самую, в которой доживал последние дни старик из газетной статьи. Он почти вбежал в приемный покой, где его остановили и спросили о цели посещения. Джагфар назвал имя. Ему бесстрастно сообщили, что старик умер и вчера похоронен. Джагфар остолбенел, затем медленно вышел из больницы. Вывеска на здании напротив ввергла его в еще более подавленное состояние. Надпись гласила: "Вакуф-медресе братьев Хусаиновых". Об этих людях он читал много. В период, когда нация "встрепенулась" и только начала высвобождаться из пут тяжелого, нездорового сна, они потратили огромные средства на открытие медресе и мектебов для народа. С другой стороны, как понял Джагфар, в учебных заведениях, построенных на деньги Хусаиновых¹³, преподавалось много предметов, упраздненных даже в медресе старого типа, и вообще, братья в этой области вели дела крайне неумело, недальновидно, и получилось так, что они потратили уйму капитала впустую. То, что они с таким старанием строили, вскоре после их смерти рассыпалось как карточный домик. Здания медресе, конечно, оставались на своем месте, но система образования в них служила лишь обогащению одних и потере физического и духовного здоровья других. В одной из книг было написано так: "Хусаиновы радели за нацию, хотели верно служить ей, истратили много денег. Но оказалось, что без всякой пользы. Их деятельность была сродни неуклюжим движениям того самого медведя, который, пытаясь спасти своего друга-человека от назойливых мух, мощным ударом лапы убил его". Джагфар был согласен с автором. Он с горечью размышлял о судьбе народа, которому так и не улыбнулось счастье и у которого что ни возьми — все шло невпопад. Нужные, необходимые нации, как воздух, люди безвременно умерли, а типы, от которых исходил лишь вред, напротив, прожили долгую жизнь. Те, кто верой и правдой служил народу, были объявлены врагами, им не давали ходу, на их подвижническом пути возводились преграды одна

выше другой. Дела и поступки, крайне важные для национального благополучия, воспринимались в штыки или, в лучшем случае, ими пренебрегали, в то время как пагубный груз недалёковидности, невежества, тупости и косности становился все тяжелее и тяжелее. Мракобесы и никчемные людишки представляли себя героями, богачи оказывали им всяческую поддержку, бедняки относились к ним с почтением. Во всех делах перевес был на стороне темных сил. Но почему так произошло? Кто виноват в случившемся? Кто?

Стоя перед зданием, Джагфар вообразил, что если бы медресе и вакуфы¹⁴ принадлежали, например, евреям или армянам, то они извлекли бы из этого громадную выгоду.

Между тем он вернулся в номер и принялся за чтение главы из книги по истории Оренбургского края, посвященную характеру и привычкам здешних **булгар**. Согласно автору, они отличались от казанских соплеменников простодушием и открытостью. Да и в чувстве патриотизма оренбуржцы превосходили **булгар**-казанцев. Зато в них гораздо меньше было спесивости и заносчивости. Если бы не ряд отрицательных качеств, присущих оренбургским **булгарам**, таких как излишнее преклонение перед религиозными авторитетами, пассивность в критические моменты, когда необходимо было срочно решать очень важные вопросы (обычно оренбуржцы признавали эту необходимость, но их пугало конкретное дело, конкретная ответственность), а также характерное для **булгар** чревоугодие, то они, несомненно, достигли бы весьма значительных успехов. Из других исторических трудов Джагфар знал и о том, что в Оренбурге было немало деятельных людей, преданных идее национального прогресса, служивших народу по мере сил и способностей, но не получивших поддержки. По мысли автора книги об оренбургских **булгарах**, одной из причин упадка и регресса являлось то, что здесь проблеме, как и во что одеться, придавалось совершенно неадекватное значение. Критерием оценки человека часто был материал, из которого пошит его казак. Еще одним очень серьезным препятствием на пути прогресса оказалось приниженное положение женщин, которые коего не получали ни образования, ни должного воспитания и постоянно пребывали в затворничестве.

Книга была иллюстрирована рисунками, изображавшими, например, мечеть и минарет Караван-сарая. Джагфар быстро оделся, вышел, кликнул извозчика и поехал осматривать эту достопримечательность города. Минарет по-прежнему был на своем месте и даже как будто выглядел стройнее и краше, чем на картинке. Ввиду скорого наступления нового века, грозящего полным исчезновением **булгарского** этноса, все предметы и объекты, так или иначе связанные с **булгарским** прошлым, подверглись обновлению и реставрации...

Поэтому и минарет Караван-сарая покрывали новой... краской и готовили флажки для водружения знамен.

В здании мечети теперь располагалась **Булгарская** библиотека. Джагфар без колебаний вошел внутрь. Книг на стеллажах было много, очень много, и он постарался просмотреть их как можно больше. Однако это занятие не принесло ему удовлетворения. Ни одна из книг не принадлежала перу **булгарского** автора, в библиотеке хранились лишь религиозные трактаты. Почему же предки не уделяли мирской, земной жизни хотя бы сотую толику того внимания, которое они посвятили вопросам вечного, потустороннего? Ведь в таком случае их судьба наверняка сложилась бы иначе, подумалось Джагфару. Уже выходя из библиотеки, он наткнулся на раздел художественной и научной литературы. В углу были навалены большой грудой труды оренбургских **булгар**. Он внимательно осмотрел их и горестно вздохнул: этих книг было гораздо меньше, нежели предыдущих, подробно объяснявших каждый аспект исполнения религиозных обрядов. Ему стало совершенно очевидно, что **булгары** до смешного мало занимались делами этого мира, постоянно грезя о загробном, и, в конце концов, отправились туда все до единого.

...Джагфар уже не имел ни малейшего желания посещать другие бывшие медресе и мечети. Его обуял страх — страх потерять контроль над собой, своим душевным состоянием. И все-таки перед отъездом из Оренбурга он сделал то, что считал своим долгом по отношению к старику Худжа Саиду, умершему в больнице. По его просьбе резчик выгравировал на надгробном камне надпись: "Последнему оренбургскому **булгару** от Джагфара. Последнее надгробие на **булгарской** земле, последняя слеза

на **булгарском** погосте". Памятник он установил сам, не прибегая к чьей-либо помощи...

* Сила, которая позволяет гипнотизеру управлять волей другого человека. Гипнотизм был известен индийским язычникам еще в давние времена, в Европе же его открыли лишь в прошедшем веке (примечание Г. Исхаки).

⁹ Ичиги — *булг.*, традиционные болгарские сапоги из мягкой выделанной кожи.

¹⁰ Болгарские буквы — здесь: арабские буквы, которыми пользовались болгары до конца 20-х гг. XX в., когда был осуществлен переход на латиницу, а позже в конце 30-х гг. — на кириллицу.

¹¹ "Кафия", "Шарх-и-мулла", "Исагуджи"... — названия книг по языку, формальной логике и т.д., изучавшихся в схоластических медресе.

¹² Джагатайский язык — древнеузбекский язык.

¹³ Хусаиновы — оренбургские купцы братья Хусаиновы: Ахмед (1837 — 1906), Махмуд (1839 — 1912), Гани (1840 — 1902). Крупнейшие болгарские благотворители и меценаты. Начиная с 1870-х годов и вплоть до Октябрьской революции 1917 года финансировали строительство и функционирование около шестидесяти мектебов и медресе.

¹⁴ Вакуфы — см. вакфы.

Джагфар вдруг понял, что сновидение было не случайным. Он должен был еще раз уяснить себе, что могло быть с нацией, если бы она пошла по иному пути, прислушалась к голосу лучших людей, патриотов и отбросила в сторону, как ненужный хлам, "умные" советы улемов.

Интересно, а что сказали бы эти "ученые мужи" XIX–XX столетий, увидев такой сон? Наверное, они сочли бы его дьявольским наваждением. Что же касается других, не знаю. Может быть, осознав, что, слепо идя за улемами, совершали ошибку за ошибкой, они покаялись бы. Может быть...

Джагфар встал с постели, умылся, подумал о том, что предпринять дальше. Самым правильным было бы поехать к Сююмбике — супруге, пожить немного у нее, успокоить нервы, а потом уже направиться в Петербург, в тамошнее Историческое общество.

Он заказал чай. Вместе с чаем официант принес и свежий номер газеты "Казань". Джагфара сразу же привлек один заголовок — "Последний болгарин". Его словно пронзил электрический ток. Читая статью, он испытывал что-то похожее на эпилептический припадок. Заметка была из Оренбурга и рассказывала о старике-мусульманине, который находился сейчас в больнице в тяжелом состоянии и в бреду то звал умерших родственников, то просил привести человека, умеющего читать Коран, то вдруг пытался петь **булгарские** песни, плакал, выкрикивал имена жены, детей

и близких. Автор с большим участием писал о судьбе старика, последнего оренбургского **булгара**, которому в последние часы жизни даже не было отпущено скромной радости поговорить с соплеменником на родном языке.

Едва дочитав статью, Джагфар в сердцах отшвырнул ее в сторону. "Вот до чего мы дожили! Пусть Бог проклянет тех кто повинен в этом!" — воскликнул он и, быстро одевшись и даже не закрыв двери, вышел на улицу. Доехав до пристани, он сел на пароход, следовавший в Самару, с твердым намерением добраться до оренбургской больницы и застать старика в живых. Джагфар хотел во что бы то ни стало облегчить предсмертные страдания больного, утешить его, в может быть и поговорить о судьбе нации, напеть **булгарские** мелодии... Он очень надеялся прочитать у изголовья старика последнюю молитву.

На пароходе он читал газету, купленную в киоске возле пристани. Его заинтересовал материал из Семипалатинска, в котором речь шла о состоянии бывших медресе, превращенных в приюты для бедных, и о бывших мечетях, находившихся теперь под опекой, о недавней смерти **булгарской** девушки родом из того же города с подробным изложением течения ее болезни и обстоятельств кончины. В статье особо подчеркивалась "профессия" девушки, которая прославилась как "барышня" не только в Семипалатинске, но даже в Москве и Петербурге, и ставился вопрос, не нанесла ли национальному развитию вред определенная распространенность среди **булгарских** женщин злосчастного статуса "барышни известного поведения". Мысли Джагфара окончательно спутались, он не мог уже дать точной оценки прочитанному. Бесцельно шагал он по палубе взад и вперед в состоянии крайней растерянности. Вскоре голод дал о себе знать, и Джагфар заказал обед в ресторане. В ожидании заказа он опять принялся мерить шагами палубу, и тут до его ушей донеслась мелодия. Она покорила своеобразием, нежностью, печалью и в то же время обладала поразительной внутренней силой. Джагфар вошел в зал и увидел русскую женщину, игравшую на рояле. Он приблизился вплотную к инструменту и долго стоял как зачарованный. Пианистка исполняла не что иное, как известную с девятнадцатого века песню "Тафкилев", которая пользовалась громадной популярностью и сейчас... Завороженный волшебными звуками,

Джагфар опомнился только когда русская пианистка закончила играть и захлопнула крышку рояля. И тут же почти выбежал из зала. Он боялся, что пассажиры догадаются, что он **булгар**, и замучат его вопросами.

Заказ все еще не был готов, и Джагфар, взяв лежащий на столе журнал, стал просматривать его. Увидел заголовок "Ишанизм и его последствия" и углубился в чтение. Эта обширная статья рассматривала тему во всех ее аспектах. Автор, должно быть, глубоко изучил предмет: он писал о том, как ишанизм проник в мусульманскую среду из языческой Индии. Особо указывалось время, когда началось распространение ишанизма в **Булгари**и, подчеркивалось то разрушительное действие, которое он оказал на мусульманский мир вообще и на **булгар** в частности. Согласно утверждениям автора, основной причиной **булгарского** вырождения был именно ишанизм, потому что, несомненно, не без влияния ишанов утратили **булгары** такие качества, как энергичность, деловитость, необычайная работоспособность. Бесконечные призывы ишанов отринуть бренный мир и заниматься лишь молитвами привели к тому, что **булгары** стали ленивым и не способным ни к чему народом [...].

Статья заканчивалась следующими словами: "Невозможно рационально объяснить, как же эти **булгарские** ишаны и улемы, в религиозных воззрениях и практике которых не было и признаков настоящей духовности, смогли так оболванить целый народ. Или они были необыкновенно хитры? Кто знает, может, ишаны обладали некой гипнотической силой*? Как бы то ни было, никакая другая прослойка общества не оказала на **булгар** такого губительного влияния".

"Боже, Боже — подумал Джагфар, — почему же именно я должен быть свидетелем этого позора, а не улемы девятнадцатого столетия? О если бы случилось чудо, и хотя бы один из них увидел, к чему привела деятельность его и ему подобных!". И тут же представил себе: человек в зеленом чапане и несуразно большой чалме, на ногах — ичиги⁹ с приспущенными голенищами, верхние пуговицы рубахи расстегнуты, без конца повторяет: "Шариат, шариат...". Джагфар идет за ним, его пальцы сжаты в кулаки, он кричит: "Убью, гадина! Это ты все погубил, ты!". Однако хазрат, продолжая твердить одно и то же, не обращает на него внимания. От этого сна наяву

Джагфара пробудил только громкий голос официанта, объявившего, что обед готов. За столом Джагфар старался не думать ни о чем и твердо решил, пока не доберется до Оренбурга, отказаться от чтения любых газет и журналов. Он также всячески избегал общения с людьми, ибо в ходе беседы с кем бы то ни было его национальная принадлежность непременно открылась бы. Ну а далее, без сомнения, разговор зашел бы о печальной судьбе болгарского народа. Джагфар не хотел больше беречь саднящую в душе рану. До самой Самары он не покидал своей каюты. И, тем не менее, как он ни пытался заставить себя не размышлять о том, что волновало больше всего, как ни старался занять ум праздными мелочами, это не получалось. Подобно больному, которому кажется, что все вокруг напоминает о недуге — сам пароход, его гудки, посуда и чай в ресторане, рояль, имя парохода, в конце концов, даже кровать, на которой он лежал, пытаясь забыться, — окружавшее буквально кричало на разные голоса о злосчастном роке, постигшем болгарскую нацию.

В Самаре Джагфар испытал некоторое облегчение хотя бы потому, что гостиница, куда он направился с пристани, не была зданием бывшего медресе или чем-нибудь в этом роде. И на улицах он не заметил переоборудованных под другие цели мечетей. Устроившись в номере и перекусив, Джагфар решил пройтись по городу. Над большим парадным входом в один из домов виднелась вывеска с надписью: "Промышленное училище". Из открытых окон доносились звуки работающих механизмов, сильно пахло машинным маслом. Джагфар подошел поближе и через окно увидел на внутренней стене помещения что-то напоминающее болгарские буквы¹⁰. Он быстро направился к воротам и, ни с кем не заговаривая и не отвечая на вопросы, прошел внутрь. Лавируя между станками, подошел к заинтересовавшей надписи. Очистил рамку от слоя пыли, начал читать. Оказалось, что это расписание уроков. Дальше шел перечень каких-то названий. Джагфар смог разобрать некоторые из них: "Кафия", "Шарх-имулла", "Исагуджи", "Шамсия", "Тахзиб", "Суллам-аль-улюм", "Хикмат-аль-айн", "Мухтасар"¹¹. Вначале он решил, что это и есть программа обучения. Кроме того, он понял, что слова были либо арабского, либо джагатайского¹² происхождения. Будучи собирателем болгарских

артефактов, он обычно, не вдаваясь в юридические тонкости, просто пополнял ими свою коллекцию, потому что считал себя вправе обладать этими предметами как последний представитель **булгар**ской интеллигенции.

Не обращая внимания на недоуменные вопросы подошедших к нему рабочих, он снял рамку со стены и пошел к выходу. Они не препятствовали, может быть, решив, что он "крупная шишка", а, скорее всего, просто потому, что никогда не придавали особого значения старой надписи на незнакомом языке.

... Вернувшись в гостиницу, Джагфар уединился в номере и стал внимательно изучать надпись. Он обратился к словарям, чтобы найти значение слова "исагуджи", но так и не добился результата. Смысл слов "шарх" и "мулла" по отдельности он понимал, но что они могли означать с научной точки зрения? То же касалось и слова "кафия"... Джагфар никогда не слышал о науке под таким названием. А что это за учебный предмет "шамсия"? Вспомнив, что турки называют так обычный зонтик, он предположил, что, вероятно, это какая-то инструкция по производству зонтов. Но почему же в таком случае она попала в список изучаемых предметов? Странно, но, может быть, это действительно было объектом изучения, кто знает? Во всяком случае, сейчас уже никто не сможет объяснить данный феномен. Джагфар когда-то читал книгу о жизни самарских мусульман, их занятиях и промыслах. Он даже вспомнил некоторые строки из нее: "Здесьние **булгары** занимались конным извозом. Иногда, когда им казалось, что выполнить повеление хозяина и отправиться с грузом в какой-нибудь отдаленный населенный пункт слишком тяжело, они, не долго думая, просто заезжали во двор своего дома".

Названия "Суллам" и "Тахзиб" также заставили призадуматься. Джагфар знал, что с арабского слово "суллам" переводится как "лестница". "Уж не о пожарных ли принадлежностях эта книга? " — подумал он. Слово "тахзиб" он раскусил очень быстро, потому что немало был начитан о том, как в XIX–XX веках под видом "улучшения нравственности" ("тахзиб-и-ахлак") были опустошены карманы многих бедолаг. Однако это все-таки не объясняло практического предназначения книг с такими названиями. Джагфар рискнул предположить, что все это имена людей, живших в одном

месте и в одно время. Но причем здесь названия дней недели? Джагфар понял, что ему не под силу разгадать непривычные слова и сочетания. Тут он вспомнил о том, что в девятнадцатом–двадцатом столетиях был распространен обычай носить на груди под одеждой различного рода амулеты, талисманы с молитвами. Часто это были даже не молитвы, а набор нечитаемых слов типа "максалмина", "чуприма", "тупрата" или "ямлиха", якобы защищавших от злых духов-джиннов. Но заглавие "программа занятий" заставила его отбросить и это предположение. Наконец, он просто устал и решил прогуляться и как-то развеяться. И снова ему пришлось пройти мимо промышленного училища. Случайно взглянув наверх, он увидел надпись, из которой следовало, что нижнюю часть здания когда-то занимало медресе, а верхняя была мечетью, но прошло уже 25 лет с того времени, когда здесь видели последнего прихожанина, и здание теперь служило для других функций. Неожиданным образом это обстоятельство не сильно расстроило Джагфара. Наоборот, он с некоторым облегчением подумал, что наконец-то, после стольких лет вредоносного влияния на судьбы молодых людей, здание "опомнилось и раскаялось". Услужливая память тут же подсказала: ведь в прежних медресе **булгар** не обучали определенным наукам, а заставляли лишь зубрить названия книг и читать предисловия к ним. Теперь до него окончательно дошел смысл слов на обрамленной доске, унесенной им из училища. Джагфар счел за благо поскорее добраться до вокзала и отправиться в Оренбург.

...Размеренный стук вагонных колес, казалось, немного успокоил его нервы, но когда показалась река Сакмара, снова душевная боль стала терзать путника. Ведь именно Сакмара в течение веков снабжала водой добрую половину **булгарского** народа, а ее берега и заливные луга являли собой одно из живописнейших мест **булгарской** земли, и именно этой реке была посвящена удивительная по мелодичности и задушевности песня с одноименным названием... Поезд шел ходко, но безрадостные мысли сменяли одна другую еще быстрее. Сердце защемила тоска, на глаза навернулись слезы. Чуть-чуть подзабытая было "**булгарская** тема" раскрылась во всей своей широте и обнаженности.

Но вот показался и оренбургский вокзал [...] Джагфар нанял извозчика и велел тому отвезти его в больницу, ту самую, в которой доживал последние дни старик из газетной статьи. Он почти вбежал в приемный покой, где его остановили и спросили о цели посещения. Джагфар назвал имя. Ему бесстрастно сообщили, что старик умер и вчера похоронен. Джагфар остолбенел, затем медленно вышел из больницы. Вывеска на здании напротив ввергла его в еще более подавленное состояние. Надпись гласила: "Вакуф-медресе братьев Хусаиновых". Об этих людях он читал много. В период, когда нация "встрепенулась" и только начала высвобождаться из пут тяжелого, нездорового сна, они потратили огромные средства на открытие медресе и мектебов для народа. С другой стороны, как понял Джагфар, в учебных заведениях, построенных на деньги Хусаиновых¹³, преподавалось много предметов, упраздненных даже в медресе старого типа, и вообще, братья в этой области вели дела крайне неумело, недальновидно, и получилось так, что они потратили уйму капитала впустую. То, что они с таким старанием строили, вскоре после их смерти рассыпалось как карточный домик. Здания медресе, конечно, оставались на своем месте, но система образования в них служила лишь обогащению одних и потере физического и духовного здоровья других. В одной из книг было написано так: "Хусаиновы радели за нацию, хотели верно служить ей, истратили много денег. Но оказалось, что без всякой пользы. Их деятельность была сродни неуклюжим движениям того самого медведя, который, пытаясь спасти своего друга-человека от назойливых мух, мощным ударом лапы убил его". Джагфар был согласен с автором. Он с горечью размышлял о судьбе народа, которому так и не улыбнулось счастье и у которого что ни возьми — все шло невпопад. Нужные, необходимые нации, как воздух, люди безвременно умерли, а типы, от которых исходил лишь вред, напротив, прожили долгую жизнь. Те, кто верой и правдой служил народу, были объявлены врагами, им не давали ходу, на их подвижническом пути возводились преграды одна выше другой. Дела и поступки, крайне важные для национального благополучия, воспринимались в штыки или, в лучшем случае, ими пренебрегали, в то время как пагубный груз недальновидности, невежества, тупости и косности становился все тяжелее и тяжелее. Мракобесы и

никчемные людишки представляли себя героями, богачи оказывали им всяческую поддержку, бедняки относились к ним с почтением. Во всех делах перевес был на стороне темных сил. Но почему так произошло? Кто виноват в случившемся? Кто?

Стоя перед зданием, Джагфар вообразил, что если бы медресе и вакуфы¹⁴ принадлежали, например, евреям или армянам, то они извлекли бы из этого громадную выгоду.

Между тем он вернулся в номер и принялся за чтение главы из книги по истории Оренбургского края, посвященную характеру и привычкам здешних **булгар**. Согласно автору, они отличались от казанских соплеменников простодушием и открытостью. Да и в чувстве патриотизма оренбуржцы превосходили **булгар**-казанцев. Зато в них гораздо меньше было спесивости и заносчивости. Если бы не ряд отрицательных качеств, присущих оренбургским **булгарам**, таких как излишнее преклонение перед религиозными авторитетами, пассивность в критические моменты, когда необходимо было срочно решать очень важные вопросы (обычно оренбуржцы признавали эту необходимость, но их пугало конкретное дело, конкретная ответственность), а также характерное для **булгар** чревоугодие, то они, несомненно, достигли бы весьма значительных успехов. Из других исторических трудов Джагфар знал и о том, что в Оренбурге было немало деятельных людей, преданных идее национального прогресса, служивших народу по мере сил и способностей, но не получивших поддержки. По мысли автора книги об оренбургских **булгарах**, одной из причин упадка и регресса являлось то, что здесь проблеме, как и во что одеться, придавалось совершенно неадекватное значение. Критерием оценки человека часто был материал, из которого пошит его казакин. Еще одним очень серьезным препятствием на пути прогресса оказалось приниженное положение женщин, которые коего не получали ни образования, ни должного воспитания и постоянно пребывали в затворничестве.

Книга была иллюстрирована рисунками, изображавшими, например, мечеть и минарет Караван-сарая. Джагфар быстро оделся, вышел, кликнул извозчика и поехал осматривать эту достопримечательность города. Минарет по-прежнему был на своем месте и даже как будто выглядел стройнее и

краше, чем на картинке. Ввиду скорого наступления нового века, грозящего полным исчезновением **булгарского** этноса, все предметы и объекты, так или иначе связанные с **булгарским** прошлым, подверглись обновлению и реставрации...

Поэтому и минарет Караван-сарая покрывали новой... краской и готовили флаги для водружения знамен.

В здании мечети теперь располагалась **Булгарская** библиотека. Джагфар без колебаний вошел внутрь. Книг на стеллажах было много, очень много, и он постарался просмотреть их как можно больше. Однако это занятие не принесло ему удовлетворения. Ни одна из книг не принадлежала перу **булгарского** автора, в библиотеке хранились лишь религиозные трактаты. Почему же предки не уделяли мирской, земной жизни хотя бы сотую толику того внимания, которое они посвятили вопросам вечного, потустороннего? Ведь в таком случае их судьба наверняка сложилась бы иначе, подумалось Джагфару. Уже выходя из библиотеки, он наткнулся на раздел художественной и научной литературы. В углу были навалены большой грудой труды оренбургских **булгар**. Он внимательно осмотрел их и горестно вздохнул: этих книг было гораздо меньше, нежели предыдущих, подробно объяснявших каждый аспект исполнения религиозных обрядов. Ему стало совершенно очевидно, что **булгары** до смешного мало занимались делами этого мира, постоянно грезя о загробном, и, в конце концов, отправились туда все до единого.

...Джагфар уже не имел ни малейшего желания посещать другие бывшие медресе и мечети. Его обуял страх — страх потерять контроль над собой, своим душевным состоянием. И все-таки перед отъездом из Оренбурга он сделал то, что считал своим долгом по отношению к старику Худжа Саиду, умершему в больнице. По его просьбе резчик выгравировал на надгробном камне надпись: "Последнему оренбургскому **булгару** от Джагфара. Последнее надгробие на **булгарской** земле, последняя слеза на **булгарском** погосте". Памятник он установил сам, не прибегая к чьей-либо помощи...

* Сила, которая позволяет гипнотизеру управлять волей другого человека. Гипнотизм был известен индийским язычникам еще в давние времена, в Европе же его открыли лишь в прошедшем веке (примечание Г. Исхаки).

⁹ Ичиги — *булг.*, традиционные болгарские сапоги из мягкой выделанной кожи.

¹⁰ Болгарские буквы — здесь: арабские буквы, которыми пользовались болгары до конца 20-х гг. XX в., когда был осуществлен переход на латиницу, а позже в конце 30-х гг. — на кириллицу.

¹¹ "Кафия", "Шарх-и-мулла", "Исагуджи"... — названия книг по языку, формальной логике и т.д., изучавшихся в схоластических медресе.

¹² Джагатайский язык — древнеузбекский язык.

¹³ Хусаиновы — оренбургские купцы братья Хусаиновы: Ахмед (1837 — 1906), Махмуд (1839 — 1912), Гани (1840 — 1902). Крупнейшие болгарские благотворители и меценаты. Начиная с 1870-х годов и вплоть до Октябрьской революции 1917 года финансировали строительство и функционирование около шестидесяти медресе и медресе.

¹⁴ Вакуфы — см. вакфы.

Стали подавать на стол. Все блюда были **болгарские**. Сначала собравшиеся отведали салму, затем узнали, что такое куллама, далее последовал бялеш и другие национальные кушанья. За едой публика непринужденно обсуждала то прелесть **болгарской** музыки, то особенности национальной кухни. Все восхищались **болгарскими** рецептами. Председатель, когда дело дошло до кулламы, объяснил, что ее нужно руками, иначе это будет не по-**болгарски**, и предложил собравшимся сначала сполоснуть руки, как это принято у **болгар**. Тут же появились официанты с кумганами⁵.

Участники обеда не стали возражать и последовали призыву председателя. Однако есть кулламу руками было непросто. Кто-то чуть не обожег пальцы, у многих на одежде появились пятна, ну а руки вообще были все в жиру. Но, в конце концов, справились и с этим блюдом, а затем с помощью подоспевших официантов вымыли руки. Были поданы следующие кушанья. Когда обед близился к завершению, выступил преподаватель Петербургской музыкальной академии, с которым Джагфара познакомили заранее. "Господа, — начал он, — вам хорошо известно, что святая цель деятельности нашего общества — сохранить **болгарское** музыкальное наследие, своеобразие и естественную красоту **болгарской** музыки. Чрезвычайно радуясь тому обстоятельству, что именно нам выпала честь служения на этом поприще, мы молим Господа нашего, чтобы Он дал нам силы продолжить священную миссию, возложенную на нас. Необходимость нашей работы очевидна, как очевидны самоценность и величие **болгарской** музыки. И все же, учитывая, что мы переживаем сейчас знаменательные, поистине исторические дни, и особенно в связи с тем, что нас любезно

почтил своим присутствием господин Джагфар, я хотел бы сказать несколько слов о **булгарской** музыке, чтобы выразить мое мнение членов общества. Я попросил бы господина Джагфара поправить меня, если мои оценки покажутся ему неверными или недостаточно глубокими. Ведь никто так хорошо не знает и не понимает национальную музыку, как сам представитель народа, создавшего ее. Прежде всего я отметил бы то, что **булгарская** музыка сильно отличается от европейской. Если **булгарская** мелодика открывает нам душу человека и выражает его эмоциональную суть, то европейские мелодии отражают другую сторону человеческих переживаний. Таким образом, две разные по происхождению музыкальные культуры гармонично дополняют друг друга. Я бы не смог ответить на вопрос — какая из них лучше? Обе хороши, обе прекрасны. В то же время считаю нужным подчеркнуть вот что: прогресс музыкального искусства европейских народов, его развитие стали возможными благодаря **булгарской** музыке. Когда мы смогли по настоящему оценить ее и должным образом воспринять некоторые ее особенности, наша музыка стала гораздо совершеннее и получила законченную форму. Раньше о **булгарской** музыке XIX–XX веков принято было говорить, что она слишком заунывна и печальна. По этой причине тогда ей не придавалось большого значения. Сегодня же те качества, которые преподносились как отрицательные, считаются, наоборот, достойными высшей похвалы. Мотивы грусти, печали и тоски, так характеризующие **булгарскую** музыку, открывают перед ее слушателями горизонты будущего и в то же время уносят в эмоциональное пространство давно прошедшего. Слушая эту музыку, мы словно встречаемся с нашими друзьями, жившими на этой земле двадцать лет назад, общаемся с ними, плачем и смеемся. Перед нами приподнимается некий занавес, и мы пытаемся узнать, какое будущее — счастливое или ужасное — нас ожидает. Так называемое однообразие этой музыки на самом деле придает нашим мыслям логичность, упорядоченность. Тех, кто пытался представить меланхолизм и "монотонность" **булгарской** музыки недостатками, я бы уподобил людям, которые, услышав пение соловья, не смогли оценить его и отдали предпочтение петушину крику. Впрочем, это не вина их, а беда,

ибо они, к сожалению, лишены способности понять и верно охарактеризовать музыку.

Еще одна и, по моему мнению, самая превосходная черта **булгарской** музыки состоит в том, что она проникает в глубину души, в ее сокровенные, потаенные уголки, другими словами, берет за живое. Для передачи этого чувства слова бессильны. Я полагаю, что все вы понимаете, о чем идет речь. Именно эта особенность **булгарской** музыки делает ее бессмертной. Она, а вместе с ней и имена **булгар**, творивших ее, будут жить в памяти человечества до скончания веков! Я уверен в этом".[...]Оратору аплодировали и кричали "браво". Академик был вынужден несколько раз привстать, чтобы поблагодарить публику за внимание.

Что касается Джагфара, то если первая часть выступления ему очень понравилась, то последние сентенции музыковеда привели его в некоторое замешательство. Они задели его. Он понял, что необходимо выступить и либо подтвердить слова академика, либо в чем-то опровергнуть их.

Когда аплодисменты стихли, слово взял почетный гость. В зале наступила тишина. Джагфар, которому стоило немалых усилий хотя бы внешне казаться спокойным, начал с того, что выразил благодарность обществу за вклад, который оно внесло в дело сохранения и поддержки музыки, дело, оказавшееся не по силам создателям этой музыки. Затем он продолжил: "Господа! Ваша работа заслуживает самой высокой оценки или, лучше сказать, она бесценна. Я не сомневаюсь, что духи наших композиторов и музыкантов, духи наших предков всегда с вами и помогают вам. Вы способствуете не только тому, что оберегаете нашу музыку от забвения, вы тем самым спасаете и имя нашей нации, так и не сумевшей обезопасить себя от вырождения. Пройдут тысячелетия, а миллионы людей по-прежнему будут благодарны вашему подвигу на этом святом поприще, они всегда смогут воспользоваться тем, что вы оставите им. Таким образом, и ваши имена навсегда останутся в истории. Возможно, мои суждения о **булгарской** музыке кое-кому покажутся преувеличением. Однако вы должны понять, что для меня все **булгарское** кажется самым лучшим на свете. Я не хочу говорить о музыке как таковой, ибо, не будучи специалистом, не рискую вторгаться в эту область. Замечу лишь одно: все

сказанное о **булгарской** музыке оратором, выступавшим до меня, глубоко верно, и я благодарен ему за такую оценку, которую вряд ли могли дать сами носители этой музыкальной культуры. И еще одно замечание. Присутствующий в **булгарской** музыке мотив печали и тоски и кажущееся из-за этого однообразие связаны с характером **булгарского** народа, народа, несомненно, предчувствовавшего будущую катастрофу.

Некоторая монотонность нашей музыки, как я думаю, может быть объяснена однообразным течением **булгарской** жизни, когда дни тянулись бесконечной чередой и практически не отличались один от другого. Впрочем, я не настаиваю на своем предположении. Оно может оказаться и недостаточным для объяснения данного феномена. Еще раз повторяю: анализ собственно музыки, **булгарских** музыкальных идей и традиций — это дело специалистов и только их. И я очень рад, что оно в ваших руках. Дай вам Бог продолжать с таким же усердием и искренностью. Пусть не исчезнет в веках имя народа, которого уже нет! Мы ушли, но наследие наше осталось. Я как последний представитель **булгарского** народа передаю в вашу полную компетенцию миссию, которую мой народ в силу исторических обстоятельств не смог выполнить. Я считаю себя вправе завещать ее вам от имени предков. Пусть и другие народы пользуются нашим музыкальным наследием. В таком случае всегда есть надежда, что оно будет жить в веках". Джагфар хотел сказать еще что-то, как ему казалось, очень важное, но эмоциональное перенапряжение оказалось сильнее, и он вынужден был прекратить выступление.

Джагфару долго аплодировали, подносили букеты цветов — но почему-то он вовсе не был рад этому. Напротив, он чувствовал странное разочарование и опустошенность.

Затем последовали выступления музыкантов. Прозвучала народная песня "Сакмар", несколько арий из оперы "Судьба", исполненных русскими певцами на **булгарском** языке. Мелодическую канву они выдержали очень строго, но вот произношение оставляло желать лучшего. Однако и в таком исполнении родная музыка растрогала Джагфара. После некоторой паузы публике показали фрагмент киноверсии **булгарской** оперы "Талныш" (кинематограф в XX веке достиг высочайшей степени развития во всех своих

аспектах). Роль Талныш исполняла очень популярная в свое время певица Лалэ, известная среди русских как Лилия. Ее чудесный голос и актерское мастерство были потрясающими...

Джагфар, погрузившись в тяжелое раздумье о постепенном исчезновении народа, был совершенно подавлен и угнетен. Затем актеры сыграли одно действие из **булгарской** драмы "Нищенка". Декорации и костюмы очень точно воспроизводили атмосферу **булгарской** жизни и произвели на Джагфара сильное впечатление. Он смотрел на музыкальные инструменты, только что издававшие дивные звуки, как умирающий смотрит в последние минуты жизни на любимую жену и детей. Он порывался что-то сказать музыкантам, что-то спросить у них, но не мог уяснить для себя точно, что именно.

Было уже около восьми вечера, а на десять часов планировалось торжество по случаю встречи нового века. В завершение званого обеда Джагфара провозгласили почетным членом Общества и вручили в качестве памятного подарка музыкальный ящик с записанными **булгарскими** мелодиями. Он тепло попрощался с присутствующими, еще раз выразил им сердечную благодарность и удалился. Дома, все еще находясь под впечатлением увиденного и услышанного, он попросил прислугу принести самовар. Хотя Джагфар и не был большим любителем чая, но, конечно, хорошо знал о том, что **булгары** очень любили подолгу чаевничать (в некоторых прочитанных им романах упоминалось о людях, которые практически всю жизнь только и делали, что пили чай в невероятных количествах). Поэтому ему и подумалось, что "чайная церемония" с самоваром, весело свистящим и пускающим пар, улучшит настроение. Они и дома с Сююмбике часто "гоняли чай", спокойно, расслабленно, согласно старому доброму **булгарскому** обычаю. Сейчас у Джагфара не было аппетита, но чтобы все сделать по правилам, он по пути купил в кондитерской **булгарский** чак-чак, который, надо сказать, в XXI веке очень любили и русские.

*Джагфар был в **булгарском** национальном костюме, и поэтому комната, в которой он теперь жил, напоминала комнату **булгарского** депутата Думы XIX–XX столетий, приехавшего в Петербург якобы во имя*

"веры", но подавшего царю прошение совсем по иному поводу и перед отъездом вознаградившего швейцара чаевыми. Джагфар мысленно представил себе такого депутата и старался соблюсти все формальные признаки сходства.

К тому же он хотел, чтобы возможные посетители, войдя в его временное жилище, почувствовали себя вполне в болгарской обстановке. Если бы здесь была Сююмбике, комната вообще стала бы образчиком болгарского быта. На эту тему Джагфар говорил с женой еще до отъезда из Казани, и ее отсутствие, конечно, сказывалось.

...Джагфар пил чай долго, размеренно, пытаясь больше думать о прошлом и избегая его сравнений с настоящим. Но при всем старании он не мог заглушить беспокойство и тревогу, что царили в душе.

Подходило время торжественного вечера. Одеваясь, Джагфар думал о Сююмбике. Ему представилось, что именно сейчас она мучается родовыми схватками, и может даже умереть. Заныло сердце, подспудный страх охватил его. Джагфар достал альбом и долго смотрел на фото жены. Показалось, что и на снимке она выглядит грустной и больной. Потом вдруг ему почудилось другое. Сююмбике словно говорила: "Не смотри на меня, поторопись, беги, а то не успеешь на праздник гибели нашей!". Чем дольше он смотрел на фото, тем его фантазия более разыгрывалась. Наконец, Джагфар понял абсурдность и никчемность своего занятия, резко встал с дивана и вышел...

⁵ Кумган — обычно металлический узкогорлый кувшин с носиком, крышкой и ручкой.

В богато убранном зале почетного гостя ожидало множество людей, наперебой старавшихся поздороваться с ним за руку. Ученые мужи благодарили за честь, дамы спешили поделиться с Джагфаром впечатлениями от его произведений. Немало гостей, удостоенных чести хотя бы краткой беседы с Джагфаром, потом запишут в своих дневниках примерно следующее: "В последние часы 2100-го года, в преддверии нового столетия судьба осчастливила меня тем, что подарила мне возможность участвовать в этом уникальном собрании и перекинуться парой фраз с

господином Джагфаром, одним из наиболее выдающихся и знаменитых болгарских интеллектуалов".

Однако в какой степени публика испытывала радость от встречи с гостем из Казани, в такой же степени Джагфар воспринимал все происходящее с чувством тяжести на сердце.

В одной из смежных с залом комнат организаторы разместили выставку произведений болгарской живописи. Как ни пытался Джагфар избежать встречи с картинами, которые наверняка расстроили бы его еще сильнее, он все же был вынужден удовлетворить просьбу некоего историка, которого интересовал вопрос о платке как предмете одежды болгарских женщин. Они вместе прошли в комнату и остановились против большого полотна, изображавшего старую болгарку с головой, повязанной национальным платком. Ответив на вопрос ученого, Джагфар хотел было быстро покинуть выставку, но что-то заставило его остаться. Этим чем-то были сюжеты картин, развешанных по стенам, сюжеты из болгарской жизни прошлых веков. Во-первых, здесь было очень много портретов знаменитых болгарских деятелей XIX–XXI веков — литераторов, писателей, ученых, поэтов, драматургов, философов, музыкантов, общественных деятелей. Кроме того, экспонировались работы национальных мастеров кисти, посвященные самым разнообразным сторонам жизни. Одна из картин изображала жену муллы с длинным прутом в руках, обучающую грамоте детей, другая — болгарских девушек, украдкой подглядывающих из-за ширмы за парнями, на третьей можно было видеть деревенских ребятишек, водивших хоровод[...]; вообще было очень много разных картин. У каждой из них Джагфар задерживался на несколько минут. Он увидел немало полотен совершенно незнакомых ему, например, живописную работу под названием "Размышления болгарина", относящуюся к XX столетию. Вся композиция картины, центром которой была фигура юноши, сидевшего на берегу реки в глубокой задумчивости, очень понравилась Джагфару. Он вообразил себя на месте молодого человека и попытался представить, о чем же он мог думать. Последняя картина, увиденная Джагфаром, представляла из себя сложную многофигурную композицию, созданную в XX веке: на земле лежал весь в крови человек, судя по одежде — болгарский интеллигент, может быть, писатель, над ним занес ногу для удара разъяренный мещанин, а стоявший рядом мужчина рвал на мелкие части

листы исписанной бумаги, явно только что вынутые из кармана несчастного. Еще один, в чапане, с остервенелым выражением лица, указывал пальцем на лежащего. Наконец, на заднем плане была видна целая группа людей с метлами и палками, спешивших принять участие в избиении. Рассматривая картину, Джагфар покраснел до корней волос. В душе он уже готов был обвинить художника за жесткий натурализм. Однако все изображенное было жуткой правдой, и, признав это, Джагфар совершенно смешался. "Неужели наш народ был способен на такое?" — подумал он. Не дожидаясь, пока русские станут расспрашивать его о сюжете, он отошел к другому полотну. Вокруг посетители оживленно обменивались впечатлениями, говорили о необходимости сделать копии вывешенных произведений, рассуждали о судьбе выдающихся **булгарских** деятелей, изображенных на портретах.

Джагфар проследовал в следующую большую комнату, в которой экспонировались предметы **булгарского** быта с очень ранних времен: монеты, одежда, украшения, домашняя утварь, посуда. Привлекала внимание сабля, подаренная правителем Египта хану Узбеку⁶. Здесь Джагфару также довелось услышать немало суждений русских посетителей об экспозиции.

Прозвучал звонок, и дежурные напомнили, что время собираться в большом зале. Джагфара усадили по правую руку от председателя. Оркестр приготовился к исполнению торжественной музыки, гости спешили занять свои места. Вскоре раздался еще один звонок, и было объявлено, что до наступления XXII века остается пять минут. В зале воцарилась атмосфера радостного ожидания. Но вот грянул оркестр, и полились прекрасные звуки **булгарской** композиции "Конец надежды", сочинения XXI века. Проникновенность и щемящая грусть музыки были настолько глубоки, что заставили бы призадуматься и самого легкомысленного из людей. Многие присутствовавшие прослезились, тронутые до глубины души болью чужой трагедии, столь мастерски переданной композитором. Странно, но на Джагфара музыка не произвела такого действия. Он впал в какое-то оцепенение, почти апатию.

Прозвучали последние аккорды, и зал разразился громким "ура". "Да здравствует новый век!" — кричали гости. Оркестр заиграл снова, на этот раз русскую мелодию "Вперед". Это была жизнерадостная, мажорная композиция, воспевающая радость бытия. И вновь прозвучали многоголосое

"ура" и здравицы в честь наступления XXII века. Радостные восклицания доносились и с улицы.

Весь зал был залит светом сотен электрических лампочек. Люди обнимались и поздравляли друг друга. То же сделал и председатель, подойдя к Джагфару. "Да будет славен новый век!" — сказал он, на что казанский гость тихо ответил: "Он будет славен и благословен для вас, а у нас не осталось даже надежды". Слезы катились по его щекам.

Выждав некоторое время, председатель взошел на приготовленную трибуну, кратко поздравил всех со знаменательной датой и пожелал всему человечеству счастья и благополучия. Всех пригласили за превосходно сервированный стол. В этот момент оркестр начал исполнять **булгарскую** мелодию "На вершине дерева". Последовали возгласы "браво" и аплодисменты, приглашенные расселись по местам и началось пиршество. Люди за столами говорили обо всем понемногу и, конечно же, о **булгарских** национальных блюдах (благо, их подавали). Одни восхищались ими, другие жаловались на обилие масла и жира в кушаньях. Некоторые утверждали, что именно излишнее потребление жира и привело **булгар** к духовному упадку, сделало их более грубыми в быту, не говоря уже о том, что муллы, в жизни которых званые обеды шли почти сплошной вереницей, почти деградировали в силу этой же причины.

Но вот все подняли бокалы; восторженные, радостные крики захлестнули весь зал. Председатель встал и начал свою речь. "Господа, — торжественно произнес он. — Сегодня мы являемся счастливыми свидетелями наступления нового времени. Событие, в связи с которым мы здесь собрались, затмевает собой все, что произошло в предыдущие годы. Я полагаю, нет надобности объяснять, какую роль в истории человечества сыграл XXI век. Научные открытия и технологические изобретения прошедшего столетия по своему значению несопоставимы с таковыми в XIX–XX веках. Даже для нас технологический процесс уходящего столетия стал подлинным откровением. Все, что нас окружает, — это результат успехов в разных областях, достигнутых именно в XXI столетии или, по меньшей мере, итог усовершенствования изобретений, сделанных в предыдущем веке. Болезни, казавшиеся неизлечимыми, бактерии и вирусы,

считавшиеся непобедимыми, идеи, появление и распространение которых в XX веке было невозможно, — все это нашло свое место в веке прошедшем.

Изменения, произошедшие в мире, без сомнения, не могли обойти и нас, русских. Мы доказали всем, что "обломовщина" вовсе не обязательное качество русского народа. Успехи русских в различных сферах жизнедеятельности поразили и восхитили многих. Имена русских ученых стали широко известны. Немало заслуг мы имеем и в области социальных наук.

А теперь я перейду к печальному. К большому сожалению, в то время как темпы развития у всех народов становились быстрее и быстрее, у наших соседей, а точнее, у наших бывших учителей — **булгар** дела шли все хуже, изменения в их жизни имели только отрицательный характер. По сути, этот народ после беспримерно блестящего прошлого, полного великих деяний, просто перестал существовать, сгорел, подобно свече. В XII–XIII веках **булгары** стояли на гораздо более высокой ступени развития, чем русские, а позже, вобрав в себя татарские элементы, пришедшие из Азии, стали нашими правителями. Но по ходу истории у нас крепло единство, а их все более и более ослабляла междоусобная борьба. Наше сопротивление возрастало и крепло и, в конце концов, противоборство между двумя народами завершилось победой русских в XVI веке. С этого времени уже **булгары** подпали под нашу власть и были нашими подданными в течение пяти с половиной веков. Нужно сказать, что, будучи по природе своей весьма терпеливыми и спокойными, **булгары** довольно быстро приспособились к жизни в новых условиях, условиях справедливого владычества русских царей, и никогда не помышляли о возврате былой независимости.

Булгары относились к тюркской этнической семье, а их язык, соответственно, входил в тюркскую группу. Они приняли ислам еще в IX или, может быть даже в VIII веке, и, естественно, это обстоятельство, т. е. различие наших религий, не могло не давать знать о себе. Однако, видимо в силу того, что оба наших народа соблюдали известный такт, а возможно, и потому, что сама жизнь требовала этого, религиозные противоречия мало затронули обычную жизнь людей. В то же время я

считаю, что эти противоречия все же сослужили **булгарам** недобрую службу. Например, именно по этой причине **булгары** до самых последних лет боялись отдавать своих детей в русские школы, и, таким образом, число **булгарских** учащихся в них, было очень незначительным.

Развитие **булгарского** общества не соответствовало требованиям времени, и реформирование национальной системы образования имело для них критическое значение, практически было вопросом жизни и смерти. Если бы они восприняли нашу систему просвещения, проблема решилась бы быстро. Однако они не доверяли нам. В таких условиях оставалось два пути, по которым они могли бы пойти: либо реформировать свои школы, либо в массовом порядке поступать в наши. Они не сделали ни того, ни другого. Результат был очевиден: здание, изо дня в день терявшее устойчивость, в один прекрасный день просто развалилось. Сегодня во всей России не осталось ни одного **булгара**, кроме господина Джагфара и его жены Сююмбике. Хотя народ и исчез, он оставил в наследство миру богатую материальную и духовную культуру. Самыми значительными памятниками материальной культуры являются бесчисленные здания мектебов, медресе и мечетей в селах и городах. **Булгары** были очень талантливы и сметливы, смелы и легки на подъем. Они отличались глубокой любовью к природе, изящным искусствам. Они очень высоко ставили нравственные законы и жили по ним. Это был очень дружелюбный, чрезвычайно гостеприимный — да-да, как будто специально созданный для проявления гостеприимства в его самых лучших чертах народ. Его достоинства можно перечислять долго. Обладая природной склонностью и необходимыми способностями к торговле, **булгары** на протяжении очень долгого времени были лучшими в этой сфере человеческой деятельности и на равных соперничали с евреями. Однако, к несчастью, для них также было характерно и некоторые легкомыслие, или, как бы сказать по-другому... поверхностное, недостаточно серьезное отношение к жизни. Это послужило основной причиной того, что они стали постепенно терять свои позиции. С конца XIX века бедность и нужда стали их постоянными спутниками, что, в конце концов, и привело **булгар** к исчезновению. В последний период можно было наблюдать, как устои их морали медленно, но верно расшатывались. Хотя

они и казались приверженными своей религии и не переставали утверждать, что защищают ислам, а деле среди них оказалось очень мало тех, кто понимал истинную сущность веры. Осталась лишь форма: ежедневные пятикратные молитвы, омовение и т. д., но содержательная часть подверглась сильной коррозии. Богословы-улемы занимались вопросами морали в связи с религией выборочно, многие проблемы просто были оставлены без внимания. Отсутствие должного воспитания девочек тоже приводило к отрицательным последствиям. Пока сохранялась традиция прятать девушек и женщин от нескромного взгляда чужого мужчины, нравственность пребывала на должном уровне. Но когда эти обычаи были отброшены, **булгарские** женщины явно не смогли справиться с грузом внезапно обрушившейся на них свободы. И чтобы компенсировать упущенное в свое время бабушками, внучки ринулись в лоно свободы, но, как бывает в таких случаях, злоупотребили ею, что и вывело многих на стезю разврата. В конце XIX века, в XX и XXI веках женщины этого народа сыграли отнюдь не последнюю роль в распространении такого порока, как прелюбодеяние [...].

⁶ Узбек — Мухаммед Узбек хан — правитель Орды в 1313-1342гг.

Известно, что по мере просвещения жизнь образованного человека становится все лучше, а неграмотного — все хуже. **Булгары** с лихвой испытали на себе все беды, связанные с неразвитостью у них образовательной системы. Не получая необходимых знаний, они дошли до того, что стали пригодны лишь для выполнения самой черной и грязной работы. К тому же и численность их неуклонно уменьшалась — отчасти в силу беспросветной нужды, отчасти из-за эпидемии страшной болезни, посланной им Всевышним. Впрочем, болезнь можно было бы победить, но невежество не позволило им сделать и этого. Таким образом, можно сказать, что они сами подготовили свою гибель.

Необходимо также добавить, что **булгары** были способны и умели делать очень многое, но отсутствие таких важных качеств, как настойчивость

и упорство, всегда мешало им доводить начатое дело до конца. Не удивительно, что в их истории слово зачастую было важнее дела. Они слишком увлекались пространными рассуждениями и подготовкой планов, но не создавали необходимых предпосылок для воплощения их в жизнь.

Еще одна характерная черта: **булгары** были весьма и весьма самодовольны. Каждый считал себя всезнающим и считал за унижение прислушиваться к чьим-то советам и уж тем более следовать им. Потому-то и история этого народа очень отличается от прошлого других наций. Например, в дискуссиях на научные и просветительские темы у них принимали участие лавочники, кожевенники и т. д. А в решение сугубо религиозных проблем находили для себя возможным вмешиваться даже простые рабочие. Более того, совершенно неграмотные люди заведовали образовательными учреждениями. Полная некомпетентность людей при должности поражала. О каком прогрессе при таком положении вещей могла идти речь? В то же время я хотел бы сказать, что **булгары** создали и развили изумительную музыкальную культуру, есть у них очень много хороших образцов и художественной литературы. Я не могу ответить с определенностью, какой же все-таки вклад внес этот народ в сокровищницу мировой цивилизации. По большому счету, если не считать за заслугу тот факт, что благодаря своему миролюбию они никогда не были инициаторами волнений и бунтов, **булгары** мало чего создали. Я имею в виду технику, промышленность, науки, в том числе общественные. Другими словами, если имя этого народа и останется в истории, то лишь благодаря его музыке.

А русский народ вправе считать себя счастливым уже тем, что избежал такой судьбы, ведь опасность была весьма и весьма вероятна. Слава Богу, теперь все страхи остались позади. Мы можем с уверенностью утверждать, что русских ждет счастливое будущее!"

Этими словами директор закончил свое выступление. Крики "ура!" гулким эхом прокатились по залу. Участники торжества смотрели на Джагфара, ожидая его ответного слова. Речь председателя одновременно взволновала и расстроила его. Он подумал, что для гостей званого ужина не так важно, что он скажет, им просто любопытно послушать последнего **булгара**, подобно тому, как слушают последнее слово идущего на

казнь. Он почувствовал неловкость, странное неудобство. Ранее в своих произведениях Джагфар был объективен в вопросе истории своего народа и старался показывать равным образом как его достоинства, так и слабые стороны. Но сейчас, именно сейчас он отчетливо сознавал, что в последнем публичном выступлении необходимо по возможности обойти стороной все отрицательное и сосредоточиться на позитивном. Однако причины, приведшие **булгар** к вырождению, были очевидны, и вряд ли он мог бы как историк не сказать и о них. Но дальше уже нельзя было держать паузу, и Джагфар начал: "Дамы и господа! Благодарю Вас за приглашение на столь знаменательное торжество. Благодаря вашей любезности я как последний **булгар** имею возможность выступить и сказать несколько слов о моем погибшем народе. То, что вы услышите, — это голос последнего представителя нации, в течение сотен и сотен лет потрясавшей мир своим величием, голос человека, который, как и его народ, не смог приспособиться к постоянно изменявшимся условиям жизни. Я не намерен говорить о том периоде, когда **булгары** вышли на авансцену истории как народ-повелитель. Всех, кто интересуется этим, я отсылаю к тысячам томов исторических исследований. Я также не буду вдаваться в проблему происхождения народа, ибо суть ее подробно изложена в книгах по этнической истории. Полагаю, излишне было бы доказывать, что исчезнувший в прошедшем веке народ — именно **булгары**. Эта истина была признана еще в конце XIX века. Несмотря на то, что российские мусульмане когда-то вступили в межэтнический контакт с татарами и заимствовали у них многие обычаи, а межэтнические браки привели к определенным изменениям в антропологии и менталитете, **булгары**, без сомнения, остались **булгарами**, а татары растворились среди них. Если ранее название "татары" и было распространено на российских мусульман, то в дальнейшем, как я уже говорил, татарский элемент **обулгарился**. Поэтому я говорю о моем народе как о **булгарах**.

По природе своей **булгары** были терпеливы, спокойны, выносливы, обладали умом, смекалкой, способностью усваивать любые знания, склонностью ко всему хорошему и доброму. Им были присущи такие качества, как гостеприимство, упрямство, доходившее иногда до степени

фанатизма, и миролюбие. Часто они начинали дела, не обсудив их тщательным образом, ну а если уж они подробно планировали будущие действия, у них не оставалось энергии и душевных сил для их практического выполнения. Вообще же говоря, нужно признать, что они были склонны к философски-созерцательному отношению к жизни. Некоторая отстраненность и значительная доля легкомыслия приводила в **булгарской** истории к тому, что нередко большие проблемы возникали на ровном месте, а когда наступало время решения действительно жизненно важных вопросов, у них не было серьезного подхода к делу. Недальновидность, близорукость, отсутствие солидной, всесторонней подготовки — все это мешало **булгарам** с честью выходить из сложных ситуаций, в которых они периодически оказывались. Известная поговорка "утро вечера мудренее" многое объясняет в **булгарском** национальном характере. Хотя в **булгарской** истории были периоды расцвета и благополучия, они отнюдь не были результатом целенаправленной работы. Просто так вышло, так случайно получилось. Но здесь есть очень важный момент: до того, как в состав **булгар** влился татарский компонент, они были другими. Любые действия они предпринимали после тщательного, серьезного изучения возможных близких и отдаленных последствий, оценки ситуации в целом и в частностях. Однако татары, кочевавшие по степям, совершенно не задумываясь о дне грядущем и довольствуясь тем, что у них есть в данный момент, привнесли в **булгарский** менталитет, так сказать, "подарили" **булгарам** свою беспечность. Кроме того, земли, которые населяли **булгары**, были обширны, почвы плодородны, а соседние народы находились на более низкой ступени развития. Отношения между **булгарской** и другими передовыми культурами носили эпизодический характер. Все эти факторы имели следствием то, что **булгары** приобрели такие черты, как самодовольство и самоуспокоенность. Действительно, жизнь не требовала от них каких-то сверхусилий, напряженной работы мысли, вынашивания грандиозных планов. Проходили столетия, а отрицательные стороны национальной психологии лишь усугублялись, привычка стала второй натурой. Косность улемов, а также то обстоятельство, что **булгары** вели торговлю с отсталыми сартам⁷ и казахами, способствовали консервации существовавшего положения. **Булгары** возгордились, стали считать себя нацией, равной которой нет, совершенной и безукоризненной во всех отношениях. Очень развитое воображение позволяло им строить в

мыслях самые фантастические прожекты и планы, но на дело при этом времени уже не оставалось. И еще об одной характерной черте. Каким-то непостижимым образом **булгары** были привязаны к слову как таковому, иначе говоря, к бесконечным словесным упражнениям. Конечно, это относится и к другим восточным народам, но все же не в такой мере, как к **булгарскому**. В медресе мугаллимы⁸ и шакирды отдавали предпочтение форме в ущерб содержанию, увлекались устными баталиями, не вникая в суть изучаемых предметов. Вот почему обилие мектебов и медресе, высокая грамотность населения и другие сами по себе позитивные факторы развитию научной мысли вовсе не способствовали. Шакирды погрязли в спорах о том, какому слову нужно отдать предпочтение перед остальными, и в дискуссиях о порядке слов в предложении. Формальный подход господствовал даже в изучении Корана, этой ниспосланной Богом книги, полной глубоко философских по своей сути утверждений и заключений. Постигание высоких истин, изложенных в Коране, заменялось старанием правильно, по нормам таджвида, читать аяты. Так или иначе, главными причинами общественного застоя явились необыкновенная привязанность к форме во вред содержанию и роль соседних народов. А между тем **булгары** имели самые разнообразные природные способности, практическую сметку и большой интеллектуальный потенциал. Однако его использованию на практике мешал целый ряд причин, в числе которых я хотел бы назвать три самых, на мой взгляд, важных. Во-первых, у **булгар** не было лидера. Во-вторых, они были приверженцами другой религии, нежели русские. Наконец, в-третьих, некоторые недалёковидные и косные священники решили обратить **булгар** в православие и этим самым вызвали у российских мусульман чувство глубокого недоверия к русским вообще. Это, в свою очередь, привело к тому, что **булгары** так и не смогли приобщиться к мировой культуре через посредничество русских. В истории моего народа мысль о сопротивлении, основанном на различии религий, была порождена необходимостью противостоять священникам, но в дальнейшем она превратилась в идеологию, которой неграмотный народ злоупотреблял по любому поводу. Таким образом, в отстранении **булгар** от культурных достижений остального мира, и следовательно, в постепенном их вырождении как народа, наполовину повинны русские священнослужители. **Булгары** никогда не испытывали страха перед

русскими, однако против христианизации были настроены чрезвычайно решительно. Что касается распространения в последние столетия в **булгарской** среде несвойственных ей ранее пороков прелюбодеяния и пьянства, то это вовсе не проистекало из природной предрасположенности к разврату и алкоголизму. Главными причинами этих бед были ущербное воспитание, тоска, отсутствие мест для развлечений, где можно было бы отдыхать душой и телом, не преступая при этом нравственные нормы, и, наконец, праздность. Спиртные напитки употребляли, чтобы забыться, освободиться на время от тягот, забот и тревог повседневной жизни. Но чем дальше в лес — тем больше дров. Пьянство вскоре стало неотъемлемой частью быта.

Как и выступавший передо мной уважаемый оратор, я испытываю затруднение в попытке ответить на вопрос: "Что же внесли **булгары** в мировую культуру?". Дело в том, что для этого необходимо тщательно изучить все культурное наследие народа, а говорить о нем в общих чертах бессмысленно. В любом случае, думаю, что в таких областях, как музыкальное и литературное творчество, **булгары** создали немало того, что будет иметь значение и в будущем. С другой стороны, я должен признать, что они не обогатили мировую культуру научными и техническими достижениями. Однако повторяю, что любой непредубежденный человек сознает то значение, которое имеет **булгарское** художественное наследие.

Некоторые утверждают, что основным препятствием на пути прогресса **булгар** стала исламская религия, и до известной степени я согласен с ними. Но здесь нужно уточнить, о каком исламе идет речь. Вряд ли у кого есть сомнения, что ислам, проповедовавшийся пророком Мухаммедом (да приветствует его Бог!) ни в коем случае не был преградой развитию и прогрессу. Но возникает вопрос: приняли ли **булгары** этот ислам полностью, до конца, постигли ли они его философскую суть? По-моему, нет. Под мусульманской оболочкой скрывалось обыкновенное язычество!

Так вот, те, кто утверждает, что религия была серьезнейшей помехой на пути движения вперед, забывают о разнице между исламом пророка и внешней исламской формой, за которой прятался языческий менталитет **булгар**.

Проблема, о которой я говорю, приобрела большое значение уже в XIX веке, но до сих пор не изучена полностью. Религия (или вариант религии) у **булгар** действительно препятствовала прогрессу. Под лозунгом ее сохранения они не отдавали своих детей в русские школы, отказывались изучать русский язык, вообще боялись сближения с русскими. И все это делалось во имя защиты языческих по сути верований, укоренившихся здесь после того, как в состав **булгарского** народа вошел татарский этнический компонент. Как я уже говорил, снаружи это выглядело как традиционный ислам.

⁷ Сарты — название мусульманского населения на территории современного Узбекистана до 1920-х гг.

⁸ Мугаллим — *араб.*, преподаватель, учитель.

И все же я хотел бы сказать, что **булгары** были хорошим народом, достойным лучшей участи. Однако, злой рок преследовал их. Одна напасть сменялась другой. Я задаюсь вопросом: почему люди, осознавшие необходимость национального прогресса и пытавшиеся действовать сообразно этому пониманию, так безвременно уходили из жизни? Причем многие из таких подвижников просто стали нищими и так и не смогли довести начатое ими святое дело до конца. В чем причина ранней смерти поэтов или богатых людей, стремившихся поддерживать материально смелые начинания патриотов? А в силу каких обстоятельств среди **булгар** так распространился "ишанизм" — это уродливое наследие средневекового язычества и мракобесия? В то же время люди, способные на активные действия во имя нации, вынуждены были батрачить ради куска хлеба. Я убежден, что **булгарскому** народу не повезло, птица счастья ускользнула от него. К тому же эта злосчастная болезнь, истребившая сотни тысяч людей... Конечно же, можно говорить о невежестве, неверии в медицину, отсутствии должной гигиены. И это верно, но все-таки главное заключалось в невезении, неулыбчивости фортуны. Так или иначе, но народ исчез. Мы знаем немало примеров из истории, когда так же уходили в небытие целые народы — финикийцы, вавилоняне, ассирийцы... Однако их гибель нельзя механически

сравнивать с вырождением **булгар**, и прежде всего потому, что это вырождение пришлось на эпоху научно-технического прогресса. Гибель целого народа в таких условиях поразила всех и будет удивлять человечество и в будущем.

Булгарские архитектурные сооружения, предметы старины, литературно-философские произведения — все это наследие остается вам, и работа по его сохранению ложится на ваши плечи. Повторю еще раз: исчезнувший с лица земли народ вовсе не был изначально предрасположен к вырождению, он обладал способностью усвоить все достижения современной цивилизации. Обширность территории, на которой жили **булгары**, благополучие и спокойная жизнь в окружении невежественных соседних народов, удаленность от центров мировой культуры — все это сыграло зловещую роль в судьбе нации. И подчеркну снова: чудовищное невезение и злой рок, преследовавшие нацию, окончательно добились ее".

Дойдя до этой заключительной части выступления, Джагфар, прежде старавшийся соблюдать максимальную объективность, неожиданно остановился. От его былой отстраненности не осталось и следа. Ведь тот народ, та нация, судьбу которой он пытался анализировать, был его собственным народом! И именно в этом заключалась главная трагедия. Полное смятение и растерянность перед лицом катастрофы обуяло его душу: "Да, они погибли, исчезли безвозвратно", — сказал он внезапно севшим голосом. После некоторой паузы Джагфар продолжил: "У меня как у последнего **булгара** есть к вам одна личная просьба. Я не сомневаюсь, более того, я уверен: вы сможете сохранить **булгарское** национальное наследие. Но и у меня лично есть много книг, старинных **булгарских** вещей, раритетов, образцов национального костюма, предметов быта. Я имею в виду и предметы, принадлежащие моей жене Сююмбике: ее книги, ее стихи, старинные и современные музыкальные инструменты, вообще все, чем мы с супругой владели совместно. Я очень хочу, чтобы после нашей смерти это перешло в полное распоряжение вашего общества. Если вы удовлетворите мою просьбу, буду крайне признателен и обязан. А сейчас я передаю вам мою последнюю работу". С этими словами Джагфар вручил председателю

книгу, которую тот с благодарностью принял. От имени всех членов Исторического общества он выразил сердечную признательность казанскому гостю и заверил его в том, что обязательно выполнит эту просьбу. Председатель напомнил собравшимся, что еще десять лет назад, учитывая заслуги перед исторической наукой, Джагфар был избран почетным членом общества. Далее он сообщил, что министерство образования удовлетворило просьбу членов общества о присвоении ученому звания профессора. "Ура, господа!" — закончил председатель. Сообщение вызвало восторг публики. "Да здравствует профессор Джагфар! Поздравляем!" — слышалось отовсюду.

Джагфар в нескольких словах выразил свое удовлетворение и поблагодарил за оказанную ему высокую честь.

Единственно, что он попросил сделать, так это заменить слово "профессор" на соответствующее ему **булгарское** "бельгевар".

...Зазвучала **булгарская** мелодия, люди стали вставать из-за столов. Джагфар сразу после окончания официальной части торжества направился домой. Он чувствовал себя ужасно усталым и желал лишь одного — хорошо выспаться. Но сумбур впечатлений, царивший в голове, и нервное возбуждение долго не давали ему заснуть. Только он закрывал глаза, как ему начинали мерещиться **булгарские** писатели, муллы, баи, ханы, нищие... Все они вопрошающе смотрели на него. Потом в полусне перед его взором предстала Сююмбике. Она выглядела больной, беспокойной, плакала. Образы сменяли один другой. Настоящий глубокий сон так и не приходил. Дремотное, болезненное состояние было прервано криками "ура", доносившимися с улицы. Джагфар чувствовал себя разбитым, голова гудела как чугунная. Он с трудом мог соображать. Вошел лакей, подогрел воду для умывания и справился у гостя, принести ли чаю. Джагфар кивнул. Свежий крепкий чай помог ему, наконец, собраться с мыслями. Вскоре лакей вновь появился перед Джагфаром, на этот раз с визитной карточкой на подносе. "Ради Бога, пусть войдет", — сказал Джагфар, и через несколько секунд перед ним появился молодой человек, отрекомендовавшийся представителем Общества любителей литературы. Он объяснил, что посетил господина Джагфара с целью пригласить его на торжественный обед в резиденцию общества, который назначен на час пополудни. Джагфар обещал быть. Едва

юноша ушел, как лакей принес еще три визитки, принадлежавшие дамам. Джагфар согласился принять и их. Войдя в комнату и поздоровавшись, женщины наперебой стали восхищаться вчерашним выступлением гостя из Казани. Потом они заявили, что интересуются проблемой многоженства у **булгар**: "Мы знаем, что было много случаев, когда **булгарские** мужчины имели по три жены. Интересно, как они уживались. А сколько жен у вас, доктор?". Пока Джагфар пытался объяснить дамам суть предмета, лакей принес еще несколько визиток, на сей раз писателей. Между тем женщины попрощались и ушли. А литераторы сразу же завели разговор о психологии **булгар**, их менталитете. Один из писателей утверждал, что **булгары** мыслили чрезвычайно логично, а по словам другого выходило, что хотя **булгары** имели великолепные способности к аналитическому мышлению, все же они были чересчур эмоциональны. Визитеры поинтересовались мнением Джагфара на этот счет. Он согласился в том, что **булгары** действительно были очень сообразительны, разбирались в самых сложных вопросах, касавшихся высокой, тонкой материи. Однако с другой стороны, если каждый получивший минимальное образование **булгарский** мальчик мог весьма толково рассуждать о любой стороне жизни, то взрослый **булгар** зачастую не мог сделать на практике то, что было под силу, скажем, немецкому подростку. Писатели оказались того же мнения и только собрались перейти к другой теме, как лакей сообщил, что в вестибюле ожидают аудиенции несколько актрис императорских театров. Джагфар решил не отказывать никому. С театральными дивами он беседовал о **булгарских** драматургах и их работах. Актрисы говорили, что **булгарские** пьесы написаны очень талантливо и им доставляет истинное удовольствие играть в них. В свою очередь, Джагфар рассказал гостям все, что знал о тех или иных драматургах. Потом женщины стали спрашивать о запрете для **булгарских** женщин появляться с открытым лицом перед чужими мужчинами. Джагфар отвечал, что такой запрет имел место, но на деле он носил скорее формальный, нежели практический характер. "У нас доля соблюдавших этот запрет никогда не превышала пяти процентов, — продолжал он. — В селах женщины работали вместе с мужчинами, вместе садились за обеденный стол, разговаривали, развлекались. Девушки могли

встречаться с юношами, устраивать посиделки. Вообще, требование прятать лицо от посторонних мужчин выполняли обычно жены мулл, подражавшие им женщины из зажиточных семей или девушки, собиравшиеся замуж за муллу. Но постепенно и они перестали следовать этим нормам. По существу это не имело отрицательных последствий. Главная ошибка, допущенная **булгарскими** мужчинами, состояла в том, что они не давали девушкам получить должное образование и воспитание".

Лакей сообщил о новых посетителях. Теперь это были две женщины, одетые по **булгарской** моде XX века. Представившись, они в первую очередь выразили восторг по поводу **булгарской** национальной одежды. Оказалось, что дамы — художницы и интересуются **булгарским** изобразительным и декоративным искусством. Одна из них даже принесла свою картину с изображением невесты, ожидающей жениха. Работа была исполнена с очевидным мастерством, единственный же ее недостаток состоял в том, что художница изобразила девушку в платке, почти закрывавшем ее лицо. Джагфар объяснил, что в домашней обстановке **булгарки** пользовались полной свободой и никогда не скрывали свое лицо [...].

Художниц сменили музыканты, объектом интереса которых, конечно же, была **булгарская** музыка. За ними последовали историки, этнографы, этнологи и т. д. Джагфар не имел ни минуты отдыха почти до часу дня, когда, наконец, смог пойти на званый обед литературного общества. Когда он вошел, в большом зале уже было полно народа.

Распорядитель приветствовал его пожатием руки: "Мы чрезвычайно рады, что удостоились чести принять вас здесь". К Джагфару подошли несколько писателей и литераторов и дали высокую оценку его произведениям, а заодно поругали критиков. Некая поэтесса полюбопытствовала, почему при таких талантах Джагфар не пишет стихов. Тот ответил, что не любит поэзию и, вообще, XXII век не будет располагать к стихосложению, чем явно разочаровал даму.

Джагфару отвели подходящее почетное место во главе стола, и официанты начали подавать блюда. За едой и разговоры шли больше о преимуществах или недостатках различных кушаний. **Булгарская** национальная кухня и здесь не была обойдена вниманием. Правда, на этот

раз говорили по преимуществу о вредных привычках, а один из гостей прямо спросил Джагфара, правда ли, что некоторые **булгары** садились за стол, чтобы отобедать, по десять раз на дню, на что Джагфар ответил, что многие муллы во время курбан-байрама¹ и мевлида² посещали в день до пятнадцати званых обедов, каждый из которых состоял из четырех-пяти блюд. Все крайне удивились этому рассказу. В продолжение темы кто-то из дам спросил: "А верно ли я слышала, что ваши женщины очень любили чаевничать?". Джагфар подтвердил истинность таких слухов и даже назвал имя **булгарского** писателя XX века, в романе которого описывалось время проведение некоторых женщин, состоявшее практически из непрерывных чаепитий и чревоугодничества. Многие записали название романа в блокноты.

Трапеза завершилась, и пожилая дама, взойдя на кафедру, выступила с заранее подготовленной речью. "Этот обед, — начала она, — дан в честь одного из наших братьев по перу, самого талантливой **булгарского** писателя, последнего **булгара** господина Джагфара. Поэтому я хотела бы затронуть тему **булгарской** литературы, ее виднейших председателей. **Булгарское** наследие огромно, и все же наиболее важная его часть — именно литература. Во-первых, она ценна сама по себе как целый комплекс исторических источников, а во-вторых, представляет значение как средоточие **булгарской** философской и художественной мысли. В **булгарских** литературных произведениях отражены картины настоящей, не придуманной жизни. Одновременно они дают нам очень полезные нравственные уроки. Психология **булгар** предполагает откровенность и честность, поэтому их литература так искренна. В ней соблюден принцип психологической правды, правды жизни, столь обязательный для художественного произведения. Вот почему **булгарская** литература займет среди литератур других народов весьма и весьма значительное место. **Булгарские** авторы не легкомысленны, а, напротив, очень серьезны, их творческий стиль не допускает создания поверхностных по содержанию, часто бессмысленных рассказов, что так характерно, например, для французских писателей. С другой стороны они, в отличие от своих турецких коллег, не увлекались сюжетами из жизни других народов. С этим связано и то, что у них очень мало переводной

литературы. **Булгарские** писатели полагали, что переводы зарубежных авторов принесут вред национальному литературному творчеству и будут точно ржа разъедать национальный дух.

Так как новые идеи и мысли **булгарских** писателей формировались в творческих муках и исканиях, а позитивный равно, как и негативный, опыт они накапливали методом проб и ошибок, то в итоге сильными сторонами их творчества оказались самостоятельность в оценках и смелость в суждениях.

Вместе с тем нельзя пройти мимо определенных отрицательных явлений, которые были характерны для **булгарской** литературы. Я имею в виду, прежде всего, тот факт, что заметного прогресса в творчестве писателей не наблюдалось. Книгоиздательское дело развивалось очень успешно, но в среднем лишь одна из сотни выпускавшихся книг была достойна называться художественным произведением. Остальные девяносто девять, попросту говоря, засоряли мозги читателей.

Доля **булгарских** писателей и поэтов была незавидной. Их часто высмеивали, представляли глупцами и даже обвиняли в безверии. Впрочем, тут нужно задаться вопросом: а кто были судьями? Ведь ценность литературных трудов "оценивали" люди, особенно враждебно относившиеся к писателям. Слов благодарности за свой самоотверженный труд литературным подвижникам так и не суждено было услышать. Они влачили нищенское существование и многое не смогли сделать из того, на что были способны. У **булгарской** литературы, **булгарских** писателей и поэтов, в отличие других народов, не оказалось покровителей и заступников. Хоть богатые и тратили деньги на национальные нужды, в основном они давали деньги под строительство школ, для покупки саванов умершим или просто раздавали средства пышущим здоровьем, работоспособным юношам и девушкам. Они понимали, что литература является краеугольным камнем культуры, что нация без литературы подобна телу без души, но тогда тем более странно, что ничего не делалось в поддержку литературного творчества.

Наш сегодняшний почетный гость господин Джагфар — один из **булгарских** писателей, самый выдающийся в их ряду. Мы все читали **булгарские** повести, романы, рассказы и пьесы. Эти произведения

бесценны уже потому, что являются наследием исчезнувшего народа. **Булгарские** писатели на протяжении веков самоотверженно пытались поддержать постепенно угасавший огонь жизни в своих соплеменниках. Они творили во всех жанрах, создавали и глубоко философские работы, и юмористические повести и романы, описывая горестные, поистине трагические события и переживания.

Я хотела бы сердечно поблагодарить господина Джагфара за то, что он откликнулся на нашу просьбу и почтил своим присутствием это высокое собрание, и поздравить его с присвоением звания профессора литературы". Дама закончила и проследовала на свое место.

Джагфар находился под впечатлением от ее выступления. Оно затронуло самые тонкие струны его души. Перед мысленным взором прошел целый ряд **булгарских** авторов, начиная с Габд-аль-Каюма Насыри и Шихабетдина аль-Марджани³. Он думал о трудностях, выпавших на их долю, необыкновенной работоспособности и о потенциале, который так и остался нераскрытым из-за отсутствия надлежащего содействия. И эта последняя мысль была особенно гнетущей и безрадостной. В ответном слове Джагфар был краток. Он благодарил организаторов за внимание, проявленное к его персоне, за то, что они взяли на себя бремя хранения и популяризации **булгарской** литературы, которая всегда являлась зеркалом души народа. "Мы не смогли сберечь нашу литературу, так сберегите ее вы, мы не смогли оценить ее по достоинству, а вы, я надеюсь, сумеете сделать это. Пусть души наших ушедших писателей будут спокойны. У меня не хватает слов, чтобы выразить вам мою благодарность", — сказал он. Далее Джагфар напомнил, что величие **булгарской** литературы было очевидно и два столетия назад, но в силу своей закрытости она не могла предстать тогда во всем блеске. "Еще раз спасибо вам, потому что именно вы открыли нашу литературу, наших авторов остальному миру, сбросили с нее паутину забвения, показали, что ее красота высокохудожественна, а ее правда глубоко нравственна и неодолима. В свое время многие, зачастую скрывая это от других, пытались в силу своих возможностей помочь **булгарской** литературе, но, к несчастью, она так и не обрела точку опоры и не нашла в себе

достаточной смелости заявить о своем праве на достойное место в мировой культуре". С этими словами Джагфар сошел с кафедры.

¹ Курбан-байрам (праздник Жертвоприношения) — *араб.-тюрк.*, один из важнейших мусульманских праздников. В основе праздника лежит библейская и кораническая легенда об Аврааме (Ибрагиме), который должен был по велению Всевышнего принести своего сына в жертву ему, но в последний момент Бог, испытав таким образом силу веры Авраама, послал ему ягненка для жертвоприношения.

² Мевлид — *араб.*, праздник в честь дня рождения пророка Мухаммеда.

³ Шихабетдин аль-Марджани (1818 — 1889) — выдающийся болгарский ученый-богослов, историк, просветитель.

Потом выступили еще несколько русских писателей; были зачитаны отрывки из самых лучших **болгарских** литературных образцов; вниманию публики были представлены биографии выдающихся авторов в кратком изложении и с демонстрацией портретов.

Джагфару предложили посетить учрежденный литературным обществом Музей **болгарской** литературы, в котором, как объяснили гостю, собраны **болгарские** книги, начиная с самых первых [...] Многие предложили Джагфару свои услуги в качестве гида, но он предпочел пойти в музей в одиночестве. Там его уже ждали служащие, предупрежденные телефонным звонком из Общества. Двери всех помещений были предусмотрительно открыты. Музей передали литературному обществу, и многое предстояло еще привести в надлежащий порядок. Большой зал был буквально забит книгами. Они грудami лежали на полу, а специальные таблички указывали их жанр и тему. Подойдя к одной из таких груд, и не прочитав таблички, Джагфар взял в руки первую попавшуюся книгу и открыл ее. Уже первое предложение, объясняющее, что такое менструальная кровь [...], заставило его отложить книгу и взять другую. Там описывались тонкости подмывания в зимний период. Джагфар едва сдержался, чтобы не забросить книгу подальше в угол. Как назло, в третьей речь шла о совокуплении и последующем омовении. "Значит, все книги, сваленные в эту кучу, посвящены подобным темам! — с досадой подумал Джагфар. — Неужели все это было так важно для **болгар**?" — искренне удивился он. Неожиданно сверху сплошной лавиной посыпались книги, и Джагфар оказался завален

толстыми томами. Поначалу он даже не мог пошевелинуть рукой. Он начал задыхаться и, с трудом сдвинув несколько книг, проделал небольшую щель для доступа воздуха. Падавший через нее свет освещал обложки некоторых фолиантов — все это были учебники по морфологии арабского языка, отличавшиеся друг от друга лишь названиями.

Еще немного, и Джагфару пришлось бы очень тяжело, но тут появился служащий музея и помог ему выбраться из книжного плена. Немного отдышавшись, он снова принялся за книги. Теперь он брал из штабеля один за другим тома арабской грамматики, точнее, морфологии. Все они были бестолково написаны и не годились для серьезного обучения. Если бы, например, какому-нибудь французскому специалисту по статистике сообщили число таких книг, то он, наверное, предположил бы (по аналогии), что учебников русского языка явно должно быть больше, персидского наполовину меньше, а французского и немецкого — примерно столько же. Ну и конечно же такой вполне логичный подход привел бы нашего статистика к выводу, что книг по **булгарской** грамматике в два раза больше, чем по арабской. В результате он впал бы в заблуждение относительно развития языкознания у **булгар**.

Книги, посвященные морфологическим особенностям арабского языка, были написаны в разные столетия разными авторами, но их объединяло одно общее свойство — полная непригодность для учебного процесса. Несмотря на различия в названиях, именах составителей и редакторов, грамматические примеры были одинаковы: те же глаголы "фарра", "ба'а", "акша'арра"⁴. Книги были составлены на основе известного учебника "Шарх-и Абдулла"⁵, в которых лишь главы были переставлены таким образом, чтобы каждый новый "автор" мог увековечить свое имя. Джагфар долго ломал голову над тем, зачем же понадобилось такое невообразимое количество учебников по одному предмету. Если предположить, что это была дань уважения арабскому языку, которому придавалось огромное значение в системе обучения, то ведь Джагфар хорошо знал: большинство улемов и даже мударрисов едва могли связать несколько слов по-арабски. Отчаявшись найти сколько-нибудь приемлемое объяснение столь обильному количеству "арабских морфологий", Джагфар, в конце концов, решил, что авторы

составляли свои так называемые учебники по принципу: "Если другие пишут, то чем же я хуже?".

Он прошел чуть дальше и наткнулся на очередную гору сложенных как попало книг. Здесь были собраны "таджвиды", то есть книги, учившие правильно читать Коран. Каких только названий здесь не было: "Таджвид Мифтахуддина", "Таджвид Зии", "Начальный таджвид", "Полный таджвид", "Таджвид для детей", "Краткий таджвид" и еще сотни других "таджвидов". Одни были написаны прозой, другие в форме стиха, третьи представляли из себя вопросники, наконец, были и обложки с изображением человеческого рта. Впрочем, Джагфару хватило нескольких минут, чтобы понять: это лишь видимое многообразие, а на самом деле все "правила чтения Корана" имели один источник — известный солидный "Таджвид Карабаша".

"Почему же люди хотели прослыть большими знатоками, не приложив к этому ни малейшего усилия? — вздохнул Джагфар. — Если бы они уделили кораническим смыслам хотя бы сотую долю того внимания, которое было потрачено на отдельные слова, мы не пали бы так низко! Начетничество погубило нас, проклятое начетничество и буквоедство!".

В следующей комнате он увидел большие листы бумаги с изображением Стамбула, Мекки, Медины, "дерева ада"⁶, лотоса крайнего предела⁷, благословенных башмаков и посохов, глаза, источающего слезы. "И это наша живопись", — подумал Джагфар и не задерживаясь прошел мимо. А вот еще один ворох из бумажных листов: бесчисленные "полезные" молитвы и талисманы — от злых духов, приворотные, дающие богатство... Все они снабжены соответствующими "преданиями" о Посланнике Бога и уверениями о том, что чтение таких молитв непременно приведет к искомому результату. "Вот кто отучил нас от работы и пристрастил к безделью и лени", — Джагфар, схватив несколько листов, бросил их на пол.

Небольшой горкой лежали учебники по синтаксису арабского языка. "Видимо, не много было знатоков синтаксиса, а не то здесь непременно возвышалась бы огромная груда" — усмехнулся Джагфар. Далее его глазам предстала табличка с надписью: "Книги по логике". Однако, пролистав некоторые из них, Джагфар так и не обнаружил каких-либо признаков, указывающих на их принадлежность к разряду учебников по этому предмету.

Везде были лишь отголоски схоластических диспутов, бессодержательных споров, лишенных смысла словопрений. Всего несколько книг, написанных на плохом арабском, содержало правила логики, которые, впрочем, были известны еще два тысячелетия назад. Джагфар нашел учебники, написанные и на **булгарском** языке, но это не меняло общей картины. Так называемые книги по логике оставляли удручающее впечатление. Вероятно, это были "труды", в наибольшей степени затуманившие разум и отравившие душу улемов, дававшие людям лишь одну возможность — быть неучами и консерваторами, неспособными к живой мысли. Между тем Джагфар продолжил экскурсию по музею. Книг было еще очень много, но едва завидев табличку с надписью "**Булгарские** газеты", он чуть ли не бегом устремился к ней. Под табличкой находились подшивки многочисленных **булгарских** периодических изданий, выходивших в последние два века. Джагфар сразу же заметил "Тарджеман", схватил целую кипу номеров и прижал к груди. К горлу подступил комок, он не мог сдержать слезы. Брал из кипы отдельные номера и с отчетливым чувством обретения чего-то до боли родного, целовал их. Он словно бы говорил по душам с Исмаил-беком — первым редактором первой газеты российских мусульман, который пробудил нацию от векового сна и осветил весь **булгарский** мир лучами науки, просвещения и надежды на лучшее будущее. Джагфар представил, как бы они вдвоем обсуждали проблемы **булгарской** жизни. Ему пришло в голову, что Исмаил-бек [...] Джагфара мучил вопрос: почему, если **булгары** дали миру таких великих людей, как редактор "Тарджемана", который даже людей ко всему безразличных, не желавших и слышать о каких-то там национальных интересах, увлек своим энтузиазмом, — так почему же не появились новые подвижники, достойные Исмаил-бека? Ведь все, чем **булгары** могли гордиться в конце XIX–начала XX века, — заслуга именно этого человека!

Джагфар долго держал в руках подшивку. Все в "Тарджемане" — и язык, и шрифт, и оформление — казалось ему верхом совершенства. Он прочитал несколько статей и сообщений, где каждое слово было правдой, каждое было на вес золота, каждое говорило о благородстве замыслов и устремлений автора. Если бы Джагфар подобно **булгарам** XIX столетия верил

в чудодейственное лечебное действие тех очень хороших по смыслу слов, которые писали шафраном на тарелках, а потом, смешав с водой, выпивали, или в то, что сложенные в несколько раз листочки бумаги с молитвами, зашитыми в специальные мешочки, спасают от джиннов, он бы, наверное, переписывал на блюдце строки из "Тарджемана" и пил бы их по семь блюдеч на дно в течение семи дней либо разместил бы амулеты из сафьяна с газетными статьями по всему телу.

Рядом с подшивками "Тарджемана" находились стопки номеров издававшейся в Казани газеты "Кабан"⁸. Она стала выходить в начале XX века под прямым влиянием "Тарджемана" и была его верной помощницей. "Кабан" издавался до 1935 года и в течение всех этих лет поднимал на своих страницах самые актуальные, злободневные проблемы, давал богатую пищу для размышления, вызывал интерес у самых закоренелых консерваторов, внушал читателям оптимизм, воспитывал их в духе служения нации. Джагфар внимательно вчитывался в статьи, бегло просмотрел повести и рассказы, помещенные в разделе "Приложение". Он погрузился в атмосферу болгарской жизни прошлого. Следующей газетой, заинтересовавшей его, была "Игенче" ("Земледелец"), которая издавалась в течение десяти лет, а затем была закрыта за отсутствием подписчиков, хотя содержала чрезвычайно полезные сведения о ведении сельского хозяйства, давала практические советы, обучала различным ремеслам.

Джагфар просмотрел все солидные болгарские газеты: оренбургскую "Сакмар", астраханские "Хазар" и "Барабыз" ("Вперед"), журналы с красноречивыми названиями "Булгар", "Уку" ("Просвещение"), "Дин" ("Религия"), наконец, юмористическую газету "Мулла"... Тут же находились портреты редакторов, их авторучки, чернильницы, выдержки из переписки с известными людьми своего времени. Все это напоминало о былом энтузиазме, благородных порывах, но сейчас производило впечатление чего-то давно ушедшего, безвозвратно погибшего. Авторы газет и журнальных статей в один голос зывали к разуму современников, писали о необходимости коренной перестройки жизни, но одновременно в их словах сквозило предчувствие неосуществимости подобных планов.

⁴ Фарра, ба'а, икша'арра — арабские глаголы (бежать, продавать, дрожать).

⁵ Шарх-и Абдулла — учебник арабской грамматики (морфологии) на персидском языке.

⁶ Дерево ада — см. закум.

⁷ Лотос крайнего предела — коранический термин для обозначения определенного места на седьмом небесном своде.

⁸ «Кабан», «Сакмар», «Хазар» и т. д. — названия вымышленных, никогда не издававшихся газет.

Потом Джагфар подошел к сравнительно небольшому штабелю книг художественного содержания — романов, рассказов, пьес. Оказалось, что большинство он читал: почти все они были в его домашней библиотеке. Мастерское описание природных красот, глубокое проникновение в психологию человека, его драматические переживания, резкое бичевание общественных пороков, призывы строить жизнь по-новому, воплощать в практику благородные идеалы — все это присутствовало в художественной литературе **булгар**. Однако беда состояла в том, что именно такие книги издавались очень малым, ограниченным тиражом, да к тому же печатались в старых типографиях с допотопной полиграфической техникой и на плохой бумаге. На титульных листах традиционно заявлялось, что все права на издание принадлежат автору, и очень редко указывалось имя издателя. Это свидетельствовало о том, что действительно толковых издателей было мало, да и большинство из них предпочитало давать средства на очередной выпуск "проверенных", раскупаемых произведений типа "Фазаиль-аш-шухур". И до этого Джагфар никак не мог взять в толк, почему те, кто жертвовал немалые суммы на национальные нужды, так и не обратили внимания на самую важную, самую значительную сферу **булгарской** жизни. Теперь же, в музее, его недоумение достигло предела.

В других залах были выставлены нотные записи музыкальных произведений, а отдельный раздел посвящался **булгарской** поэзии. Джагфар любил стихи **булгарских** авторов, а силлабический размер, обычно использовавшийся ими, казался ему наиболее подходящим и близким к природе национального стихосложения. Он перелистал несколько поэтических сборников и задумался о судьбах поэтов, тяжелых испытаниях, выпавших на их долю. Поглядев по сторонам, он заметил надпись: "Конфликт между джадидистами и кадимистами"⁹. Из немалого количества книг на эту тему большую их часть составляли такие, предметом которых был анализ совершенно никчемных, "высосанных из пальца" вопросов, например, целый труд о необходимости буквосочетания «лам-алиф»¹⁰ или

книга, утверждавшая, что система счета по абджаду является чуть ли не основой религии. Авторами других антиджадидистских опусов выступали, с одной стороны, постоянные персонажи пошлых сплетен, преуспевшие в развратных похождениях люди, никогда всерьез не интересовавшиеся религиозными проблемами, а с другой — кстати и некстати демонстрировавшие свою набожность типы, которые даже в священный месяц Рамазан не переставали употреблять опиум и даже в мечети не забывали подкладывать под язык табачный порошок. Именно они громче всех кричали, что звуковой метод обучения детей чтению является явным признаком вероотступничества. В некоторых книгах свои суждения смело высказывали и такие личности, которые гуляли на свободе лишь постольку, поскольку у **булгар** не было психиатрических лечебниц.

В конце концов, Джагфар почувствовал сильную усталость от обилия книг, впечатлений и переживаний. Перед глазами все плыло словно в тумане. Он вернулся в гостиницу, чтобы немного отдохнуть, а чтобы затем вновь отправиться в музей. В номере Джагфар прилег на кровать. Сильное эмоциональное утомление не позволило ему заснуть по-настоящему, глубоко и крепко. Сумбур в голове сказался на сновидениях, более похожих на кошмарное наваждение. Он снова увидел **булгарских** писателей, ученых... Будто бы он вместе с ними плывет куда-то на пароходе, при этом слышится **булгарская** народная песня о прошедшей молодости, которую невозможно вернуть. Ясный солнечный день, но неизвестно почему тьма постепенно сгущается. Капитан судна — **булгар**, но почему-то в чапане и чалме. Лоцманы напоминают толстобрюхих баев XIX века. Пароход двигается вперед, налетая на льдины. Сгущаются сумерки, вдалеке виден казанский кремль. Наступает полная темнота. Он замечает, что это — затмение солнца, но на небе видны звезды, которые то вспыхивают, то гаснут. А вот и башня Сююмбике¹¹, она раскачивается из стороны в сторону. Джагфару кажется, что это не башня, а тяжело больной человек. Вновь появляется капитан, на этот раз цвет его чалмы черный, а чапана — желтый¹². Глаза его сверкают. Оказывается, что он смотритель башни и пытается предотвратить ее падение. При каждом наклоне башни он подкладывает под нее свой чапан... Вот он уже вошел внутрь. Башня начинает раскачиваться еще сильнее, полумесяц на ее шпиле также теряет

устойчивость, и вот финал: башня падает и как бы растворяется в воздухе вместе с капитаном. Наступает крошечная тьма, и Джагфар видит себя уже верхом на коне, а рядом с ним хан Гаязетдин Узбек¹³. Они хотят совершить намаз, но не могут найти подходящего места. Вдруг появляется хан Улу Мухаммед¹⁴, вслед за ним Сююмбике в платке и черном одеянии. К ней подходят все трое мужчин, но Сююмбике отстраняется: "Не подходите ко мне, меня уже нет". Джагфар бельгевар превращается в камень, Улу Мухаммед исчезает, а хан Узбек падает на землю замертво. И сама Сююмбике слышит некий голос, говорящий о том, что умерли и Узбек, и Улу Мухаммед, и Джагфар-бельгевар¹⁵ и что их участи не минует и Сююмбике. И действительно, вот и ее уже не видно... Чей-то злобный голос заставил Джагфара проснуться. Он был в холодном поту. Все еще не отошедшему от кошмара, ему почудилось, что кто-то отчетливо сказал: "Сююмбике умерла", — и сразу ужас поселился в его душе. Ощущение неотвратимости беды обуяло его. Едва одевшись, Джагфар помчался на вокзал. Там было много людей, собравшихся для проводов гостя, но он не видел и не слышал их, весь захваченный одной мыслью: скорее к Сююмбике! Уже в Казани из окна поезда он взглянул на башню Сююмбике: ему показалось, что она действительно качнулась раз-другой. На вокзале он нанял извозчика и напрямик отправился в усадьбу, а там, соскочив с пролетки, буквально вбежал в комнату жены. Сююмбике лежала на кровати в желтом платье. Было полутемно, при свете лампы лицо жены казалось особенно грустным и скорбным. Она увидела его и, так как язык уже не повиновался ей, рукой подозвала к себе. Джагфар преклонил колени и поцеловал ее. Слезы капали на холодную руку больной и скатывались вниз. Сююмбике долго и пристально смотрела в глаза мужу. "Все кончено", — едва слышно сказала она, собрав остаток сил; взор ее померк и дыхание оборвалось... Джагфар долго не отпускал ее руку, плакал и плакал навзрыд, потом встал и прошел в свою комнату. Какие-то люди подошли и сказали, что ребенок родился мертвым и был наречен именем Туктамыш согласно последней воле покойной. Джагфару принесли маленькое тельце. Он смотрел на него странным, возбужденным взором. Ему хватило еще сил сказать: "Вот и умер последний ребенок последнего **булгара**", — и он упал без чувств. Джагфара вывели из обморочного состояния довольно быстро, но это ничуть не обрадовало его. Хотелось забыться навсегда...

На следующий день была вырыта могила, и Джагфар похоронил свою ненаглядную Сююмбике. На траурную церемонию прибыло много людей из Казани и других мест. Присутствовали даже представители различных обществ Петербурга. Обряд погребения точно соответствовал мусульманским традициям, как и хотел Джагфар. После похорон он не мог более оставаться дома и уехал в Казань, где тут же направился к башне Сююмбике. Печальная картина открылась перед ним. Оказывается, часть основания башни обрушилась, и теперь рабочие занимались расчисткой завалов. Потрясенный Джагфар решил, что только посещение Шахри-Булгара сможет хоть как-то залечить его вконец израненную душу, и не мешкая, отправился на городище.

Он долго бродил меж надгробных камней и развалин когда-то славного города, погрузившись в размышления о превратности времен. Утомившись, взошел на самый верх минарета¹⁶ и стал осматривать окрестности Булгара. Поднимаясь по винтовой лестнице, Джагфар заметил множество надписей, сделанных паломниками на стенах, с указанием имени и года посещения. Его поразило контраст между судьбами минарета, простоявшего здесь, как часовой, много веков, и народа, великого не только по численности, но и по свершениям, который так и не смог выдержать испытания временем. И он нашел для себя объяснение этому: фундамент минарета в свое время сделали очень прочным и солидным, в то время как основой всех наших дел и начинаний были легкомыслие и недальновидность, и неудивительно, что все пошло прахом, а народу была уготована гибель.

Потрясения последних дней и умственное напряжение не могли пройти бесследно. Джагфар стал бредить наяву. Он снова видел перед собой давешнего капитана, мулл, лоцманов, болгарских писателей, Сююмбике. В ушах слышались отзвуки маршевых мелодий. Наступила ночь, а Джагфар не спешил спускаться с минарета. Мрачные думы не отпускали его ни на минуту: иногда, чтобы заглушить тоску и печаль, он начинал напевать болгарские песни.

...Взошел месяц и осветил своим волшебным светом все вокруг. Тут Джагфару пригрезилось, что к Шахри-Булгару приближается болгарская конница...

Неожиданно густое черное облако закрыло луну, подул сильный ветер, его завывания отзывались эхом в лестничном проходе минарета. Стало холодно. Джагфар, зябко кутаясь в одежду, немного отодвинулся от проема и присел в уголке. Голова его склонилась. Сквозь полудрему перед ним снова представали лица **булгарских** писателей и поэтов, неясный, размытый образ Сююмбике. Сила ветра усилилась, его свист казался зловещим. Минарет качнулся, а потом основание его стало отрываться от земли. Джагфар дремал, не сознавая, что происходит. Отчетливый голос Сююмбике спросил: "Конец? Это конец?". С ужасающей силой и страшным воем налетел очередной порыв ветра. Минарет содрогнулся, и это разбудило Джагфара. Небо опрокинулось на него, минарет рухнул; Джагфара завалило обломками камней. Такой была смерть последнего **булгара**.

...Члены Исторического общества, прибывшие на место трагедии, обнаружили под развалинами безжизненное тело и захоронили его. Вся библиотека и вещи Джагфара были переданы в музей.

Память о **булгарах** сохранялась в течение веков, так же как их литературные и музыкальные памятники. Ну а сами **булгары**, подобно мулле XIX столетия, побывавшему в течение одного дня на пятнадцати званных обедах и прилегшему отдохнуть, спали безмятежным сном в своих могилах.

Мухаммед-Гаяз, 27 ноября 1902 г.

Оренбург, квартира Ильина.

⁹ Джадидисты и кадимисты — так условно называли сторонников и противников новых методов обучения; от *араб.* «джадид» — новый и «кадим» — старый.

¹⁰ «Лам-алиф» — двоякая буква в арабском алфавите (л + а). В конце XIX — начале XX вв. среди булгарских мусульман имела место дискуссия о целесообразности сохранения буквосочетания «лам-алиф». В то время как Исмаил Гаспринский и некоторые другие выступали за упразднение этой графемы, указывая на то, что это облегчит изучение арабского алфавита, группа улемов (среди них выделялся казанский мулла Гарифулла Салихов) настаивала на сохранении «лам-алиф» как неотъемлемого элемента арабской графической системы.

¹¹ Достопримечательность казанского кремля, представляющее из себя высокую семярусную башню, сложенную из красного кирпича и имеющую заметное отклонение от оси. Носит народное название легендарной казанской царицы XVI века Сююмбике. По преданию, С., чтобы избежать пленения русским царем, бросилась вниз с этой башни и разбилась.

¹² Традиционный цвет чалмы — белый, а чапана — зеленый. Здесь Г. Исхаки через обозначение неестественности красок, видимо, стремится показать атмосферу тревоги, предчувствуемой трагедии.

¹³ См. прим. на с.103

¹⁴ Улу Мухаммед (1405-1445) — один из последних могущественных ханов Орды.

¹⁵ Бельгевар — *булг.*, профессор.

¹⁶ ...верх минарета — речь идет о Малом минарете, излюбленном месте локального паломничества болгарских мусульман.

Послесловие

Любезный читатель! Надо полагать, что ты, прочитав эту книгу, будешь обвинять меня в попытках предсказать будущее, отрицании предопределения, приверженности гадания и тому подобных грехах. Конечно, твоя воля, только прежде чем потрясать в мой адрес кулаками, все же поразмышляй о содержании книги и о том, в каком направлении мы движемся.

Я готов принять с благодарностью любые упреки, вы можете даже назвать меня гяуром, "неверным", если не подыщите более хлестких выражений. Так вот, я согласен на любые оскорбления, лишь бы ты, мой читатель, после прочтения этой книги серьезно задумался. Моя цель вовсе не в том, чтобы выглядеть перед тобой благовоспитанным и приличным и тем самым вызвать к себе хорошее отношение. В книге я стремился донести до людей истинное положение вещей, побудить их к размышлениям и вдохновить на осознанные действия во благо нации. Я хотел, чтобы они поняли: то, что сейчас понимается под словами "служение нации", не принесет ничего путного.

Верно, в книге очень много резких выражений и обидных оценок, и читать их — занятие не из приятных. Я полностью отдаю себе в этом отчет. Но все, что в ней написано, к сожалению, правда, горькая правда. И я уверен, что если наш народ изберет направление, обозначенное в моей книге, то возможности избежать вырождения сведутся к нулю. К великой досаде, мы не обладаем даже одной двенадцатой тех качеств, которые делают нацию нацией.

Попробуйте провести анализ того, что сделано, и что предстоит сделать. К каким результатам привело уже свершенное и какую пользу мы извлечем из будущих действий? Подумайте об этом беспристрастно и честно. Если вы не являетесь человеком, обуреваемым несбыточными мечтами, если вы не самоуверенны до упрямства и не чужды социологической науке, то вы, безусловно, согласитесь со мной в том, что все, о чем я написал — реальность, свидетелями которой мы являемся или будем являться чуть

позже. Только одно уточнение: эта реальность вполне может стать другой. Но лишь при том условии, что мы коренным образом изменим нашу жизнь.

Некоторые из тех, кто прочтет книгу, скажут: "Ну хорошо, пусть он написал, что хотел, но мог бы поостеречься резких выражений, объяснить бы все приличным языком". Да, есть и такой путь, но он не для меня. Я думаю, что разбудить человека, спящего так крепко, можно лишь сильным тычком под ребра, а не нежным поглаживанием по спине. Если он, взбешенный таким обращением, даже заедет тебе со всего размаху в глаз, не беда. Главное, он будет в дальнейшем знать, когда и где можно предаваться сладкому сну.

Считаю, что если кто-то пострадает от моего жесткого стиля, то прежде всего это буду я. Стряхнувшая с себя чары сна нация мощным ударом собьет меня с ног, и я буду только рад этому. Ведь у меня хватит сил подняться для того, чтобы сказать, что хорошо бы нации очистить глаза от гноя после такого долгого сна. И снова она больно ударит меня. Я же отвечу, что у нее нет ума, раз она пытается нанести вред человеку, стремящемуся помочь ей. Она опять рассердится, но на этот раз совесть уже не даст нанести очередной удар. А потом я позволю себе подшутить над нервическим темпераментом нации и дам совет — умыться холодной водой. Конечно, она сделает вид, что не будет следовать этой рекомендации, но в мое отсутствие так или иначе попробует испытать метод на себе, почувствует облегчение и будет повторять процедуру до сих пор, пока не станет совершенно другой. Моя главная цель и состоит в том, чтобы добиться этого.

Возможно, многие удивятся такой постановке вопроса и скажут что-нибудь вроде того, что, мол, жили-поживали до этого, и ничего, Бог миловал, так зачем же от добра добро искать? Отвечу, что такие рассуждения глубоко ошибочны, порочны в своей основе. Мы постоянно обманывали сами себя, пребывая в самодовольстве. И сейчас самообман, нежелание смотреть правде в глаза тормозят наше движение вперед.

Наш век — это время, когда другие народы изобретают невиданные доселе машины и механизмы, совершают все новые и новые, подчас непостижимые для человеческого ума научные открытия. С другой стороны, численность населения в мире непрерывно возрастает, жизненные блага

становятся все более дорогим удовольствием. В этих условиях для того, чтобы не отставать от других народов, мы должны добиться, во-первых, соответствия нашего уровня знаний мировым стандартам, а во-вторых, работать не меньше и не хуже остальных.

К сожалению, пока мы не можем похвастаться ни тем, ни другим. Если будем жить по-прежнему, не видать нам успехов и достижений как своих ушей. И не надо сравнивать наше время с прошедшими эпохами. Тогда все народы были в одинаковом положении, т. е. не могли пользоваться современными достижениями цивилизации, которые очень облегчили человеческую жизнь. Теперь же с помощью этих достижений они движутся по пути прогресса семимильными шагами. Совершенно очевидно, что та нация, которая окажется не в состоянии идти с другими в ногу и соответствовать требованиям нового времени, в конце концов ослабеет и одряхлеет до такой степени, что просто будет поглощена другими. Упорное стремление сохранить все по-старому не сулит нам счастья. Наша жизнь все равно изменится, и дело лишь в том, каким образом. Если мы пустим все на самотек, последствия будут непредсказуемыми, а точнее говоря, страшными. Короче, пока у нас еще есть воля к жизни, мы должны отбросить пришедший к нам с конфуцианством^{*} принцип "все новое — ересь" и спешить приобретать знания, которыми уже обладают передовые народы. И первый шаг на пути к этому — обучение в русских школах.

Не следует ругать тех учащихся русских школ, за то, что они одеваются по русской моде и критикуют вещи, которые многие из нас считают святыми в соответствии с конфуцианским вероучением. Пора уже научиться сдерживать раздражение и гнев, тем более что мы прекрасно видим, как время Кышкара и Сатыша¹ безвозвратно уходит, а на смену ему спешит эпоха тех, в кого сейчас летят стрелы осуждения и хулы.

Народ наш все более и более впадает в бедность и нужно серьезно взяться за решение этой проблемы. Богатство народа определяется его физическими затратами на труд, или, иначе говоря, объемом выполненной им работы. Этот объем зависит от умения работать, а для того чтобы уметь, необходимо знать. Но только не надо делать вид, что мы и так всему обучены. Наши знания несопоставимы с уровнем образованности других народов. Вот почему мы должны, нет, мы обязаны определять своих детей в технические учебные заведения. Мы должны устраивать в такие училища

бедных людей, в конце концов, сами поступать туда. Давайте же будем соответствовать времени, приносить конкретную пользу нации! Если есть деньги, можно открыть собственные промышленные училища. Если нет, надо поступать в государственные, главное, чтобы мы получали нужное для жизни образование. То же относится и к коммерческим школам. Мы обязательно должны изучить науку торговли, перестать довольствоваться продажей шапок и тюбетеек, перейти к масштабным торговым операциям, знать бухгалтерию, вести торговую деятельность рационально. Нужно овладевать и другими науками, которые преподаются в государственных учебных заведениях: медициной, юриспруденцией, историей, математикой, архитектурой, искусством живописи — в общем, всем, чем возможно. Лишь в таком случае мы сможем открыть дорогу к так нужным нам денежным средствам и расходовать их сообразно потребностям. И тогда мы уже не будем вынуждены обивать пороги в поисках финансовой помощи.

Ну а если предпочтем жить по старинке, то потеряем и то невеликое богатство, которое пока у нас есть. Нет общественного богатства — значит, ничего нет. Обнищавшая нация сначала теряет мораль, потом религию и, наконец, самое себя. Это многократно доказано историческими прецедентами. Самые развитые народы современности являются и самыми богатыми и цивилизованными. Во времена Аббасидов² арабы жили в достатке и благополучии, были самым цивилизованным народом. Но лишь только истощилась государственная казна и наступил период обнищания, исчезла и славная арабская цивилизация. Их счастье, что как народ они все-таки сумели выжить.

Для национального прогресса необходимы прежде всего финансы, а они придут только в том случае, если мы постигнем премудрости технического, профессионального образования. Поэтому когда мы учреждаем обычную школу, при ней следует открыть и специальные классы для изучения тех или иных профессий и ремесел. Чему бы ни учили в школе, все это должно быть применимо в жизни.

У нашего народа есть странный предрассудок: мол, чем больше человек учится, тем дальше он отходит от религии. Об этом очень часто говорят, особенно улемы. Стоит только кому-то совершить конкретное дело, самостоятельный поступок на ниве просвещения, и тут же улемы, а вслед за

ними и простые люди начинают твердить, что образованные люди непременно сначала лишаются национальных нравственных устоев, а затем постепенно теряют и религиозность. Так обычно говорят об учащихся государственных школ и училищ, хотя при встрече те же самые критики подобострастно обращаются к ним не иначе, как "господин мурза". По-моему, такое отношение к образованию происходит от незнания ислама, от того, что конфуцианство, принесенное нам из степей Каракорума³, пустило у нас слишком глубокие корни.

В наших личных документах записано "мусульманин", и мы всегда активно протестуем против ущемления нашей религии, однако на деле так рьяно защищаемые нами "святые" принципы представляют собой конфуцианские догмы, ничего общего не имеющие с исламом. Нам давно пора понять, что все эти разговоры о неприемлемости для мусульман русского стиля в одежде и обучения в русских школах никак не связаны с защитой ислама, они просто лишний раз свидетельствуют о засилье конфуцианского менталитета, который по своей природе не терпит перемен.

Тринадцать веков назад исламская религия установила принцип обязательности образования. И неужели по причине того, что сын некоего Ахметзяна, закончивший Кышкарское медресе, и сын Фахри-муэдзина, несколько лет «пасший стадо» в Бухаре, стали "солидными" муллами, а отпрыск Дамина-хазрата, вернувшись из Египта, провозгласил себя ишаном, — неужели лишь по этой причине образование стало запретным, богопротивным делом? Следуя такой логике, нужно признать, что и сама религия запретна. Вот до какого абсурда доводит конфуцианство на нашей родной почве! Впрочем, вы конечно же возразите в том духе, что если принцип единства времени был безусловным 1300 лет назад, то стал неприемлемым в наши дни, а принцип единства места был обязателен в Азии, но ни в коем случае не в Европе и т. д. и т. п. Однако чтобы вы ни говорили, какую бы схоластическую белиберду в свое оправдание ни приводили, все это признаки вашей приверженности не исламу, а именно конфуцианским верованиям. Если вы утверждаете обратное, то тем самым клеветаете на ислам, и за это будете держать ответ в Судный День...

У нас на пятнадцать миллионов человек нет ни одного настоящего медресе, ни одного профессионального училища, ни одной газеты. А ведь те же финны, которых всего-то два-три миллиона, издают 200 газет и журналов. В каждой финской деревне есть начальная школа в настоящем смысле этого слова, в городах — масса средних школ и профессиональных училищ.

Вообще количество учащихся в европейских учебных заведениях огромно. Их наиболее талантливые выпускники знамениты на весь мир. Балканские болгары, численность которых очень мала, и то доказали всем свою состоятельность, послали своих детей учиться за границу, и их теперь можно встретить в крупнейших учебных заведениях самых передовых стран. Болгары неустанно трудились и трудятся на благо своего народа, во имя, его счастливого будущего. А что же мы? Разве мы не нуждаемся в людях способных, талантливых, людях с широким кругозором и патриотически настроенных? Чем мы занимаемся? Может быть, надеемся на то, что таких личностей взрастят медресе в Кышкаре, Сатыше, Сабахе или в тех, что построены в самых грязных уголках Казани и возглавляются муллами-недоучками? Смогут ли наши педагоги и теологи освободиться от пут средневековой схоластики и формальной логики, выбросить как ненужный хлам книги, в которых на редкость бестолково изложены мысли умерших 2000 лет назад Платона и Аристотеля? Достаточно ли у них для этого смелости и решимости?

Откройте же глаза пошире, господа! Перестаньте заниматься начетничеством и буквоедством! Задумайтесь хотя бы о причинах прогресса европейцев, прочитайте несколько страниц из книг по всеобщей истории. О Всевышний, откуда эта слепота, нежелание видеть цивилизацию, сверкающую как солнце, да еще почти под самым боком?

Повезло европейцам! Если бы они вовремя не избавились от мертвой схоластики, которая и их держала в своих объятиях очень цепко, они, как и мы, находились бы в пропасти невежества, нищеты и мерзости.

До каких же пор мы будем изучать "Кадии", "Тахзиб", "Мубин", "Тураб" и им подобные книги, которые уже давно следовало бы переработать в бумажные пакеты? До каких пор мы намерены забивать свои головы

"исследованиями" идейных споров хариджитов⁴, исчезнувших ровно 1285 лет назад? В конце концов сколько еще времени мы, упорно не сознавая наше невежество, будем брести неизвестно куда, в полной темноте, как слепые, без руля и без ветрил?

*Стыдно, господа, очень стыдно! Разве мы не потомки тех деятельных и энергичных **булгар**, которые в свое время строили такие совершенные во всех отношениях города, как **Булгар**, справедливо и разумно правили, успешно торговали и путешествовали по всему миру? Неужели взаправду мы уподобились живым мертвецам, не сознающим, кто они?*

Ведь если мы найдем приложение хотя бы небольшой части наших способностей, мы сможем удвоить пользу от каждого совершенного нами дела. Очень мало на свете народов, наделенных такими талантами, как мы, **булгары**. Даже те немногие из нас, кто поступает в русские школы, считаются там одними из лучших учеников.

Самое важное — мы должны четко уяснить, что и как должны делать в первую очередь. Определив основное направление, мы сможем приняться за исправление и оздоровление нашей жизни. Главное — активные действия. Без этого самые благие намерения пойдут прахом. Иные говорят: "Спешить не надо, со временем все придет само". Такие либо не понимают сути происходящего, либо преследуют свои личные интересы. Как не бывает дохода без реализации товара, так не будет и никакого национального прогресса, прежде чем мы не возьмемся самым серьезным образом за дело образования.

Наши школы дают детям лишь начальное образование, поэтому далее нужно продолжать обучение в русских школах. Ничего, если при этом немножко "запачкаемся". Умный человек всегда сумеет очиститься от "скверны". Но не вызывает сомнения то, что человек, отупевший в наших медресе от бесконечных схоластических упражнений, не сможет помочь своей нации, напротив, он будет камнем висеть на ее шее, не давая распрямиться.

Некоторые ратуют за то, чтобы ехать за образованием в Турцию. Но они глубоко заблуждаются. Хотя у турков период осознания необходимости реформирования учебных заведений и практической работы в этом направлении уже завершился, однако по причине всемогущества и всевластия в

них улемов (которые вообще стали настоящей напастью всех мусульман) реформы так и не были доведены до конца. К тому же мы живем в России, и для нас обучение в русских школах, знакомство с русской духовной жизнью гораздо полезнее. По-моему, в этом нет сомнения.

Мы — российские мусульмане и хотим ими остаться. Ни одной покоренной нации ни в одном государстве не дано столько свободы, сколько нам в России. Нужно только уметь ею пользоваться. Неужто у нас и на это не хватит сил и страсти? О, Боже, спаси нас от засилья мракобесия и направь по пути культуры и просвещения. Пусть у нас всегда будет основание с гордостью говорить: да, именно мы — потомки тех людей, которые прославили наш народ во всем мире!

Гаяз [Исхаки], 1903 год

* Конфуций — знаменитый китайский философ и основатель религии. Жил в 4-м в. до н. э. (Примечание Г. Исхаки).

¹ Кышкар, Сатыш — крупные аулы в Заказанье, в которых находились известные медресе.

² Аббасиды — династия арабских халифов, пришедшая на смену Омейядам (661 — 750). Первым ее представителем был Ас-Саффах (749 — 754), последним (в Багдаде) — Аль-Мустасим, зверски убитый монгольскими захватчиками под предводительством Хулагу (1258г.) Рассвет правления Аббасидов пришелся на VIII — IX вв. При халифе Аль-Муктадире, мать которого была тюркского (возможно, болгарского) происхождения, было организовано посольство халифата в Булгарское государство. Его участник Ибн Фадлан оставил интереснейшие «Записки» (Рисаля) о путешествии в булгарские земли.

³ Каракорум — ставка монгольских (татарских) ханов до правления Кубилая.

⁴ Хариджиты — одна из первых сектанских групп в Исламе.